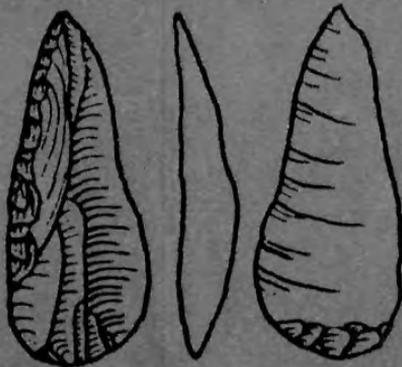
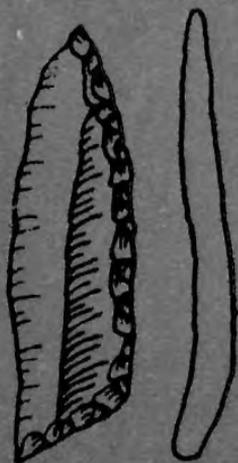

Х. А. Амирханов

Чохское поселение

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Х. А. Амирханов

Чохское поселение

Человек
и его культура
в мезолите и неолите
горного Дагестана

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

instituteofhistory.ru

Ответственный редактор

В. И. МАРКОВИН

Рецензенты

Н. О. БАДЕР, Н. Я. МЕРПЕРТ

В книге на основе всестороннего анализа археологического материала из Чохского поселения — ключевого памятника мезолита и неолита на Северо-Восточном Кавказе — рассматриваются проблемы заселения людьми высокогорной зоны этого региона, зарождения здесь производящего хозяйства, соотношения культуры горного Дагестана с мезолитическими и неолитическими культурами смежных территорий.

А 0507000000-093 КБ-9-76-87
013(02)-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 80-х годах XIX в. известный русский археолог А. С. Уваров высказал смелую для того времени мысль, что в восточной части Кавказского перешейка можно ожидать находку «следов» древних людей, возможно переселенцев времени «палеолитического каменного века». Это говорилось вопреки мнению таких авторитетных ученых, как В. Ф. Миллер, Р. Вирхов и др., утверждавших, что Кавказ издавна являлся всего-навсего культурным «захолустьем».

К сожалению, в те годы попытки найти подобные следы, принятые А. В. Комаровым и Д. Н. Анучиным, успеха не имели. Исследованные ими с этой целью некоторые пещеры в Дагестане не дали материалов каменного века. Д. Н. Анучин был настолько разочарован, что весьма категорично заявлял: «Кавказ был заселен позднее других азиатских местностей и племенами, уже знакомыми с употреблением не только бронзы, но и железа» [Анучин, 1884, с. 449].

Должно было пройти почти полсотни лет, прежде чем ученые снова заговорили о находках каменного века в пределах Дагестана. Ими явились кремневые пластины, собранные в 1939 г. М. З. Паничкиной у совхоза Геджух близ селения Каякент. Дальнейшие археологические работы полностью подтвердили наличие в Дагестане памятников эпохи камня. Уже в 1957 г. В. Г. Котович, отдавший всю жизнь изучению древностей Дагестана, писал, обращаясь к широкой общественности: «Имеющиеся в настоящее время материалы неопровержимо свидетельствуют о том, что территория Дагестана в каменном веке была постоянно обитаема первобытными людьми» (Дагестанская правда. 16.01.1957). И почти тогда же, задолго до появления своего последнего большого обобщающего труда [Котович, 1982], он почти интуитивно стал говорить о производящем хозяйстве древнего человека, основанном на земледелии и скотоводстве (Дагестанская правда. 21.01.1959).

Раскопки, проводившиеся В. Г. Котовичем в Чохе в 1955—1957 гг., позволили, как он думал, обнаружить памятник, характеризующий развитие культуры каменного века от раннего этапа верхнего палеолита до позднего мезолита — тарденуаза [Котович, 1964]. Правда, и после первых публикаций чохских материалов, и после выхода в свет в 1964 г. монографии В. Г. Котовича о каменном веке в Дагестане высказывались сомнения в справедливости таких

широких датировок найденного им кремневого инвентаря (А. А. Формозов). В том, что эти датировки все же надолго утвердились, наибольшую роль сыграла, пожалуй, в первую очередь увлеченность В. Г. Котовича, не покидавшая этого исследователя до последних дней. Сказалась и общая слабая изученность сопредельных регионов и методически слабые разработки в осмыслении массового материала эпохи камня: ведь публикации более новых данных по памятникам указанного времени, обнаруженных в различных районах Кавказа, появились много позже (А. А. Формозов, В. П. Любин, П. У. Аутлев и др.).

Вероятно, Чохская стоянка осталась бы не очень заметным звеном в цепи других древностей, если бы не новейшие исследования, проведенные на ней в 1974 и в 1980—1982 гг. Х. А. Амирхановым. Его работы дали ей «новую жизнь», позволив завершить изучение (на данном этапе) целого ряда вопросов, связанных со становлением производящего хозяйства в условиях высокогорного Дагестана, так глубоко интересовавших В. Г. Котовича. Передатировка памятника (мезолит — неолит), сведение воедино некоторых «слоев», выделенных его предшественником, а главное — изучение Чохской стоянки в комплексе с ее физико-географическим окружением, с учетом данных естественных наук (геоморфология, палеозоология, палеоботаника, климатология) позволили Х. А. Амирханову дать достаточно убедительные ответы на частные и общие вопросы, связанные как с возникновением производящего хозяйства («неолитической революции») и проблемой заселения высокогорий, так и с осмыслением появления культурных ареалов Каспийской области в древнейшие эпохи. Представляется вполне правомерным выделение исследователем особой чохской археологической культуры. С ходом дальнейших работ пространство, занимаемое ею, несомненно, обретет большую четкость, здесь же важна обрисовка тех ее черт, которые уже сейчас дают возможность говорить о специфических особенностях, отличающих ее от синхронных памятников не только более западных частей Кавказа, но даже в пределах самого Дагестана — от его более северных, степных районов.

Монография Х. А. Амирханова, можно думать, будет с интересом принята специалистами, тем более что ее автора отличает умение смотреть на затронутые вопросы широко, с охватом многих сопутствующих деталей, не теряя из виду главный предмет исследования. Хотелось бы отметить и ту тактичность, с которой автор относится к мнению своих предшественников, в первую очередь В. Г. Котовича. В этом тоже одна из сильных сторон книги Х. А. Амирханова.

В. И. Маркович

В 1954 г. в центральной части горного Дагестана экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР был обнаружен первый на Северном Кавказе многослойный памятник каменного века с сохранившимися культурными отложениями. Открытие его привело к частичному решению ряда важных вопросов археологии Дагестана и горного Кавказа в целом. Наиболее существенным результатом было установление факта заселенности высокогорий Большого Кавказа уже в каменном веке, т. е. на много тысячелетий раньше, чем представлялось до того историкам и археологам. Это обусловило и постановку новых проблем, касающихся хозяйственной деятельности древнейших обитателей горного Кавказа, культурно-исторической ситуации на территории Северного Кавказа в каменном веке и соотношения палеометаллических и дометаллических культур данного региона.

Разработка данных вопросов особенно усилилась благодаря открытию во второй половине 50-х и в начале 60-х годов памятников каменного века в центральной и западной частях Северного Кавказа и дальнейшим археологическим исследованиям в Закавказье. Перед исследователями встало много новых масштабных проблем. Однако материалов для их решения было все еще недостаточно, в интерпретации археологических комплексов господствовала жесткая стадиалистская концепция, несовершенной была методика раскопок памятников, не использовались или использовались эпизодически данные естественнонаучных дисциплин. Все это ограничивало возможность извлечения из раскапываемых объектов всесторонней информации, иногда приводило к приблизительным и схематическим выводам. Эти широко распространенные недостатки отразились и на изучении Чохского поселения.

Возобновление в начале 80-х годов раскопок памятника, проводившихся с участием специалистов по геоморфологии, палинологии, палеоботанике, палеозооло-

гии, и осмысление полученных данных с точки зрения современных достижений первобытной археологии выявили новые важные аспекты исследования. Появилась, в частности, возможность привлечь материалы Чохского поселения для решения проблемы становления производящего хозяйства на Кавказе. Комплексное изучение имеющихся на этот счет данных приводит к заключению, что Чохское поселение является единственным пока в нашей стране памятником, отражающим процесс выживания неолитической культуры с производящей экономикой в основном на местной мезолитической основе. Проблема, решение которой долгое время связывалось с появлением на Кавказе в эпоху неолита гелуанских сегментов и «пластинок с выделенной головкой», происходящих будто бы с Ближнего Востока [Формозов, 1965], теперь получает для своего освещения полноценные материалы. Последние отражают сложную картину явлений и процессов, сопутствовавших кардинальным изменениям, происшедшим на Восточном Кавказе с заменой мезолита неолитом.

Тщательное изучение разреза и отложений Чохского поселения дает редкую для Кавказа возможность установления временных рамок мезолита и неолита на геохронологической основе. А палинологический анализ представляет конкретную картину развития климата и ландшафтов Северо-Восточного Кавказа от позднеледниковья до начала и оптимума атлантического времени голоцена. Выясняется природное окружение, на фоне которого происходила хозяйственная деятельность людей мезолитической и неолитической эпохи.

Технико-типологический анализ инвентаря культурных слоев поселения приводит к дальнейшему обоснованию чохской археологической культуры на базе во многом обновленных параметров и при принципиальном пересмотре ее хронологии, тенденций развития и исторической сущности. Рассмотрение этой культуры в общей картине мезолита и неолита соседних и более отдаленных областей позволяет очертить определенные ареалы, а в составе последних — наметить конкретный массив памятников, к которым имеют тяготение чохские комплексы.

Все вышестоящее свидетельствует, что Чохское поселение является ключевым памятником мезолита и неолита Восточного Кавказа. Изучение этого памятника имеет уже свою, во многом поучительную историю. В

год открытия раскопки носили разведочный характер: В. Г. Котовичем был заложен шурф размером 2×1,5 м, который затронул лишь верхние культурные горизонты. В последующие три года (1955—1957) была исследована площадь 92 кв. м и окончательно установлена стратиграфия. Согласно ей здесь выделялось 6 культурных слоев. Более подробно об этом будет сказано в гл. I, здесь лишь отметим, что два верхних были отнесены к раннему и позднему мезолиту, три следующих — к концу верхнего палеолита и шестой (нижней) — предположительно к началу верхнего палеолита [Котович, 1964]. Надо сказать, что эти датировки, как и стратиграфия, были с самого начала дискуссионными. Так, в полевом отчете за 1954 г. начальник Дагестанской археологической экспедиции Р. М. Мунчаев датировал вскрытые разведочным шурфом верхние горизонты памятника неолитом [Мунчаев, 1954]. Основанием для этого служило наличие в материалах этих горизонтов нескольких фрагментов архаической керамики. В. Г. Котович, однако, не принял во внимание эти фрагменты, встречавшиеся по мере расширения раскопа почти на всей площади. Он связывал их с находящимся примерно в 1 км от поселения могильником бронзового века и считал, что обломки керамики проникли в мезолитические слои по «многочисленным норкам грызунов» [Котович, 1964, с. 107].

Теперь, по прошествии более 30 лет от времени первых исследований памятника, после новых раскопок, приходится вернуться к первоначальной датировке верхних горизонтов поселения. Следует отметить, что к правильному пониманию хронологического места чохских культурных отложений был близок и А. А. Формозов. Он считал возможным относить слои 5—4 стратиграфии В. Г. Котовича к мезолиту, а слой 6 датировать верхним палеолитом, но в пределах более поздних его этапов [Формозов, 1963, с. 182]. Большинство исследователей, однако, с незначительными поправками приняло датировки, предложенные В. Г. Котовичем, допуская возможность их дальнейшего уточнения [Бадер, 1965] или вводя некоторые коррективы [Амирханов, 1975]. Пересмотр геологической и археологической стратиграфии памятника был осуществлен лишь в результате раскопок памятника в 1980—1982 гг. Северокавказским горным отрядом Института археологии АН СССР. В настоящее время здесь выделяется два мезолитических и

один неолитический культурные слои [Амирханов, 1982а].

Коренной пересмотр стратиграфии памятника не привел к изменению сложившихся представлений относительно самого существования чохской археологической культуры [Бадер, 1965]. Новое рассмотрение материалов дополняет основания для выделения этой культуры. Что же касается ее конкретного исторического содержания, то оно оказалось неизмеримо богаче того, чем представлялось.

Собственно, данный факт также угадывался. В. Г. Котович, в течение многих лет отстаивавший положение о раннем (в пределах неолита) и самостоятельном становлении на Северо-Восточном Кавказе производящего хозяйства, сам не раз ссылаясь на материалы из верхних слоев Чоха [Котович, 1964, с. 211—223; он же, 1974, с. 58—62]. В этом же ключе обращались к Чохскому поселению В. М. Массон [1971, рис. 34 на с. 317], К. Х. Кушнарева и О. М. Джапаридзе [1978, с. 270], М. Г. Гаджиев [1980а, с. 7—8]. Оперирование этими данными, однако, не могло привести к доказательным выводам как из-за устоявшихся ошибочных датировок слоев памятника, так и вследствие недостаточно конкретного осмысления его материалов. Другой очевидной стороной отмеченного интереса к комплексам Чохского поселения было понимание того, что значение этого памятника вышло широко за рамки проблематики археологии Дагестана. Новые всесторонние исследования поселения полностью подтверждают это [Амирханов, 1982 в, с. 20; он же, 1983, с. 52—57]. Представляется, что введение в научный оборот всех имеющихся по исследуемому памятнику новых данных может способствовать решению некоторых важных вопросов археологии Кавказа, и в первую очередь такой узловой проблемы, как становление производящей экономики.

При публикации материалов важно установить основу их анализа и определить исследовательские методы раскрытия заключенного в них исторического содержания. Археологический источник является носителем информации о производственно-бытовой и духовной жизни прошлых поколений. В этом смысле он является источником историческим. Однако информация в данном случае «закодирована» и может быть расшифрована только своеобразным ключом — специфически археологическими методами. В особенности это касается камен-

ного инвентаря. Именно поэтому на начальном, эмпирическом уровне исследования мы отрываемся от конкретного содержания вещи и рассматриваем различные аспекты формы, техники, технологии инвентаря и его статистику через возможно большую логизацию данных. Другими словами, такое, например, орудие, как прямоугольник, не рассматривается заранее как вкладыш, т. е. как элемент составного орудия, а описывается в виде совокупности его очевидных технико-типологических признаков, т. е. как изделие на пластинке, у которого крутой ретушью обработаны оба конца и один край. Далее по принципу подобия изделия объединяются в соподчиненные классификационные группы, которые могут составлять типы — совокупность предметов с устойчивым и повторяющимся сочетанием единых для всех их существенных признаков, варианты типа — группы предметов внутри одного типа, различающиеся между собой по одному-двум признакам при остальных постоянных, и категории — группы родственных типов [Григорьев, 1972, с. 16—17].

Сложной и не до конца разработанной является процедура выделения археологических культур. В настоящей работе автор исходит из того, что для целей культуроопределения могут служить как специфика типов орудий [Гвоздовер, 1961; Праслов, 1968, с. 141], так и своеобразие элементов техники и технологии (для кремневых орудий — первичная и вторичная обработка [Любин, 1978а]). Поэтому мы пытались изучить материалы с учетом всех составляющих техники и типологии. Описание кремневого инвентаря дается при этом по следующим последовательным пунктам: первичная обработка, вторичная обработка, типологическая характеристика.

Первичная обработка. Для выяснения техники первичного раскалывания мы основываемся прежде всего на нуклеусах, затем на скелотых с них заготовках и, наконец, на производственных отходах. Нуклеусы подразделяются на группы в зависимости от двух основных признаков: характера ударной площадки (прямая или скошенная) и числа ударных площадок (одноплощадочные или двухплощадочные нуклеусы). Ядрища других типов описываются особо.

Заготовки как продукты первичного скалывания подразделяются нами на пластины, пластинки, микропластинки и отщепы. Для различения пластин и отщепов

существует, как известно, критерий отношения длины изделия к его ширине. При этом различные исследователи определяют данный критерий по-разному. Так, А. Леруа-Гуран считает пластиной изделие, длина которого в четыре раза превосходит его ширину [Leroi-Gouhan и др. 1966, с. 13]. Мы принимаем иное, более распространенное определение, согласно которому пластиной называют скол, длина которого в два раза больше его ширины или равна этому значению [Sonneville-Bordes, 1960, т. 1, с. 20].

При различении пластин и пластинок одни авторы опираются на условный показатель длины скола, а другие (вместе с ними и мы) основываются на столь же условном значении ширины предмета. При первом из указанных подходов пластинка определяется как «узкий и тонкий» скол, длина которого равна или меньше 5 см [Sonneville-Bordes, 1960, т. 1, с. 20]. При другом подходе граница между пластиной и пластинкой устанавливается в 12 мм ширины скола. Предметы уже этого значения называются пластинками, а изделия, ширина которых равна или больше 12 мм, определяются как пластины [Lixier, 1963, с. 38]. Исходя из этого же принципа, мы выделяем микропластинки как удлиненные узкие и плоские сколы, ширина которых меньше 7 мм. Величина 7 мм является одновременно и минимальным показателем ширины пластинок.

В разделе первичной обработки мы отмечаем также отходы производства: обломки, осколки, чешуйки и др.

Вторичная обработка. Основные приемы вторичной обработки каменного инвентаря культурных слоев Чоха сводятся к различным типам ретуши и резцовому сколу. При характеристике ретуши мы принимаем во внимание прежде всего четыре показателя: угол ретуши (плоская, пологая, полукрутая, крутая); расположение ретуши (лицевая, тыльная, противоположная, двусторонняя); размеры фасеток ретуши (крупная, мелкая, мельчайшая, или микроретушь); очертания, придаваемые ретушью краю заготовки (в зависимости от этого выделяется ретушь зубчатая, «агрессивная» или нормальная). Все эти показатели называются в качестве главных и другими авторами [Leroi-Gouhan и др., 1966, с. 15; Laplace, 1964, с. 29] и успешно используются в различных исследованиях.

Угол ретуши (угол, образуемый фасетками ретуши с плоскостью раскалывания) — один из наиболее важ-

ных признаков морфологической характеристики. Исходя из этого показателя, А. Леруа-Гуран [Leroi-Gouhan и др., 1966, с. 15] выделяет четыре разновидности ретуши: настильная (rasante) — угол наклона фасеток ретуши около 10° , «очень косая» — около 30° , крутая — около 70° и вертикальная — около 90° . Мы принимаем эту градацию по углу ретуши, но заменяем названия на более употребительные в русской литературе. Так, ретушь крутизной до 10° мы называем плоской, от 10° до 30° — пологой, от 30° до 70° — полукрутой и от 70° до 90° — крутой.

По своему расположению краевая ретушь может быть лицевой (нанесенной на спинку), тыльной (нанесенной на брюшко), противоположной (когда один край обработан со спинки, а другой — с брюшка) и двусторонней (когда на один и тот же край изделия ретушь наносится с брюшка и со спинки попеременно).

По размерам фасеток мы различаем ретушь крупную, мелкую и мельчайшую (микроретушь). Ряд авторов измеряют величину ретуши по высоте фасеток [Гвоздовер и др., 1974, с. 17]. Нам кажется более правильным при определении параметров ретуши исходить из ширины фасеток, так как высота последних очень часто ограничивается толщиной края обрабатываемой заготовки. Так, пологую, полукрутую и крутую ретушь мы называем крупной, если ширина ее фасеток равна или больше 2 мм, мелкой — когда ширина фасеток находится в пределах от 1 до 2 мм, и мельчайшей (микроретушью) — когда эта величина меньше 1 мм.

И наконец, ретушь называется зубчатой, если она придает обработанному краю повторяющиеся выпукловогнутые очертания, глубокой или «агрессивной», если она заметно изменяет первоначальные очертания скола, и нормальной — когда ретушь не изменяет этих очертаний.

Ретушью достигаются и такие способы вторичной отделки, как утончение (главным образом концов заготовок) и усечение. Утончением называется обработка, осуществляющаяся ретушью и сводящая толщину заготовки в данном отрезке на нет. Ретушное усечение мы понимаем как способ обработки, направленный на получение изделий типа lames tronquées. В некоторых случаях наблюдается усечение ретушью не только концов, как у названных изделий, но и краев заготовок. Так, азильские острия получают диагональным или полу-

диагональным усечением края пластинки крутой ре-
тушью.

Техника резцового скола в отличие от ретуши на ско-
ле изменчива. Как правило, она фиксируется на резцах.
В редких случаях отмечается ее использование при
оформлении деталей других разновидностей орудий.

Типологическая характеристика — важнейшая часть
анализа материала. Типология, или классификация,
производимая в данной работе, строится на выделении
наиболее существенных признаков изделий и последую-
щем оперировании ими для соответствующего группи-
рования самих предметов. Термины для наименования
выделенных типов и разновидностей орудий мы заим-
ствовали, как правило, из общих номенклатурных раз-
работок разных авторов [Sonneville-Bordes, Perrot, 1954,
1955; Tixier, 1963; Leroi-Gourhan и др., 1966 и др.]. Не-
которые названия брались из отдельных конкретных ра-
бот. Так, термин «парагеометрические орудия», обозна-
чающий геометрические изделия нетипичных форм,
встречен нами в работе Ф. Борда и П. Фита
[Bordes, Fitte, 1964], а критерии подразделения кон-
цевых скребков на длинные, короткие и укороченные
взяты из работы А. Бомерса [Bohmers, 1960].

По мере необходимости в книге используются раз-
личные индексы категорий и групп орудий, выводимые
по методу, предложенному Д. де Сонневиль-Борд [Son-
neville-Bordes, 1960]. Эти индексы следующие: индекс
скребков (IG), индекс резцов (IB), индекс проколов
(IP), индекс резцов двугранных (IBd), индекс резцов
на ретушированном сечении (IBt), индекс скребков
ориньякских (IGA) и индекс пластинок с притупленным
краем (IId). Вычисляются все индексы однотипно: от-
ношением общего числа предметов категории или груп-
пы, для которой выводится этот индекс, умноженного
на 100, ко всему составу каменных орудий. Анализ по-
лученных в результате этого данных позволяет охарак-
теризовать общий облик инвентаря, делает объективны-
ми сопоставления со сравниваемыми материалами и по-
могает при культурно-исторических интерпретациях.

Выше мы привели общие основания анализа кремне-
вого инвентаря. Такое детальное рассмотрение необходи-
мо потому, что, изучая неолитические памятники, иссле-
дователи нередко сосредоточивают основное внимание
на керамике. Кремню отводится подчиненное место, что
приуменьшает значение этой категории находок для

понимания сущности раскрываемых явлений. Подобный
подход особенно нежелателен для таких богатых крем-
невыми изделиями комплексов, как чохские. Достаточ-
но сказать, что число каменных артефактов, добытых
из всех культурных слоев Чоха (включая раскопки
В. Г. Котовича), достигает 40 тыс.

Возвращаясь к состоянию изученности Чохского по-
селения, отметим, что в настоящее время здесь вскрыто
206 кв. м площади неолитического слоя, 98 кв. м мезо-
литического слоя D и 17 кв. м — нижнего, мезолитиче-
ского же слоя E. Таким образом, это наиболее широко
и всесторонне изученный неолитический и мезолитиче-
ский памятник Кавказа. В 1980 г. со стратиграфией
поселения ознакомились и дали заключение о его гео-
лого-геоморфологической ситуации посетившие наши
раскопки сотрудники кафедры геоморфологии геогра-
фического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
А. А. Лукашов и Е. И. Игнатов и сотрудник отдела
геоморфологии Института географии АН СССР
А. К. Борунов. В составе отряда в 1980 г. работал ар-
хеолог С. Н. Корневский. В исследованиях памятника
в 1981 г. принимали участие геоморфолог А. А. Лука-
шов и Г. Н. Лисицына. В этом же году за ходом раско-
пок наблюдали В. И. Марковин и М. Г. Гаджиев. При их
участии был раскопан контрольный участок слоя С.

Палинологический анализ образцов из поселения и
обобщение его результатов осуществлены сотрудницей
кафедры геоморфологии географического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова И. А. Каревской, палеобот-
анические определения сделаны Г. Н. Лисицыной, а
палеозоологические — Н. М. Ермоловой.

Всем названным специалистам, способствовавшим
успешному исследованию Чохского поселения, мы при-
носим свою благодарность.

Работа выполнена в секторе неолита и бронзы Ин-
ститута археологии АН СССР. В ходе ее подготовки по
основным излагаемым вопросам делались доклады и
сообщения на заседаниях соответствующих секторов
Института археологии АН СССР и его Ленинградского
отделения, Института истории, языка и литературы Да-
гестанского филиала АН СССР, на региональных кон-
ференциях по археологии Северного Кавказа и всесоюз-
ном симпозиуме.

**ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ,
СТРАТИГРАФИЯ И ДАТИРОВКИ
КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ.
ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
ПАМЯТНИКА**

Существующие до сих пор и принятые в археологической литературе датировки культурных слоев Чоха строятся на типологической основе. Между тем для большинства исследователей каменного века очевидно, что датировки, выводимые только из типологии инвентарей, весьма условны и приемлемы с учетом их возможных поправок при привлечении данных естественнонаучных дисциплин. Это лишний раз доказывают работы по изучению памятника, о котором идет речь.

Чохское поселение расположено на Турчидагском, или Кегерском — согласно И. С. Шукину [1926, с. 152], — плато (рис. 1), примерно в 3 км к северу от селения Чох Гунибского района Дагестанской АССР. Названное плато — одно из нескольких в Центральном Дагестане. Оно занимает значительную часть междуречья Казикумухского Койсу, Кара-койсу и правого притока последней — Цанти-чай. С северо-запада на юго-восток плато протянулось на 20 км, с юго-запада на северо-восток — на 10 км (в створе селений Согратль — Цудахар). Максимальная высота его на вершине горы Турчидаг достигает 2400 м; минимальные высотные отметки находятся в районе селения Кегер и составляют около 1600 м.

В гипсометрическом отношении плато делится на три разновысотные части. Самая низкая из них находится на правобережье р. Кара-койсу в створе Гуниба. Она имеет высоты 1600—1700 м и отличается наименьшей площадью. Средняя часть плато, в которой находится Чохское поселение, охватывает бассейн верховий р. Бакдакули (правый приток р. Кара-койсу), имеет высоты 1750—2240 м и занимает наибольшую площадь. Верхняя часть лежит на высотах 2150—2400, дренирует-

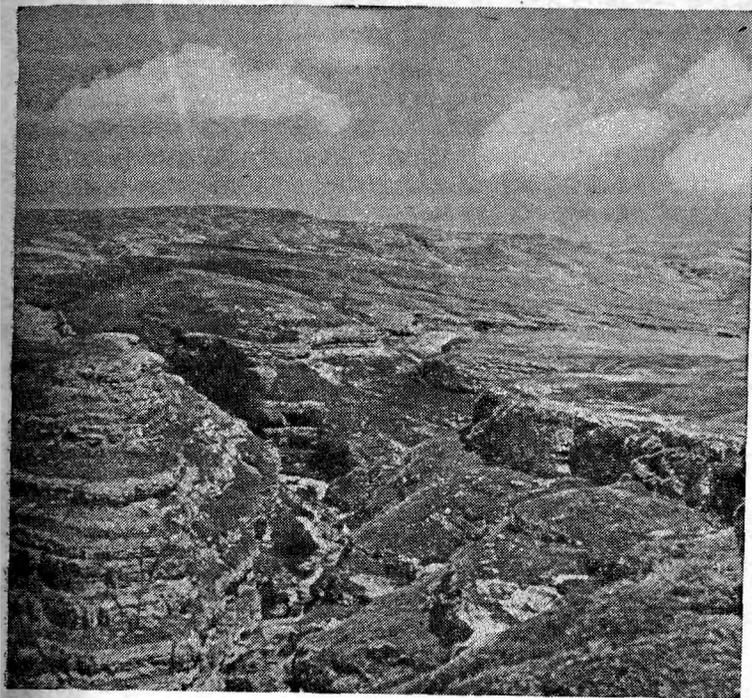

Рис. 1. Турчидагское плато в районе расположения Чохского поселения

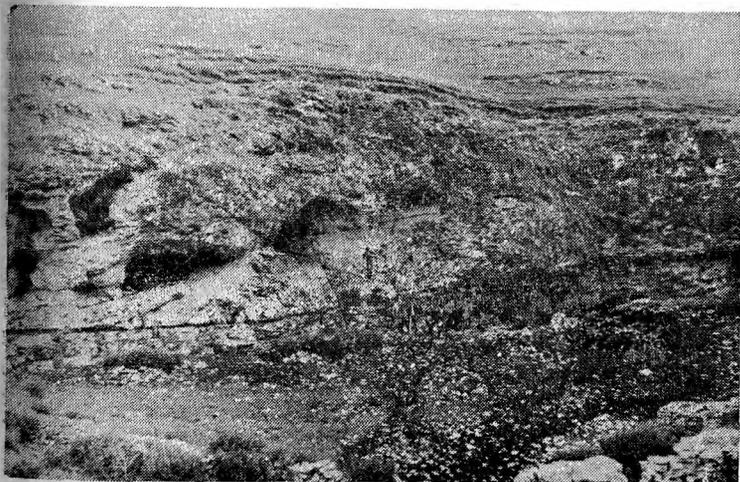

Рис. 2. Карстовые образования в районе расположения Чохского поселения

ся левыми притоками р. Казикумухское Койсу и наиболее выдвинута на юго-юго-восток — в сторону селения Кумух. Орографически Турчидагскому плато принадлежит также субширотный отрог, плавно спускающийся от высоты 2240 м к долине р. Казикумухское Койсу несколько севернее селения Куба.

В геологическом отношении плато сложено с поверхности многослойной толщей доломитов и известняков верхней юры и нижнего мела — от верхнего келловей вплоть до нижнего баррема [Милановский, Хаин, 1963]. Они ложатся на мощные отложения глинистых сланцев средней юры, повсеместно обнажающихся по внешним откосам Турчидагского плато под бронирующими пластами карбонатных пород.

Эрозионное освоение плато отличается крайней неравномерностью. Наилучшая освоенность присуща верховьям р. Бакдаули (район Чохского поселения), где система каньонов главной реки и ее притоков «нарезает» правобережье на узкие полосы мысообразных очертаний.

Среди склоновых процессов, идущих на плато, выделяются обвальные и обвально-осыпные, ареной протекания которых служат бровки и внешние откосы плато, а также стенки прорезающих его каньонов. Широко развиты процессы делювиального смыва, охватывающие в первую очередь склоны южной и юго-западной экспозиций, где травянистая растительность разрежена и дерновый покров фрагментарен.

Карстовые явления на Турчидагском плато развиты сравнительно слабо, что обычно мало характерно для районов почти сплошного распространения карбонатных пород. Из форм голого карста изредка наблюдаются скальные поверхности с трещинными каррами, хотя типичных карровых полей не встречено. Многочисленны небольшие (до 4—6 м в глубину) пещеры-ниши на стенках каньонов, карнизы, щели (рис. 2). Наблюдаются маломощные (до 20 см) скопления травертина на выходах карстовых вод.

В наиболее возвышенных частях плато, например к северо-западу от высоты 2240, встречаются полигональные и медальонные микроформы, свидетельствующие о развитии сезонной мерзлоты вблизи бровок плато, откуда зимние ветры сдувают большую часть снега. Соответственно и современная растительность здесь представлена субальпийскими видами, тогда как на основ-

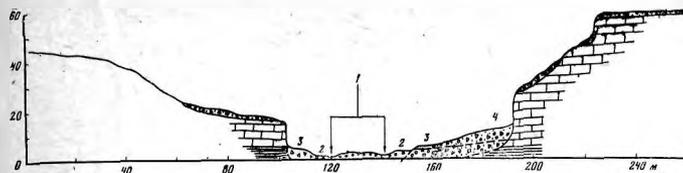

Рис. 3. Поперечный нивелирный профиль долины р. Бакдаули в районе Чохского поселения: 1 — русло; 2 — пойма; 3 — первая надпойменная терраса; 4 — местоположение Чохского поселения.

ной площади средней части Турчидагского плато распространена лугово-степная и луговая растительность с небольшими участками соснового и березового редколесья на склонах северной экспозиции.

Чохское поселение приурочено к подножию отвесной скальной стенки правого борта каньона р. Бакдаули. В этом месте узкий каньон верховий реки расширяется, образуя небольшую котловину шириной дна до 50 м (рис. 3). Смене облика каньона благоприятствует изменение геологической обстановки — из-под мощной пачки известняков здесь выходят податливые к размыву глины, кровля которых находится в 2 м над урезом реки.

Пойма на этом участке в пределах около 100 м приобретает ложбинно-островной характер. Появляются небольшие фрагменты (измеряющиеся несколькими метрами в длину и ширину) первой надпойменной террасы высотой 4—5 м над урезом. Верхи разреза террасы представлены супесчано-песчаным и супесчано-суглинистым материалом с тонкими горизонтами мелкой (редко средней) плохо окатанной гальки. Аккумулятивный характер террасы установлен в ряде обнажений на протяжении 1,5 км вниз по долине р. Бакдаули, где есть представительные разрезы с пятиметровой толщей отлично сортированного и окатанного галечника (на том же отрезке встречаются хуже сохранившиеся фрагменты второй надпойменной террасы высотой 15—20 м). Идентификация описанной террасы и ее определение дают одну из отправных точек для общих датировок напластований Чохского поселения.

Таким образом, место для поселения было выбрано его обитателями у излучины речки на прислоненной к скале и хорошо освещаемой солнцем площадке (рис. 4). Высота этой площадки над урезом в настоящее время

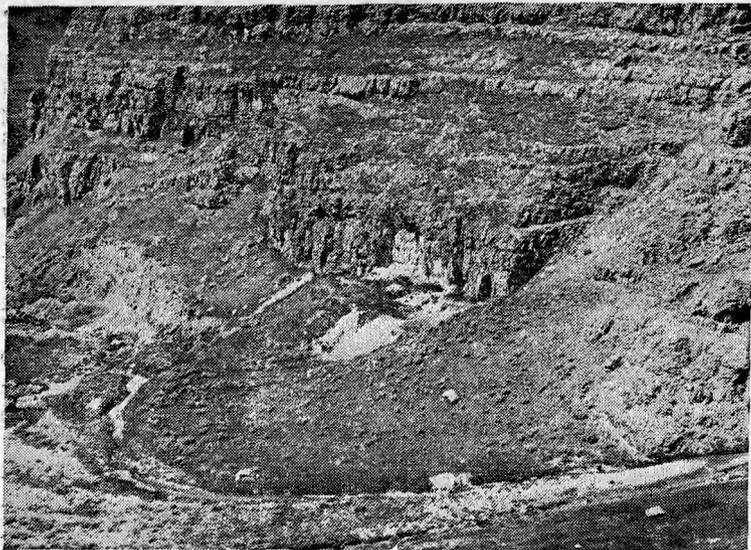

Рис. 4. Чохское поселение. Общий вид с юго-востока

равна 10—12 м, абсолютная высота — 1725 м, ориентация — юго-юг-восток.

Поселение можно отнести к памятникам открытого типа. Особенностью такого рода памятников, расположенных в горах, является то, что с одной стороны они ограничены скалой, не образующей сколько-нибудь значительного навеса, и как бы прислонены к этой скале. В этом отношении к описываемому поселению близки такие северокавказские памятники, как Сосруко и Сатанай (Губский навес № 7).

Первые планомерные раскопки на Чохском поселении производились, как мы уже говорили, В. Г. Котовичем в 1955—1957 гг. (рис. 5), и все полученные данные были обобщены им в монографии «Каменный век Дагестана» [Котович, 1964]. Вкратце итоги этих работ сводятся к следующему. В напластованиях памятника было выделено 9 геологических и 6 археологических слоев (рис. 6). При этом геологические слои 1—3 были прослежены на всей площади раскопа, слои 4—5 — на площади 5 кв. м и слои 6—9 — на площади 1 кв. м. Обобщенная характеристика слоев по В. Г. Котовичу такова. Слой 1 — современная почва; слой 2 — рыхлый темно-

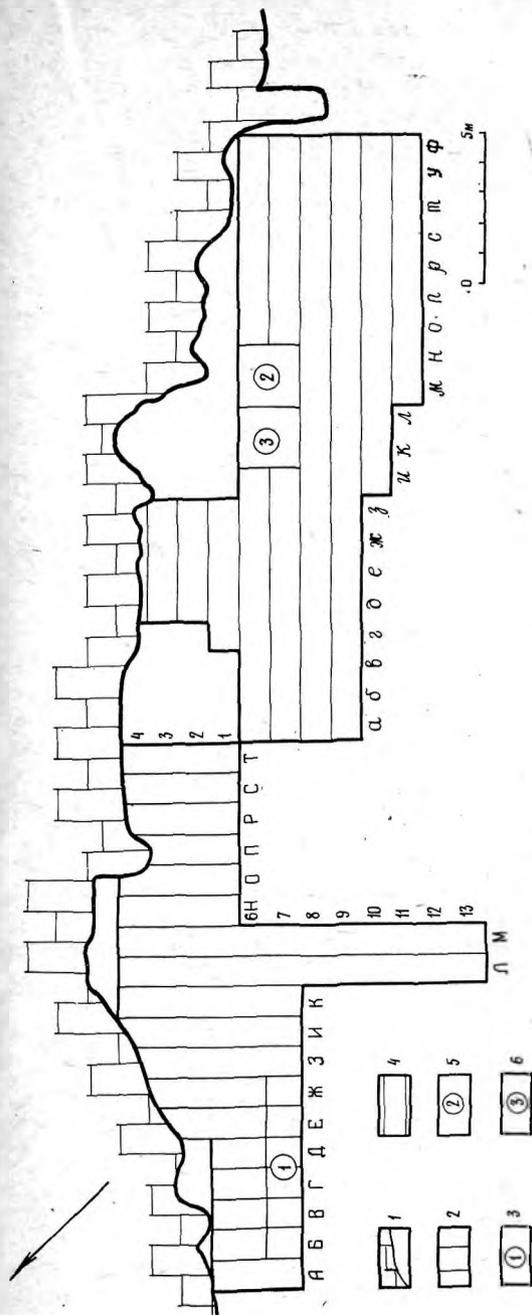

Рис. 5. Чохское поселение. Сводный план раскопов: 1 — скала; 2 — раскоп В. Г. Котовича 1955—1957 гг. (раскоп № 1); 3 — участок раскопок нижнего слоя в 1974 г. Х. А. Амирханова; 4 — раскоп Х. А. Амирханова 1980—1982 гг. (раскоп № 2); 5 — шурф 1980 г.; 6 — шурф 1982 г.

цветный суглинок, обильно насыщенный угловатым известняковым щебнем и глыбами известняка; слои 3—9 были схожи между собой по характеру заполнителя (плотный светло-желтый суглинок), но различались по содержанию грубообломочного материала. Слои с преобладанием щебня определялись как делювиальные, а слои, содержавшие большое количество обломков известняка вместе с щебнем, — как делювиально-коллювиальные. Исходя из этого, для толщи слоев 3—9 получилась картина последовательного чередования делювиальных и делювиально-коллювиальных отложений, что, по мнению В. Г. Котовича, служило указанием на генезис данных слоев в течение одного «геологического периода». Слои 1 и 2 связывались соответственно с двумя другими, более поздними периодами [Котович, 1964, с. 109—110].

Естественнонаучные основания для установления хронологических рамок этих периодов отсутствовали. Специальные геологические исследования в районе поселения не проводились. В. Г. Котович располагал лишь указанием геоморфолога Д. А. Лилиенберга об образовании верхних слоев стоянки (нижних слоев Д. А. Лилиенберг не видел) в конце плейстоцена — начале голоцена [Котович, 1964, с. 106]. Данные анализа фауны [Верещагин, 1959] также не способствовали конкретизации датировок, тем более что фауна всех слоев изучалась суммарно, без членения по вертикали. Поэтому здесь не геологические данные служили датировке археологического материала, а наоборот. В монографии В. Г. Котовича мы читаем: «...определению возраста этих (геологических. — Х. А.) слоев и, стало быть, соответствующих геологических периодов в немалой степени способствуют археологические материалы» [Котович, 1964, с. 110].

Как отмечалось, археологических слоев было выделено шесть. В геологическом слое 2, по описанию В. Г. Котовича, залегают культурные слои 1 и 2, в слое 3 — культурные слои 3—5, с геологическим слоем 8 связывался культурный слой 6. Слои 1 и 2 археологической стратиграфии были датированы соответственно поздним и ранним мезолитом, слои 3—5 отнесены к «трем последовательным фазам развития культуры на заключительном этапе верхнего палеолита» [Котович, 1964, с. 119] и слой 6 определен как ранневерхнепалеолитический. Основанием для расчленения литологически единых куль-

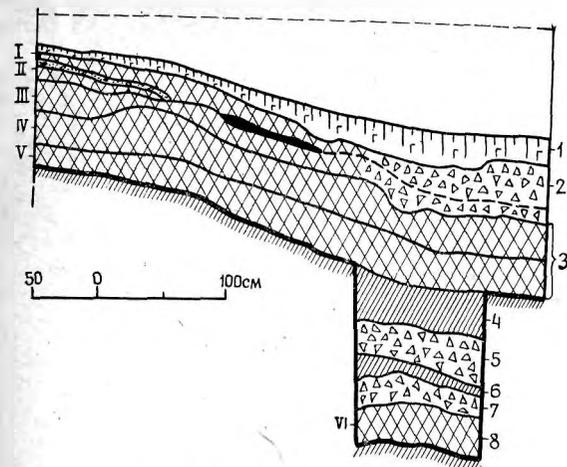

Рис. 6. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Разрез отложений поселения по В. Г. Котовичу. Цифровые обозначения слева — культурные слои, справа — геологические

турных слоев 3, 4, 5 для В. Г. Котовича послужил продольный разрез раскопа по западной стенке линии Д (см. план на рис. 5), где были прослежены линзы дресвы, как будто бы стерильные в археологическом отношении, а также факт переслаивания кострищ, т. е. их расположение в слое один над другим на различной глубине. При этом определенное количество культурных остатков было найдено непосредственно на поверхности раскапывавшейся площади и в почвенном слое. Наличие этих остатков объяснялось частичным разрушением культурных слоев в результате вспашки, и стратиграфического значения им не придавалось.

Таким образом, после окончания раскопок поселения в 1957 г. здесь было выделено два мезолитических и четыре верхнепалеолитических слоя. Нижний, шестой археологический слой был открыт только в 1957 г. и разведан шурфом на площади 1 кв. м. Если вычленение последнего никем не оспаривалось, то деление выше лежащих отложений вызвало возражения со стороны А. А. Формозова [1963, с. 182]. В статье, посвященной обзору исследований мезолитических стоянок Кавказа, он высказался за выделение на Чохском поселении двух культурных горизонтов. По мнению А. А. Формозова,

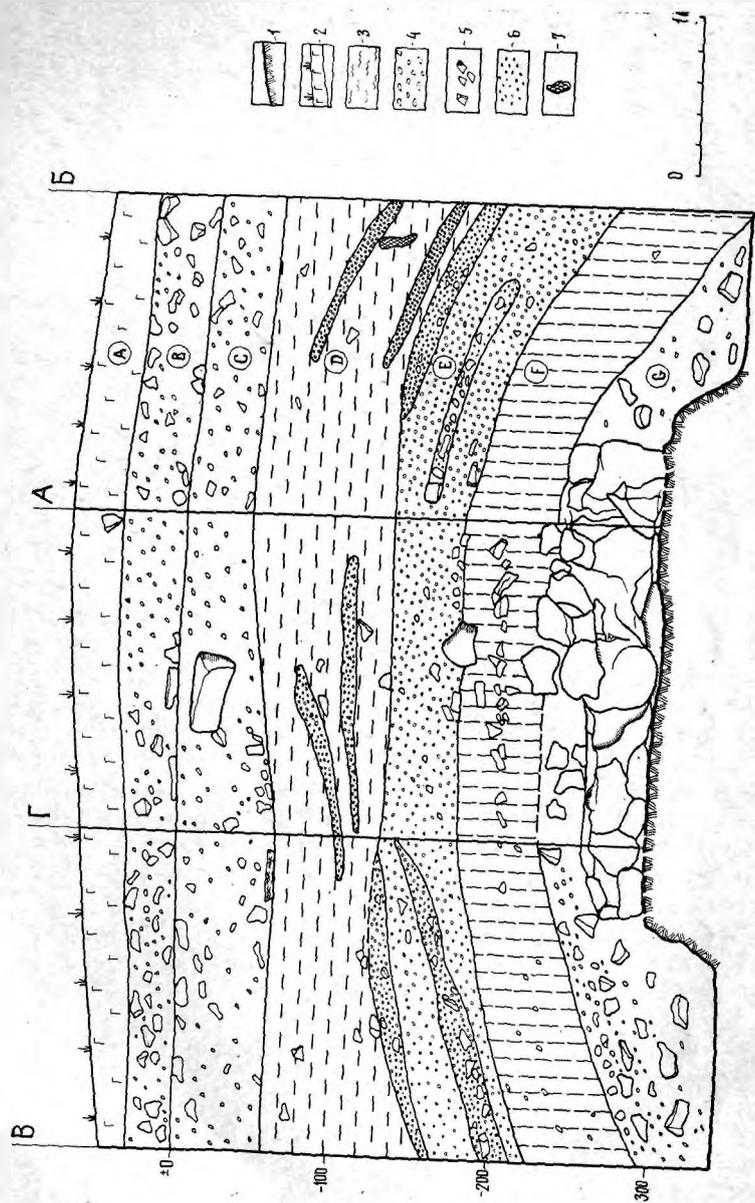

Рис. 7. Чохское поселение. Раскопки 1980 г. Полный разрез отложенный поселения (трехсторонняя развертка шурфа): 1 — скала; 2 — гумус; 3 — глиняная масса; 4 — щебень; 5 — глина; 6 — рыхлый опесчаненный суглинок; 7 — скала.

слои 5—1 следовало считать единым слоем и, исходя из наличия в нем трапещей, датировать его мезолитом. Что касается нижнего слоя (слой 6 по В. Г. Котовичу), то А. А. Формозов отнес его к более раннему времени, но в пределах верхнего палеолита [Формозов, 1963, с. 182].

В связи с решением вопроса о культурных вариантах верхнего палеолита и мезолита Кавказа материалами Чохского поселения оперировал Н. О. Бадер [1965]. В отношении датировки комплексов памятника он не высказывался, ссылаясь на нерешенность вопроса, но исходил из того, что здесь представлены и верхнепалеолитические, и мезолитические слои. Такого же мнения придерживались почти все исследователи, в той или иной мере касавшиеся рассматриваемой проблемы.

В 1980 г. Северокавказский горный отряд Института археологии АН СССР произвел новые частичные исследования памятника. На расстоянии 12 м от раскопа 1957 г. был заложен контрольный шурф размером 2×2 м (рис. 5). Целью работ было достижение скального дна, выявление полного разреза отложений и наблюдение над протяженностью и характером культурных слоев на этой части поселения. В 1982 г. этот шурф был расширен к западу еще на 4 кв. м. Новый зондаж также был доведен до скального основания.

Углубление производилось условными горизонтами в 8—10 см с погоризонтной фиксацией материала. Глубина шурфа составила 3,6—4 м. В разрезе А—Г опорного шурфа 1980 г. (рис. 7) было достигнуто скальное дно. В направлениях А—Б и Г—В, т. е. в сторону, противоположную от скалы, дно резко погружалось. Поэтому с глубины 3,6 м от дневной поверхности шурф стал сужаться, а на глубине 4 м выявление дна на оставшейся площади шурфа полосой примерно 0,8 м было прекращено из-за невозможности дальнейшей работы. Приведем описание обнаженного шурфом разреза слоев (сверху вниз)¹:

Слой	Характеристика	Мощность, м
А	Гумусовый слой современной горно-луговой почвы. Культурных остатков не содержит	0,15—0,25
В	Желтоватый рыхлый опесчаненный суглинок, насыщенный неокатанным щебнем и	0,30—0,40

¹ Характеристика геолого-геоморфологических условий памятника принадлежит А. А. Лукашовой.

обломками известняка. Пронизан корнями растений. Залегание горизонтальное. Встречено несколько костей животных

С	Темно-серый легкий суглинок, насыщенный неокатанным мелким и средним щебнем с включением отдельных обломков известняка. Залегание преимущественно горизонтальное. Контакты четкие. Насыщен культурными остатками (строительные остатки, кремни, керамика и др.). Цвет слою придан пеплом и золой	0,45—0,60
D	Желтовато-коричневый легкий плотный суглинок с незначительным содержанием среднего щебня и некрупных обломков известняка. Крупнообломочный материал, неокатанный, выветренный до хрящевидного. Заключает две тонкие (10 см) линзы дресвы (горизонты вымывания мелкозема?). Верхний контакт четкий, нижний — различимый. Кровля горизонтальная; линия основания падает к югу (в сторону, противоположную скале). Содержит культурные остатки (кремень, угольки, фрагменты костей)	0,70—1,20
E	Желтовато-серая супесь, насыщенная дресвой и хрящевидным щебнем, образующим линзы (горизонты вымывания?). Падает к югу на 25°. Верхний контакт различимый, нижний — четкий. Содержит культурные остатки (кремни)	0,50—0,80
F	Желтовато-коричневый оглеенный средний плотный суглинок. Содержит горизонт некрупных неокатанных обломков известняка. По мере удаления от скалы цвет слоя темнеет, появляются щебень и дресва. Падает к югу на 25°. Верхний контакт четкий, нижний — различимый. Археологических находок не содержит	0,55—0,80
G	Коричневый средний плотный суглинок, насыщенный крупными обломками известняка и известняковым щебнем. Налегает на скальное дно. Верхний контакт различимый. Круто падает к югу. Археологических находок не содержит	0,60—?

В 1981—1982 гг. на поселении был заложен широкий раскоп площадью 110 кв. м (раскоп № 2), который включил в себя шурф 1980 г. На площади этого раскопа были вскрыты три верхних слоя, в том числе и культурный слой С. Вновь исследованный участок вплотную

примыкал к раскопу 1955—1957 гг. и поэтому дал возможность непосредственно соотнести верхние части разрезов разных участков памятника. Нижележащие слои в раскопе № 2 остаются представленными разрезом шурфов 1980 и 1982 гг. общей длиной 4 м.

Характеризуя напластования поселения в целом, можно отметить, что фрагмент первой надпойменной террасы в пределах стоянки перекрыт чехлом склоновых отложений, верхняя часть которого, за исключением покровного полуметра, принадлежит культурным горизонтам. Отложения имеют супесчано-суглинистый состав и в разных частях в различной степени насыщены обломочным материалом. Тип отложений — гравитационно-делювиальный с линзами перлювиального отмыва. Общая мощность наносов в 2—4 м от скальной стены — примерно 4 м.

В настоящее время представляется, что «немые» в археологическом отношении слои F и G разреза принадлежат преимущественно склоновым отложениям, фациально переходящим в аллювий первой надпойменной террасы (и синхронным ему).

Слои E, D, C имеют, как только что отмечалось, гравитационно-делювиальную природу с преобладанием мелкоземистого базального заполнителя и отчетливым наклоном горизонтов щебнистого материала (в тех слоях, где они имеются) от стенки каньона в сторону оси долины. Эти слои перекрывают собой террасовые и синхронные последним более ранние склоновые отложения. Примерная схема соотношения слоев разреза и элементов рельефа поселения представлена на рис. 8.

Обоснованную палеогеографическую интерпретацию разреза Чохского поселения делают возможной палинологические данные². Переходя к этому вопросу, дадим прежде всего современную природно-ландшафтную характеристику района исследования. Чохское поселение расположено, как уже указывалось, на абсолютной высоте 1700—1800 м в полосе развития горных типчаково-ковыльных и бородачевых степей в сочетании с нагорными ксерофитами. Ниже по склонам гор известнякового Дагестана к востоку от Турчидагского плато неширокой полосой тянется пояс лесной растительности, представленной горными широколиственными лесами, преимущественно дубовыми и дубово-грабовыми. Западнее

² Палинологический анализ и интерпретации его результатов сделаны И. А. Каревской.

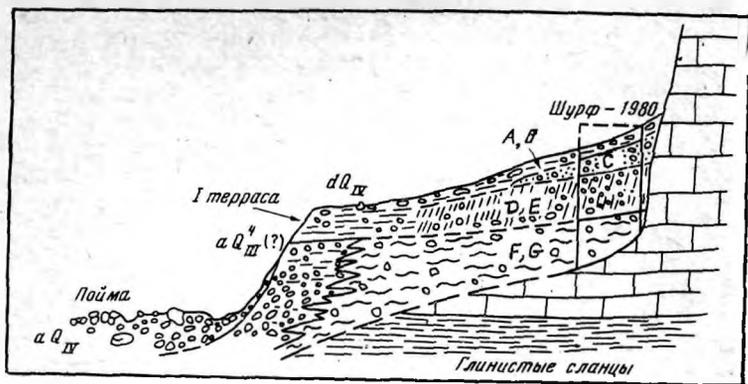

Рис. 8. Чохское поселение. Схема взаимоотношения основных горизонтов разреза поселения и элементов рельефа

и гипсометрически выше раскинулись субальпийские высокогорные луга и высокогорные сосново-березовые леса, приуроченные, как правило, к склонам северной экспозиции. Более 30% всей площади занято культурной растительностью [Волкова, Чиликина, Ярулина, 1979, с. 13]. В среднем поясе гор значения изотерм января равны -4° — -6° C, средние температуры июля достигают $+16^{\circ}$ — $+18^{\circ}$ C; среднегодовое количество осадков составляет 600—700 мм [Гиммельрейх, Соловьев, 1979, с. 9].

Для уверенной интерпретации ископаемых спектров необходим сравнительный анализ растительного покрова исследуемого района и субфоссильных спорово-пыльцевых спектров с целью определения степени репрезентативности последних. Поэтому из почвенного горизонта (глубина 0,05 м) изучаемого разреза и из наилка низкой поймы р. Бакдакули были отобраны и проанализированы образцы.

В первом из них обнаружены лишь единичные зерна пыльцы и спор. В пойменной пробе (рис. 9) преобладает пыльца трав и кустарничков — 69%, пыльцевые зерна деревьев и кустарников составляют 15%, споры — 16% общего состава пыльцы и спор (представлены в основном зелеными мхами и папоротниками). Среди пыльцы трав и кустарничков основное место принадлежит пыльце степных видов маревых, злаков и лугово-степного разнотравья (Cyperaceae, Liliaceae, Ranunculaceae,

Thalictrum, Urticaceae, Caryophyllaceae, Cruciferae, Umbelliferae, Leguminosae, Polemoniaceae). В немногочисленной группе пыльцы деревьев и кустарников доминируют пыльцевые зерна различных видов сосен, присутствует также пыльца березы, можжевельника и лишь единичные зерна широколиственных пород. Относительно высокое содержание в спектрах пыльцы сосны, отличающейся хорошей летучестью, и березы связано с постоянным западным ветровым переносом, характерным для района исследования. В целом же субфоссильный спектр достаточно правильно и осредненно отражает характер современной растительности Турчидагского плато и прилегающих территорий.

Из разреза рыхлых отложений Чохского поселения с глубины 3,25—0,1 м снизу вверх было отобрано на спорово-пыльцевой анализ 11 образцов. Все пробы содержат пыльцевые зерна и споры в количестве, достаточном для подсчета их процентного соотношения и получения полноценных спорово-пыльцевых спектров.

По общему составу пыльцы и спор и по соотношению пыльцы доминантов растительного покрова спорово-пыльцевые спектры на диаграмме можно разделить на три группы (рис. 9).

Спорово-пыльцевые спектры рыхлых отложений на глубине 3,25—2,75 м отличаются от вышележащих и от субфоссильных почти полным отсутствием спор и пыльцы древесно-кустарниковой растительности, за исключением единичных зерен. В них доминирует пыльца травянистых ксерофитов: различных видов маревых, среди которых велик процент обитателей пустынь и полупустынь, и Ephedra — растения с повышенной морозостойкостью и засухоустойчивостью. Это свидетельствует о почти полном безлесье и о широком развитии на территории исследования полупустынных растительных сообществ, связанных с резкой ксерофитизацией климата и влиянием ледниковой экспансии в горах.

Для рыхлых отложений на глубине 2,3—0,95 м характерны спорово-пыльцевые спектры, в которых снизу вверх по разрезу сокращается роль пыльцы таких пустынных и полупустынных ксерофитов, как Ephedra, Chenopodiaceae sect. Spirolobea, Artemisia, и возрастает роль степных видов трав и кустарников, а также доля участия в спектрах пыльцы деревьев и кустарников (до 6—8%). Спорово-пыльцевые спектры фиксируют некоторое увеличение роли степных ценозов и лесных форма-

их изменении описанные три группы спорово-пыльцевых спектров отложений Чохского поселения сходны со спектрами трех фаз в развитии растительности позднплейстоцен-голоценового времени Западного Прикаспия.

Первая из этих фаз синхронна концу позднхвалынской трансгрессии, осадки которой накапливались, по данным радиуглеродного и термолюминесцентного анализов, 14—20 тыс. лет назад в конце позднего плейстоцена. Вторая фаза развития растительного покрова соответствует послехвалынской регрессии в начале голоцена (около 9 тыс. лет назад). Третья фаза сопоставляется с новокаспийской трансгрессией, абсолютный возраст осадков которой по радиоуглеродному методу равен 8 тыс. лет.

Таким образом, данные спорово-пыльцевого анализа служат надежным основанием не только для выяснения палеогеографической обстановки существования поселения, но и для датировки его комплексов. Очень важно, что эти датировки подтверждаются геоморфологической ситуацией, стратиграфическими наблюдениями и собственно археологическими данными. Как уже отмечалось, нижние слои шурфа (F, G) синхронизируются с аллювиальной фацией первой надпойменной террасы, датированной временем примерно 14—15 тыс. лет назад. На протяжении образования указанных слоев место поселения не было еще освоено людьми. Возможно, это находится в прямой связи с неблагоприятными позднледниковыми условиями, при которых происходило накопление слоев F и G. Следовательно, исходя из приведенных данных, мы можем заключить, что начало формирования отложений памятника совпадает с началом послеледниковья или, если сопоставлять с историей Каспийского моря, соответствует мангышлакской регрессии.

Анализ разреза памятника показывает, что со времени заселения он был обитаем без существенных перерывов. Это, конечно, не исключает возможности того, что на какое-то время люди могли покидать поселение. Но в данном случае важно отсутствие стерильных слоев в пределах всей толщи археологических отложений и сохранение культурной преемственности снизу доверху. Показательно также отсутствие явных признаков перерыва в осадконакоплении от нижних слоев до слоя С включительно.

Таким образом, слои D и E синхронны мангышлакской регрессии и укладываются в хронологический от-

резок 10—9 тыс. лет назад. Слой С прямо соотносится с новокаспийской трансгрессией и на основе многочисленных радиоуглеродных датировок ее отложений датируется временем 8 тыс. лет назад. Очень существенно, что суммированный здесь принципиальный пересмотр датировок Чохского поселения вполне согласуется с характером происходящих отсюда археологических материалов.

Подробно описанные выше различия в трактовке В. Г. Котовичем и нами геологической и археологической стратиграфии поселения требуют соотнесения новой схемы со старой. То, что геологические слои памятника связаны преимущественно с накоплением склоновых отложений и имеют характер, свойственный для стоянок не пещерного, а открытого типа, создает для этого благоприятные возможности, позволяя сделать корреляцию, основанную на сравнении разрезов раскопа 1955—1957 гг., с одной стороны, шурфа 1980 г. и раскопа 1981—1982 гг. — с другой. Рассмотрим это сопоставление.

Современный почвенный слой раскопа № 2 (1981—1982 гг.) совпадает с геологическим слоем 1 раскопа № 1 (1955—1957 гг.). Выделяемый нами в раскопе № 2 слой В в разрезе раскопа № 1 почти не представлен. Причина этого заключается в позднейшем воздействии человека, связанном с систематической распахивкой площадки. Это привело к смешению верхних горизонтов и изменению первоначальной картины залегания покровных слоев. Указанное обстоятельство значительно меньше коснулось участка, на котором расположен раскоп № 2, и наоборот, на большей части площади старого раскопа верхние культурные горизонты были разрушены пахотой.

Слой С из-за его интенсивной окрашенности в пепельно-золистый цвет четко увязывается со вторым геологическим слоем по В. Г. Котовичу. Поскольку к последнему были приурочены³ культурные слои 1 и 2, то по новой стратиграфии они оба оказываются сведенными к одному неолитическому слою С.

Слой D легко соотносится с геологическим слоем 3 старого описания. В. Г. Котович характеризует его как

³ Культурный слой 3 по В. Г. Котовичу в чертежах разрезов связан с геологическим слоем 2, а в описании — с геологическим слоем 3 [Котович, 1964, с. 112—113]. Исходя из аргументации и выводов В. Г. Котовича, полагаться здесь надо на текст.

«плотный светло-желтый суглинок, насыщенный незначительным количеством щебенки, почти совершенно отсутствующей вблизи скалы» [Котович, 1964, с. 109]. Кроме того, указывается на наличие здесь прослоек дресвы [Котович, 1964, с. 114]. Эти признаки отмечаются для слоя D и нами. Следовательно, со слоем D должны быть увязаны культурные слои 3, 4 и 5 старой схемы.

Таким образом, корреляция верхней части отложенной не вызывает особых затруднений. Значительно сложнее обстоит дело с сопоставлением нижележащих слоев. При характеристике этой части разреза В. Г. Котович основывался на зондаже площадью примерно 1 кв. м. Данным этого небольшого шурфа было придано, на наш взгляд, преувеличенное значение. Очевидно, что даже при детальном, а не схематическом, как это имело место, анализе и фиксации данных столь узкого шурфа нельзя ожидать необходимой репрезентативности для отложений памятника со сложной стратиграфией. Неудивительно поэтому, что описания нижней части разреза шурфа 1980 и 1982 гг. и старого раскопа не совпадают. Такое несоответствие можно было бы объяснить локальными различиями в напластованиях поселения. Но раскопки нижнего культурного слоя в 1974 г. на участке, непосредственно примыкающем к вышеуказанному шурфу В. Г. Котовича, также не подтвердили описания той части разреза, о которой идет речь. Тогда не удалось выделить, отмечавшуюся В. Г. Котовичем «более чем метровую толщу лишенных культурных остатков напластований 4—7 слоев» [Котович, 1964, с. 118]. Не выделяется эта толща и в шурфе 1980 и 1982 гг. Мы уверены, что данные последнего являются в этом случае более показательными, тем более что разрез доведен здесь до скального основания.

Из приведенных замечаний видно, что теперь меняется счет и культурных слоев поселения. Как уже говорилось, предложенная В. Г. Котовичем стратиграфия археологических слоев 3, 4 и 5 основывалась на продольном разрезе по западной стенке линии квадратов D. Именно здесь были выделены исследователем тонкие прослойки дресвы, как указывается лишенные культурных остатков. Но для других разрезов стерильные линзы В. Г. Котовичем не отмечались, хотя продольные контрольные бровки были оставлены через каждые 2 м. Другой аргумент в пользу выделения в однородной литологической толще трех отдельных культурных слоев

был более веским и касался переслаивания кострищ. На одном из участков раскопа в геологическом слое 3 было отмечено три уровня расположения кострищ друг над другом. Однако, если судить по опубликованным разрезам, трехчастное деление указанного слоя на основании переслаивания кострищ значительно расходится с выделением тех же трех горизонтов по стерильным прослойкам на участке А—Е. Так, кострище, разделяющее культурные слои 4 и 5 на линии Л, расположено на глубине 65 см от дневной поверхности, а стерильная прослойка, разделяющая те же слои на линии D, находится на глубине 94 см [Котович, 1964, с. 114, 112]. Как видим, тут явное противоречие, поскольку залегание слоев на участке сравниваемых разрезов горизонтальное. Наконец, если при разделении культурных слоев той части толщи, о которой идет речь, опираться только на кострища, то по их количеству в том же разрезе по линии D следовало бы выделить не три, а семь культурных слоев.

Таким образом, старая археологическая стратиграфия Чохского поселения была весьма условной. Поэтому еще в 1974 г. нами отмечалась необходимость рассматривать горизонты 3, 4 и 5 как единый культурный слой. Работы 1980—1982 гг. подтверждают это. В предлагаемой нами стратиграфии эти горизонты объединяются в слой D. При этом мы не отрицаем, разумеется, значения выделения отдельных горизонтов. Бесспорно, что ценно всякое членение материала по вертикали. Речь идет только о том, что именно класть в основу этого расчленения и какое значение придавать выделенным горизонтам. Разграничение различных уровней обитания людей на поселении в пределах одного культурного слоя является очень важной основой для выяснения многих вопросов, связанных с функционированием памятника. Но это в том случае, когда стратиграфия более или менее ясна на начальном этапе исследования поселения, а не после того, как вскрыта основная часть площади обитания и уже нельзя не только распределить материал по выделенным в конце концов горизонтам, но и надежно обосновать сами эти горизонты. Поэтому при описании стратиграфии Чоха по раскопу № 2 и шурфам 1980 и 1982 гг. мы делали основной упор не на условные горизонты культурного слоя, а на выделение самих слоев, сопоставляя их ввиду отсутствия маркирующих стерильных слоев с литологическими подразделениями, к кото-

рым они приурочены. Мы следуем, таким образом, правилу, которым руководствуются исследователи при раскопках памятников каменного века.

Подобным же образом обстоит дело и с культурными слоями 1 и 2 стратиграфии В. Г. Котовича. Нами уже указывалось, что в действительности они составляют один верхний слой, соответствующий слою С раскопа № 2. И наконец, нижний — шестой по старой схеме культурный слой сопоставляется нами со слоем Е новой стратиграфии (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение старой и новой археологических стратиграфий Чохского поселения

В. Г. Котович (1964)		Х. А. Амирханов	
Культурный слой	Археологическая эпоха	Культурный слой	Археологическая эпоха
1	Поздний мезолит	Горизонт С ₁ С	Средняя бронза? Неолит
2	Ранний мезолит		
3	Конец верхнего палеолита	D	Мезолит
4			
5			
6	Начало верхнего палеолита	E	Мезолит

В публикуемой здесь таблице мы впервые выделяем отдельно горизонт С₁. Основания для его выделения сугубо археологические. Главным указанием на существование этого культурного горизонта служат строительные остатки (сохранившаяся частично стена), непосредственно перекрывающие неолитические отложения слоя С, а датировке выделяемого горизонта помогают отдельные археологические находки, имеющие типологическую и технологическую близость с материалом находящегося неподалеку от Чохского поселения могильника среднего этапа эпохи бронзы. Предметы эти будут охарактеризованы в соответствующей части работы. Четкие литологические критерии для выделения горизонта С₁ в качестве отдельной геолого-стратиграфической единицы отсутствуют. Рассматриваемый маломощный культурный горизонт составляет единую со слоем С литологическую толщу, соответствующую отложениям, в которых В. Г. Котович выделял уровни раннего и позднего мезолита.

Мы уже приводили соображения относительно обобщенных датировок культурных слоев поселения. Они слишком сильно отличаются от тех, которые приводились В. Г. Котовичем. Эти принципиальные различия требуют своего объяснения. Главной причиной удревления слоев В. Г. Котовичем было, как уже отмечалось, ошибочное представление о возрасте террасы, на которой расположено поселение. Датировав нижний слой «по характеру найденных здесь изделий» начальным этапом верхнего палеолита, исследователь считал, что «геологический возраст террасы... не исключает возможности существования здесь еще более древнего палеолитического поселения» [Котович, 1964, с. 118]. Как показывают последние работы, это предположение было необоснованным.

Другая причина заключалась в неточном определении отдельных категорий инвентаря. Так, многочисленные нуклеусы дисковидной и подлеваллуазской форм интерпретировались как рубящие орудия, орудия с зубчатым краем, нуклевидные скобели, орудия типа стамесок. Так же обстояло дело и с некоторыми другими группами изделий. Это искажало истинный характер археологического материала, придавало им более ранний облик.

Удревлению комплексов Чохского поселения способствовала и точка зрения о раннем (в пределах верхнего палеолита) псявлении на Кавказе геометрических микролитов различных форм. (Теперь это положение не кажется столь бесспорным.) Сыграла, видимо, свою роль и господствовавшая тогда тенденция искать в многослойных памятниках верхнего палеолита Кавказа три этапа, соответствующие тем, которые выделил для Закавказья (а по существу, для имеретинской культуры) С. Н. Замятин [1957].

Таким образом, причиной неудовлетворительности старых хронологических интерпретаций комплексов Чохского поселения, да и не только его, было состояние изученности верхнего палеолита и мезолита Кавказа, связанное с отсутствием геохронологических данных. Все это говорит о том, что производимая нами передатировка не является неожиданной и возможна не только по отношению к данному поселению. Не исключено, что датировки некоторых других позднеледниковых и раннеголоценовых памятников Кавказа при внимательном анализе тоже могут оказаться поколебленными.

ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Археологические коллекции Чохского поселения происходят из раскопок В. Г. Котовича 1955—1957 гг. и наших 1974 и 1980—1982 гг. Совместная публикация их сильно затруднена. Прежде всего, не совпадает стратиграфическое членение материала. Эта трудность преодолима, если мы вспомним стратиграфические сопоставления, рассмотренные в предыдущей главе, и приведенную там таблицу соотношений культурных слоев. Более существенно то, что из-за неблагоприятных условий хранения часть старых коллекций оказалась утраченной, а часть — депаспортизированной. Это особенно касается материалов слоев 1 и 2 старой стратиграфии. Состояние последних в настоящее время таково, что систематизированное описание и изложение их невозможно. Полностью утеряна и небольшая коллекция (40 экз.) кремневых изделий из самого нижнего слоя (слой 6 по В. Г. Котовичу), полученная шурфом 1957 г. Оперирование этими материалами возможно только по исчерпывающим публикациям В. Г. Котовича. Правда, данный ущерб в полной мере восстанавливают раскопки 1980—1982 гг. Ценность годных к рассмотрению старых материалов из слоев 3—5 по В. Г. Котовичу заключается в том, что они происходят из наиболее насыщенной части соответствующих горизонтов. В отличие от них коллекции мезолитических слоев раскопа № 2 (1980—1982 гг.) несравненно беднее и, по-видимому, приурочены к периферийной части обжитой в это время площади памятника. Таким образом, материалы старого и нового раскопов в определенной мере дополняют друг друга. Тем не менее сквозное рассмотрение всей имеющейся на сегодняшний день коллекции, повторяем, невозможно.

Памятник раскапывался В. Г. Котовичем и нами в разных методиках, при разных критериях стратиграфического вычленения материала, на разных участках и

при различных уровнях типологических разработок, связанных с развитием археологической науки. Вместе с тем опираться в данной работе только на новые материалы и не учитывать старые было бы неправильно. Комплексы старых раскопок имеют ценность и в том виде, в каком они были опубликованы. Однако лишь пересмотр их с учетом всех составляющих техники, технологии и морфологии позволяет довести их анализ до современных требований и вскрыть новые существенные черты представленной ими культуры. Достаточно заметить в связи с этим, что многие предметы, определяемые В. Г. Котовичем как орудия, т. е. изделия со вторичной обработкой, нами исключаются из числа таковых и изымаются при классификации из соответствующих подсчетов.

Определенные затруднения возникают и потому, что в настоящее время мы не располагаем во всей полноте документально-графическими материалами старых раскопок. Это относится прежде всего к подробным общим планам всех слоев памятника, основываясь на которых можно было бы дать всестороннюю характеристику культурных напластований. Подробное ознакомление с отчетами В. Г. Котовича о его полевых работах 1955—1957 гг. показывает, что зафиксированные в них наблюдения при наличии указанной документации могли бы способствовать существенному дополнению характеристики памятника.

Исходя из указанных обстоятельств, в данной работе целесообразно рассмотреть старые и новые материалы порознь. При этом описание коллекций из раскопа № 1 (1955—1957 гг.) удобно давать согласно стратиграфической схеме В. Г. Котовича, сопоставляя ее с нашей (см. табл. 1). Детальность и полнота источниковедческого анализа будет зависеть от частично уже охарактеризованного состояния исследуемых комплексов.

РАСКОПКИ 1955—1957 гг.

Культурный слой 6 (слой E)

Слой 6 был выявлен и исследован В. Г. Котовичем в 1957 г. шурфом площадью примерно 1 кв. м на квадратах 3-6, 3-7. Этот шурф доставил 40 экз. каменных изделий. Подавляющее большинство предметов не имело вторичной обработки. К орудиям было отнесено 6 из-

делий. Среди них были выделены: скребло — 1 экз.; скребки — 2 экз.; острие — 1 экз.; пластина с подтесанным концом — 1 экз.; нуклевидный обломок [Котович, 1964, с. 122]. В предмете, определенном как скребло, и нуклевидном обломке с широкими снятиями, принятыми за резцовые сколы, В. Г. Котович увидел мустьерские черты, которые счел свидетельством архаичности инвентаря. В технике обработки камня он также усматривал архаизм. Основанием для этого служило наличие на ударной площадке одного из концевых скребков серии фасеток крупной ретуши, определенной как результат предварительного фасетирования площадки на нуклеусе. Основываясь на этом, исследователь датировал рассматриваемый слой «ранним этапом верхнего палеолита» [Котович, 1964, с. 121] и синхронизировал его с такими закавказскими памятниками, как Хергулис-кльде и Та-ро-кльде.

Указанное понимание инвентаря и датировка его очень спорны как сами по себе, так и в свете конкретных материалов данного слоя, происходящих из наших раскопок. Последние будут детально охарактеризованы в соответствующем разделе этой работы. Здесь же отметим прежде всего, что число орудий в слое 6 шурфа 1957 г. должно быть ограничено двумя экземплярами скребков [Котович, 1964, с. 122, рис. 24, 7, 9]. Остальные из названных выше изделий не имеют вторичной обработки и рассматриваться в качестве орудий не могут. Например, предмет, выделенный как скребло [Котович, 1964, с. 122, рис. 24, 6], является в действительности нуклеусом торцевого скалывания с подтесанной под клин характерной тыльной стороной. На рабочей части этого нуклеуса имеются негативы удлиненных субпараллельных снятий. Одна из боковых поверхностей обработана серийей широких сколов, утончающих тыльную часть изделия. Таким образом, это одна из широко распространенных форм верхнепалеолитических и мезолитических нуклеусов. Из числа орудий должны быть исключены также «острие» [Котович, 1964, с. 122, рис. 24, 8], являющееся обычным отщепом с естественно заостренным концом, и «пластина с подтесанным концом» [Котович, 1964, с. 122, рис. 24, 11] — в действительности отщеп, на одном из концов которого сохранились срезанные сколом негативы предыдущих снятий с нуклеуса. То же самое можно сказать об обломке, который фигурировал как «нуклевидный» [Котович, 1964, с. 122, рис. 24, 10].

Следовательно, в качестве руководящих форм остаются два концевых скребка отнюдь не архаического облика и прямоплощадочный нуклеус торцевого скалывания. Указанных орудий явно недостаточно для сколь угодно определенных датировок инвентаря. Этим объясняется столь большое расхождение в датировках данного слоя В. Г. Котовичем и нами. Ограниченность площади шурфа 1957 г., на которой был вскрыт слой 6, не позволяет характеризовать сам культурный слой. Точно так же малочисленность происходящего оттуда инвентаря не дает оснований не только для решения, но даже для постановки каких-либо общих вопросов. В определенной мере эти возможности предоставляют материалы наших раскопок слоя 6 (слой E) в 1974, 1980 и 1982 гг., о чем будет сказано далее.

Культурные слои 5—3 (слой D)

В отличие от слоя 6 культурные слои 5—3 характеризуются очень большой насыщенностью кремневыми изделиями. В. Г. Котович насчитывал в инвентарях всех трех слоев вместе около 32 800 предметов. Им же из этого числа были выделены орудия в количестве: слой 5 — 647 экз.; слой 4 — 702 экз.; слой 3 — 407 экз. [Котович, 1964, с. 123—124, 135—136, 149—150]. Однако по названным выше причинам в нашем распоряжении столь большого числа орудий из раскопок 1955—1957 гг. нет. Одна из этих причин — то, что большую часть вещей, выделенных В. Г. Котовичем как орудия, мы не считаем таковыми (т. е. изделиями, несущими на себе следы вторичной обработки). Приведем список этих предметов по категориям, выделенным В. Г. Котовичем, с соответствующими количественными показателями:

Категория	Слой 5	Слой 4	Слой 3
Нуклевидные изделия	32	24	9
Орудия с зубчатым краем	54	45	23
Рубящие орудия	58	31	15
Орудия с резцовым сколом	49	41	23
Простые острия	73	54	40
Сечения пластин	35	28	—

Нами также исключены из подсчетов те орудия, которые оказались депаспортизованными. Перечислим их: скребки — 50 экз.; острия — 15 экз.; пластинки с

притупленным краем (ППК) — 5 экз.; трапециевидные орудия — 6 экз.; равнобедренные треугольники — 2 экз.; удлиненные асимметричные треугольники — 14 экз.; нуклеусы — 15 экз.

С учетом всех этих обстоятельств, а также того, что определенная часть изделий утеряна, мы имеем следующее число орудий из раскопок В. Г. Котовича: слой 5 — 71 экз.; слой 4 — 96 экз.; слой 3 — 139 экз. Поэтому при различных статистических сопоставлениях, очевидно, следует быть осторожными.

Проанализируем дальше технику обработки и дадим типологическую характеристику изделий из слоев 5 — 3.

Техника обработки (первичное раскалывание и вторичная обработка). Наиболее выразительным источником для характеристики техники первичного раскалывания являются нуклеусы. Их распределение по слоям и разновидностям дано в табл. 2.

Таблица 2

Нуклеусы из раскопок 1955—1957 гг.

Разновидность	Слой 5	Слой 4	Слой 3
1. Верхнепалеолитические и мезолитические формы:			
призматические косополадочные	4	4	7
призматические прямополадочные	—	4	3
подконические	2	1	—
конические	—	—	3
2. Архаические формы			
а) подлеваллуазские:			
однополадочные	2	2	3
односторонние продольные двуплошадочные	1	1	—
двусторонние двуплошадочные продольные	—	1	—
двусторонние двуплошадочные поперечно-продольные	—	3	—
двусторонние четырехполадочные поперечно-продольные	—	1	—
б) дисковидные односторонние	1	1	2
в) веерообразные двусторонние	—	—	3
г) комбинированные:			
двусторонние веерообразно-однополадочные	—	—	2
двусторонние дисковидно-двуплошадочные	—	—	2
3. Аморфные обломки	5	4	10
Всего	15	22	37

Необходимость расщепления нуклеусов с целью получения заготовок для орудий придает нуклеусам наиболее предпочтительные с точки зрения изготовителя пропорции и форму [Leroi-Gourhan и др., 1966, с. 247]. В этой связи нуклеусы Чоха, казалось бы, должны быть достаточно однородными и не выходящими за рамки типичных форм. В действительности же мы сталкиваемся с любопытным случаем, когда первичное раскалывание базируется не только на основе нуклеусов обычных мезолитических и верхнепалеолитических форм, но в равной мере и на ядрищах архаического облика.

Факт обнаружения в слоях стоянки некоторого количества дисковидных нуклеусов не вызывает удивления, так как в незначительных количествах они встречаются и в других синхронных и несколько более ранних, чем Чох, памятниках Кавказа [Замятнин, 1957, рис. 25, 16, 17], Крыма [Векилова, 1957, с. 272] и Русской равнины [Ефименко и Борисковский, 1957, рис. 18; Черныш, 1959, фиг. 34; Кетрару, 1965]. Неожиданным является наличие в комплексе значительного числа нуклеусов, называемых нами подлеваллуазскими, и комбинированных.

Типично дисковидные нуклеусы встречаются в комплексах слоев в единичных экземплярах (рис. 10, 7 — слой 5; рис. 11, 3 — слой 4; рис. 12, 1 — слой 3). Все они невелики (4—5 см). Скалывание производилось в радиальном направлении с одной стороны ядрища.

Гораздо сложнее выделение другой серии нуклеусов. Они представляют собой небольших размеров (4—5 см) уплощенные изделия с одной или несколькими площадками (в преобладающем большинстве случаев подготовленными ретушью) и субпараллельным скалыванием. Эти ядрища не находят себе места в известных типологических разработках, основанных главным образом на форме изделий [Sonneville-Bordes, 1960; Bordes, 1961; Heinzelin, 1962; Tixier, 1963; Leroi-Gourhan и др., 1966]. Очевидно, поэтому данная группа нуклеусов не была особо выделена В. Г. Котовичем, хотя и не осталась незамеченной исследователем. Описывая дисковидные нуклеусы Чоха, В. Г. Котович пишет, что «скалывание производилось с них не только радиально, как это свойственно для мустьерской техники, а также в одном или двух параллельных направлениях. От этих ядрищ отделялись удлиненные пластины и отщепы» [Котович, 1964, с. 126]. Отсюда видно, что нуклеусы, о которых идет речь, были объединены с дисковидными. Однако

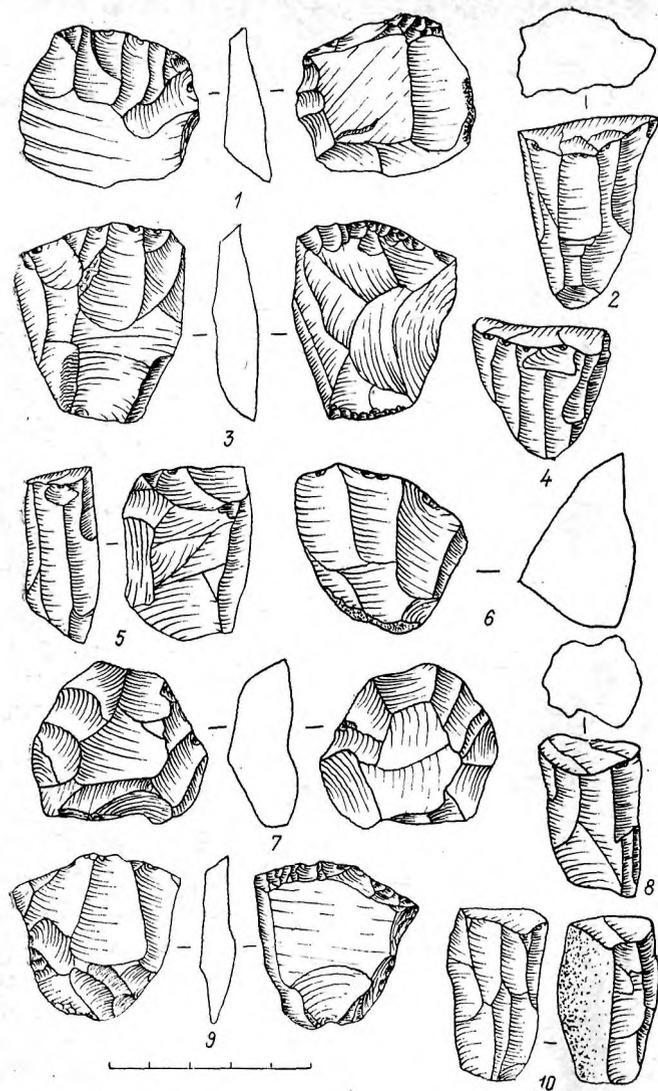

Рис. 10. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Нуклеусы: 1—7 — слой 5; 8—10 — слой 4

это неправильно, как неправильно было считать и ретушированные площадки большинства таких нуклеусов результатом специальной обработки, имеющей целью получить рабочий край «грубых скребелей» [Котович, 1964, с. 126].

Нуклеусы описываемой разновидности чрезвычайно уплощены, демонстрируя тем самым считающееся характерным для леваллуа уплощающее скалывание [Коробков, 1965]. Очевидно, еще и поэтому некоторые из таких нуклеусов в классификациях В. Г. Котовича попали в разряды «нуклевидных изделий», «нуклевидных скребелей», «орудий с зубчатым краем», «рубящих орудий». Форма, характер подготовки площадки и принцип раскалывания описываемых нуклеусов полностью соответствуют определению леваллуазского нуклеуса, данному В. П. Любиным [1965].

Производя типологическую разбивку этих нуклеусов, мы исходим из разработок В. П. Любина. Согласно им, выделяются нуклеусы односторонние и двусторонние, одно-, двух-, трех- и четырехплощадочные, а также нуклеусы различных вариантов сочетаний первого и второго признаков (см. классификацию нуклеусов в табл. 2 и рис. 10—13).

Третья группа выделяемых нами архаических нуклеусов Чоха — представленные только в слое 3 веерообразные (рис. 12, 2). Это полудисковидные двусторонние нуклеусы с частично подготовленной ретушью площадкой (у типично дисковидных нуклеусов площадка, как правило, предварительно не подготовлялась).

Только в слое 3 представлена и четвертая группа архаических нуклеусов — комбинированные. Они имеют небольшие размеры (4—5 см). По одной стороне этих ядрищ скалывание производилось веерообразно или радиально, по другой — субпараллельно. Соответственно этому они подразделяются на двусторонние веерообразно-одноплощадочные (рис. 13, 9) и двусторонние дисковидно-двуплощадочные (рис. 13, 11).

Верхнепалеолитические и мезолитические формы нуклеусов Чоха также представлены несколькими группами. Наиболее распространенными для всех трех слоев являются нуклеусы призматические косоплощадочные (рис. 10, 6; 13, 4). Их наклонная к тыльной части ядрища площадка получена одним или двумя ударами. Рабочая часть нуклеусов этого типа захватывает до $\frac{2}{3}$ периметра площадки. Средняя длина изделий — 4 см.

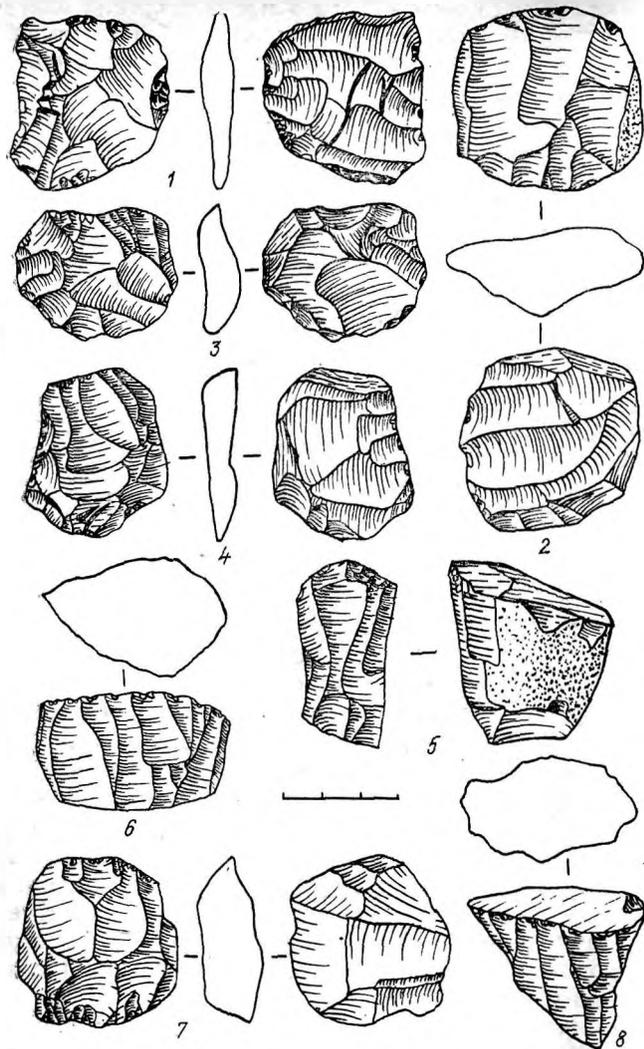

Рис. 11. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 4. Нуклеусы

Призматические прямоплощадочные нуклеусы по большинству показателей близки к вышеназванным, но отличаются скалыванием по всему периметру ударной площадки. Ядрища этой разновидности имеются в слоях 4 и 3 и не представлены в слое 5.

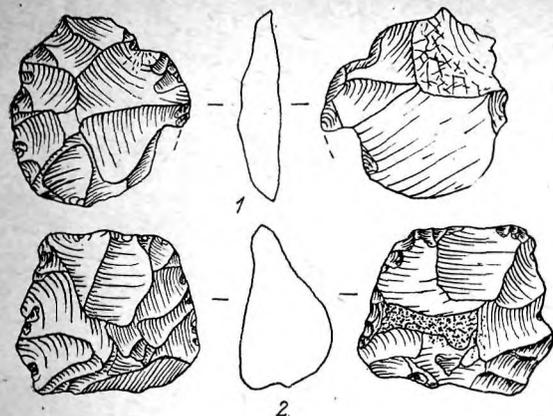

Рис. 12. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 3. Нуклеусы

Меньшим числом представлены нуклеусы подконической формы (рис. 10, 2, 4; 11, 8). Площадка у них прямая, скалывание — по всему ее периметру, общая форма — грубая коническая. Эти нуклеусы не встречаются в слое 3, где их заменяют отсутствующие в нижележащих слоях типичные конические нуклеусы (рис. 13, 1, 2, 5). Общей чертой всех названных нуклеусов Чоха является их подчиненность цели получения удлиненных заготовок — пластин, пластинок и микропластинок — и небольшие размеры (4—5 см).

Наконец, во всех слоях присутствуют обломки нуклеусов и незначительное количество нуклевидных предметов с бессистемным скалыванием.

По общему составу нуклеусов представляется возможным сделать два существенных замечания. Во-первых, во всех трех слоях налицо примерно равное соотношение ядрищ архаических и мезолитических форм; во-вторых, от слоя 5 к слою 3 нуклеусы архаического облика не только не исчезают, но увеличиваются в числе и становятся разнообразнее. Отсюда, в частности, следует вывод, что наличие подлеваллуазских и других архаических нуклеусов — не случайная черта, а один из ярких культуроопределяющих признаков Чохского поселения, так как подобной картины мы не увидим при анализе инвентаря других памятников Кавказа. Это же является, кстати, указанием на то, что техника первич-

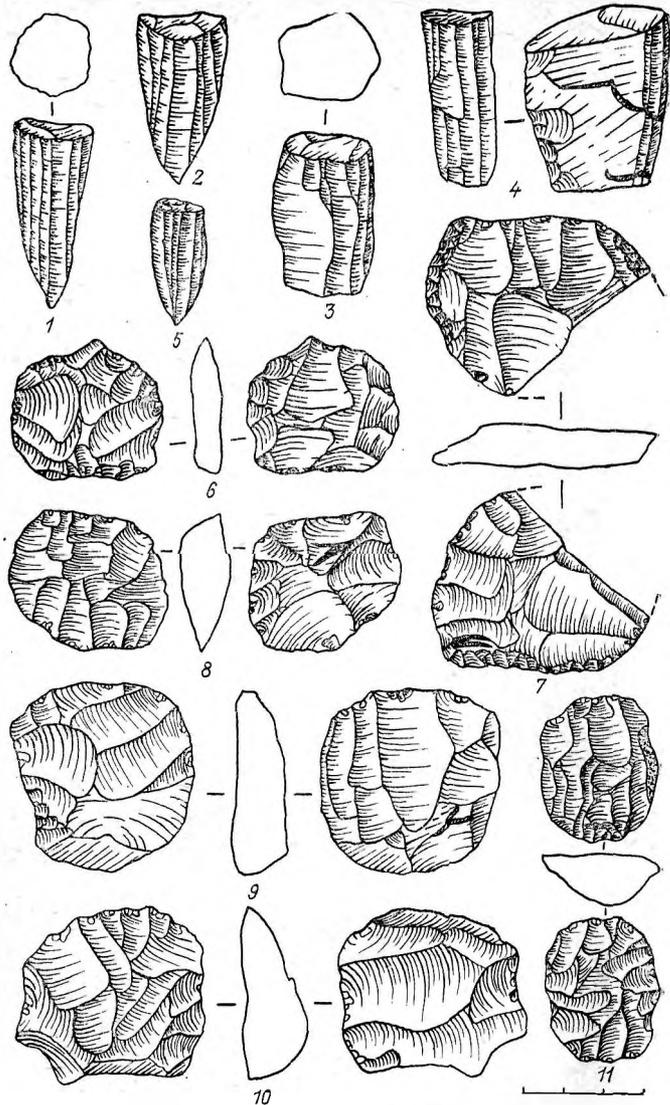

Рис. 13. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 3. Нуклеусы

ного раскалывания может играть культуроразличительную роль и для мезолитических комплексов.

Описанным выше нуклеусам в комплексе Чохского поселения соответствуют всевозможные виды заготовок и некоторые разновидности производственных отбросов. Согласно подсчетам В. Г. Котовича [1964], заготовки для орудий представлены пластинками (слой 5 — 486 экз., слой 4 — 547 экз.; слой 3 — 147 экз.), микропластинками (слой 5 — 434 экз.; слой 4 — 637 экз.; слой 3 — 229 экз.) и отщепами (слой 5 — 374 экз.; слой 4 — 413 экз., слой 3 — 120 экз.). Пластины в большинстве своем однотипны, и их длина редко превышает 4—5 см. Чрезвычайно редко встречаются экземпляры пластин, длина которых достигает 8 см. На спинках их, как правило, имеется по два-три негатива более ранних сколов с нуклеусов. Отщепы имеют в длину в среднем 4 см и в ширину — 3 см. На их спинках — негативы радиальных или подпараллельных снятий с нуклеусов.

Наиболее многочисленны из всех категорий каменных изделий Чоха производственные отходы. Как отмечает В. Г. Котович [1964], в слое 5 их насчитывается около 8000, в слое 4 — более 12 500 и в слое 3 — более 3000. Состав этих отбросов производства разнороден: обломки, осколки, чешуйки и др.

В технике вторичной обработки предметов из комплексов Чохской стоянки господствуют обычные для мезолита приемы разнообразной ретуши и резцового скола. Наиболее часто встречаемый тип ретуши здесь (не считая обработки рабочих краев скребков) — крутая крупная и мелкая. Этой ретушью обработаны пластинки с притупленным краем, края острий и другие изделия. Ею же производилось в необходимых случаях поперечное или диагональное (у отдельных вариантов острий чохского типа, например) ретушное усечение.

Довольно часто встречается также ретушь полукрутая крупная и мелкая. Обработке подобной ретушью подвергались как рабочие части некоторых орудий (например, скребла), так и аккомодационные, приспособительные части (например, края скребков).

Ретушь пологая, крупная и мелкая, применялась почти всегда для утончения краев или концов изделий. Так, мелкой пологой ретушью утончались основания острий чохского типа (когда в этом была необходимость). Крупная пологая ретушь использовалась также для утончения концов других изделий.

Судя по имеющимся коллекциям, техникой резцового скола древние чохские мастера пользовались почти исключительно для изготовления резцов. Но в редких случаях отмечаются примеры употребления этой техники и при оформлении других орудий. Например, миниатюрный резцовый скол употребляли иногда для получения краевой части дуги сегмента, о чем будет сказано при описании этих изделий. Факты иного применения техники резцового скола в инвентаре Чоха не отмечаются.

Типологическая характеристика орудий. Данные о разделении каменных предметов по категориям, число и процентном отношении их к числу всех орудий слоев из слоев 5, 4, 3 сведены в табл. 3.

Таблица 3

Орудия из раскопок 1955—1957 гг.

Категория	Слой 5		Слой 4		Слой 3	
	число	%	число	%	число	%
Скребла	—	—	—	—	1	0,72
Скребки	26	36,61	53	52,20	73	52,52
Резцы	4	5,63	2	2,08	8	5,76
Ножи	9	9,86	6	6,25	4	2,88
Проколки	—	—	1	1,04	—	—
Острия	15	21,12	8	8,33	13	9,35
Пластинки с притупленным краем	3	4,22	3	3,13	2	1,43
Пластинки с усеченными ретушью концами	1	1,40	—	—	1	0,72
Комбинированные орудия	—	—	1	1,04	—	—
Орудия с ретушированными выемками	2	2,81	3	3,13	4	2,88
Пластины и отщепы с зубчатой ретушью	—	—	—	—	4	2,88
Предметы с элементами подтески	5	7,04	3	3,13	3	2,16
Геометрические микролиты	4	5,63	8	8,33	19	13,67
Пластины и отщепы с ретушью	1	1,40	—	—	—	—
Плитки-герочки	3	4,22	8	8,33	7	5,07
Всего	71	100	96	100	139	100

Скребла. В индустрии всех трех слоев представлены лишь одним экземпляром из слоя 3. Это орудие может быть квалифицировано как скребло продольное одинарное. Изготовлено оно на массивном удлиненном отщепе, частично сохранившем на себе галечную корку.

Скребки. Представлены во всех слоях самыми многочисленными сериями. Так, в слое 5 имеется 26 экз., в слое 4 — 53 экз. и в слое 3 — 73 экз. орудий этой категории. Соответственно и индекс скребков (IG) равен для слоя 5 — 36,61, для слоя 4 — 52,20 и для слоя 3 — 52,52. Из-за неполноты коллекций приведенные показатели, очевидно, несколько искажены, но, по-видимому, не настолько, чтобы на них нельзя было положиться при определении общих особенностей инвентарей.

Скребки списываемых слоев довольно разнородны. Наиболее многочисленную группу в них составляют скребки концевые без ретуши по краям. Мы разделяем их на длинные (слой 5, рис. 14, 2—4; слой 4, рис. 15, 1—2; слой 3, рис. 16, 11), короткие (слой 5, рис. 14, 6—7; слой 4, рис. 15, 5—8; слой 3, рис. 16, 5—6) и укороченные (слой 5, рис. 14, 9—11; слой 4, рис. 15, 9—11; слой 3, рис. 16, 1—2). Скребки концевые длинные изготовлены на пластинах, концевые короткие — на пластинчатых отщепах, концевые укороченные — на отщепах. Рабочие кромки всех изделий этой разновидности имеют овальные очертания и обработаны характерной скребковой ретушью. Орудия первых двух названных типов содержатся во всех слоях примерно в одинаковых пропорциях. Что касается скребков укороченных, то наблюдается явная тенденция к увеличению их числа от слоя 5 к слою 3. Так, в слое 5 укороченных скребков 3 экз., в слое 4 — 14 и в слое 3 — 17 экз. Если же сопоставить скребки концевые длинные с концевыми короткими, то во всех слоях, а в слое 4 особенно, вторые преобладают. В слое 5 имеется скребков концевых длинных 5 экз., концевых коротких — 8 экз., в слое 4 длинных — 9 экз., коротких — 16 экз., в слое 3 длинных — 15 экз., коротких — 17 экземпляров.

Скребки двойные представлены единичными экземплярами в слоях 5 и 3. Эти орудия изготовлены на тонких отщепах длиной 3,5 см и шириной 2,5 см. Края изделий не ретушированы, овальные рабочие концы обработаны однотипной скребковой ретушью.

Также единичными экземплярами представлены скребки со скошенным рабочим краем (1 экз. в слое 5), скребки стрельчатые (1 экз. в слое 3, рис. 16, 8) и скребки с выемкой в средней части одного из краев (1 экз. в слое 4, рис. 15, 3). Из них по своей редкости наиболее интересен последний. Он представляет собой концевой скребок, в нижней части одного из краев которого ре-

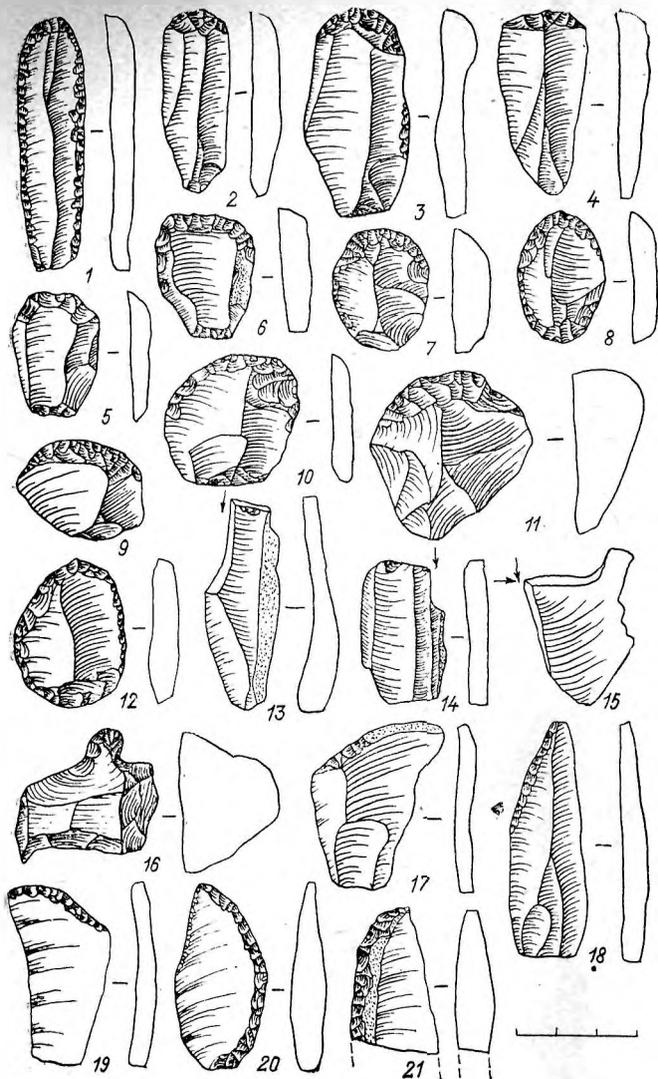

Рис. 14. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 5. Образцы кремневых орудий: 1—13, 17 — скребки; 14—16 — резцы; 18—21 — ножи

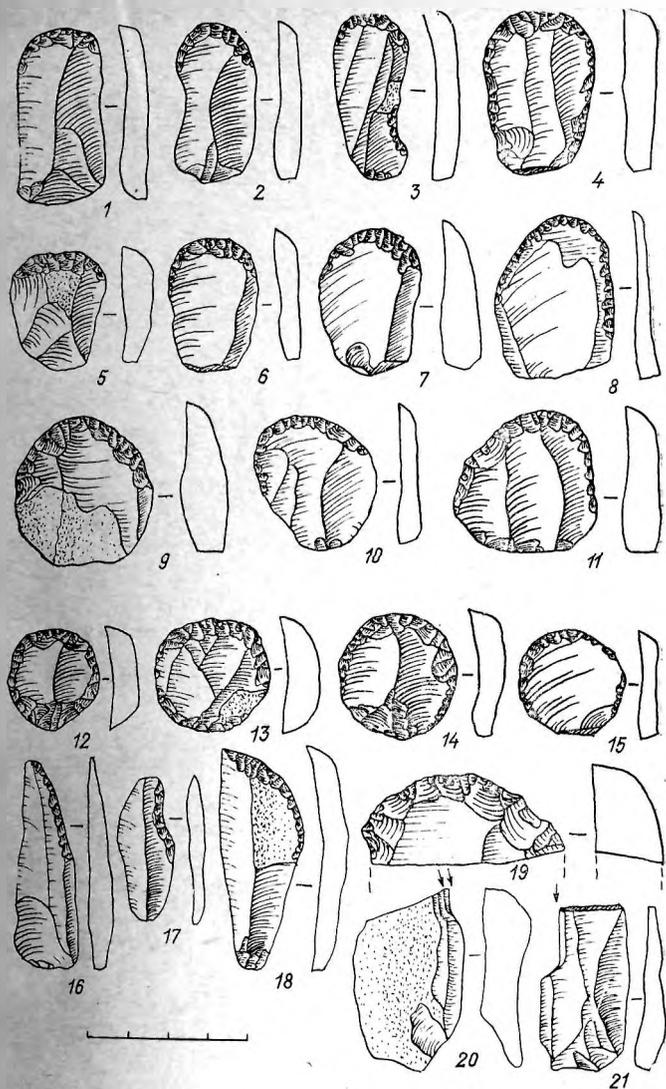

Рис. 15. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 4. Образцы кремневых орудий: 1—15, 19 — скребки; 16—18 — ножи; 20—21 — резцы

тушью оформлена широкая выемка, служившая, очевидно, для удобства захвата орудия.

В слоях 4 и 3 имеются по 2 экз. круглых и округлых (рис. 16, 9), у вторых ретушь образует незамкнутый овал (слой 4, рис. 15, 14—15, слой 3, рис. 16, 12).

Скребки с ретушированными краями представлены двумя разновидностями: с ретушированными параллельными краями и с ретушированными сходящимися к основанию краями. Первые имеются в слоях 5 и 4 соответственно по 1 и 2 экз. (слой 4, рис. 15, 4). Вторые (рис. 16, 7) встречены только в слое 3.

В слое 5 представлены один экземпляр скребка à tuseau (рис. 14, 17), совершенно не представленный в верхних слоях, и 4 экз. скребков высоких форм, которые в слое 3 также отсутствуют, а в слое 4 встречены единично (рис. 15, 19). Наконец, встречаются обломки скребков. Особенно много их в слое 3 (14 экз.). В слоях 5 и 4 обломков скребков 2 и 4 экз. соответственно.

Резцы (слой 5—4 экз.; слой 4—2 экз.; слой 3—8 экз.). В той части коллекции, которой мы располагаем, резцы не образуют ни в одном слое сколько-нибудь выразительные в количественном отношении категории. Индекс резцов (ИВ) равен для слоя 5—5,63, для слоя 4—2,08, для слоя 3—5,76. Во всех слоях представлены резцы на углу излома (слой 5, рис. 14, 14—15; слой 4, рис. 15, 21; слой 3, рис. 16, 15—17). Кроме того, в слоях 5 (рис. 14, 16) и 3 (рис. 16, 14) представлены полученные двумя резцовыми снятиями угловые разновидности резцов. В. Г. Котович [1964, с. 28] отмечает наличие в комплексе резцов на ретушированных поперечных сечениях пластин. Но, как бы то ни было, судя по публикациям В. Г. Котовича и нашим наблюдениям, количественную бедность и типологическую невыразительность резцов нужно считать особенностью данного памятника.

Ножи (слой 5—7 экз., слой 4—6 экз., слой 3—4 экз.). Эта категория изделий предметов с ретушированным обушком и противопоставленным ему обработанным пологой ретушью или необработанным краем В. Г. Котовичем не выделялась. Между тем ножи составляют хотя не очень многочисленную, но типологически выразительную категорию инвентаря стоянки. В слоях 5 и 4 они серийны и только в слое 3 представлены двумя разновидностями. Классификационное разделение ножей произведено нами по характеру обушка. При том что обушки всех ножей обработаны крупной

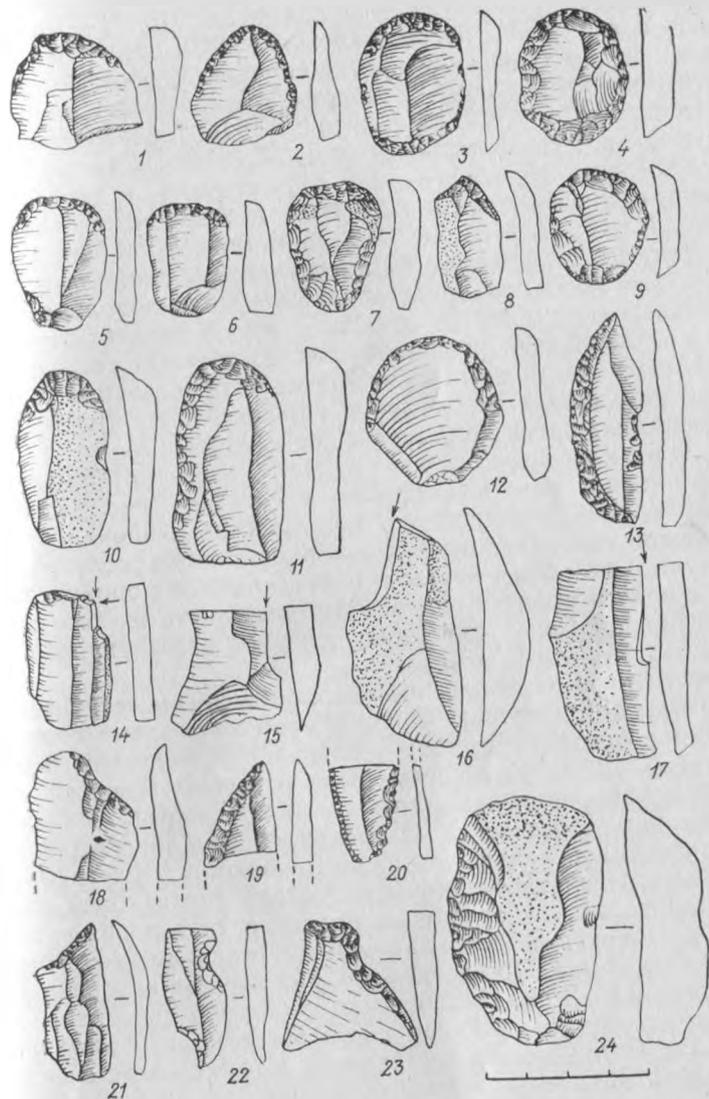

Рис. 16. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 3. Образцы кремневых орудий: 1—12 — скребки; 13, 19 — ножи; 14—17 — резцы; 18, 22—23 — орудия с выемками; 20 — пластина с зубчатой ретушью; 21 — пластина с косоусеченным ретушью концом; 24 — скребло

скребков. У первых заготовка обработана скребковой ретушью по всему обводу (слой 4, рис. 15, 12—13; слой ретушью (угол ретуши около 90°), они различаются по очертаниям и протяженности. В соответствии с этим выделены ножи с коротким наклонным обушком (слой 5, рис. 14, 19; слой 4, рис. 15, 16; в слое 3 отсутствуют), с дугообразным обушком (слой 5, рис. 14, 21; слой 4, рис. 15, 18; в слое 3 отсутствуют), с дистально-вогнутым обушком (в слое 5 не представлены; слой 4, рис. 15, 17; слой 3, рис. 16, 18) и типа Абри-Оди (слой 5, рис. 14, 20; в слое 4 не представлены; слой 3, рис. 16, 13). Все ножи изготовлены на пластинах довольно правильных очертаний, и обушок у всех, за исключением ножей последней разновидности, охватывает только дистальную часть заготовок. Кроме перечисленных в инвентаре имеется экземпляр атипичного ножа (слой 5) и обушковые части обломков ножей (слои 5, 3).

Проколки. Орудия данной категории представлены единичным экземпляром в слое 4 (рис. 17, 14). Изготовлена эта проколка на пластине. Рабочая часть изделия короткая, оформленная со спинки полукрутой ретушью по сбоим краям и подработанная дополнительно с одного края с брюшка. Интересно, что жальце орудия приходится к основанию исходной заготовки, т. е. к участку ударного бугорка.

Острия — типологически наиболее представительная часть инвентаря. Орудия этой категории, составляющие основную группу — острия с утонченным основанием, — В. Г. Котовичем были отнесены большей частью к равнобедренным треугольникам, частью — к микроостриям. Позднее Н. О. Бадер справедливо выделил эти изделия в специфический «чохский тип» [Бадер, 1965].

Идеальный экземпляр этих острий может быть охарактеризован как орудие на пластине (иногда на отщепе) с утонченным основанием и диагонально усеченным ретушью краем. По своим размерам орудия невелики (в среднем 2,5—3 см). Полное или частичное диагональное усечение одного из краев достигается крутой ретушью и является признаком постоянным. Что же касается второго признака — утончения основания, то он варьируется. В соответствии с этим нами отмечены четыре варианта острий чохского типа: вариант 1 — с утончением основания с брюшка (слой 5, рис. 18, 1—2; слой 4, рис. 17, 3, 5; слой 3, рис. 19, 8—9); вариант 2 — с утончением основания со спинки (слой 5, рис. 18, 4; слой 3,

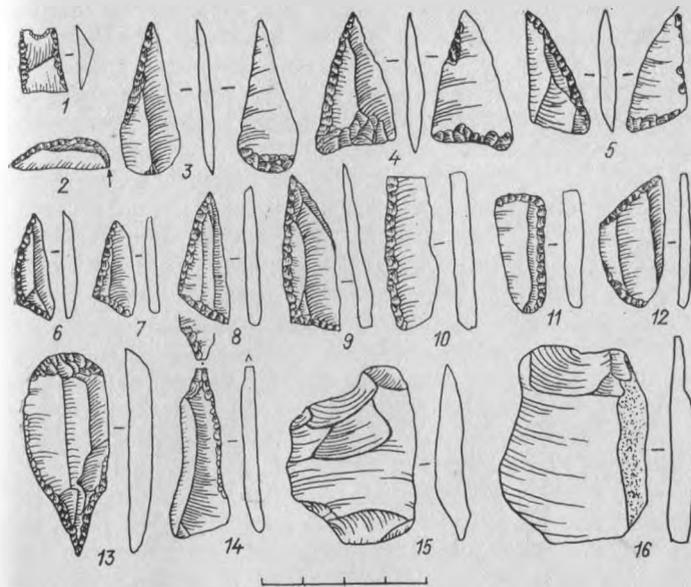

Рис. 17. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 4. Образцы кремневых орудий: 1 — трапеция; 2 — сегмент; 3—5 — острия; 6—9 — асимметричные треугольники; 10 — пластинка с притупленным краем; 11 — пластинка с притупленным краем и прямоусеченным ретушью концом; 12 — пластинка с косоусеченным ретушью концом; 13 — скребок-проколка; 14 — проколка; 15—16 — предметы с элементами подтески

рис. 19, 12); вариант 3 — с утончением основания со спинки и брюшка (слой 5, рис. 18, 3; слой 4, рис. 17, 4; слой 3, рис. 19, 10); вариант 4 — с естественно утонченным основанием (слой 5, рис. 18, 5; слой 3, рис. 19, 11). При этом как по количественным показателям, так и по более тонкому и целенаправленному характеру вторичной отделки ведущим из них является вариант 1.

К характеристике техники отделки острий чохского типа следует добавить, что самый острый конец этих изделий во многих случаях приурочен к точке ударного бугорка, т. е. к нижней части заготовки. В наибольшей мере это касается острий варианта 4. Относительно общих черт формы описываемых изделий можно отметить треугольные или подтреугольные очертания большинства их (особенно орудий варианта 3). Не случайно В. Г. Котович называл эти орудия треугольниками.

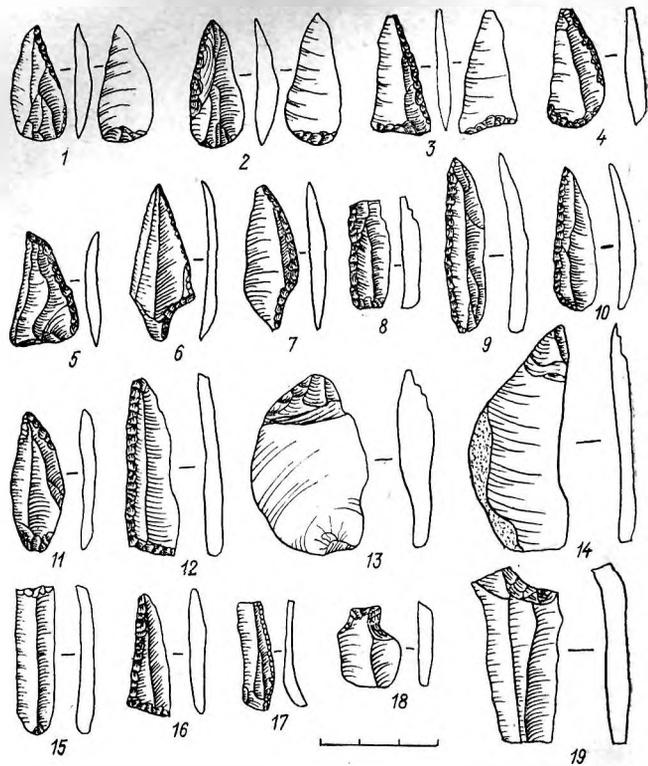

Рис. 18. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 5. Образцы кремневых орудий: 1—7, 9—11 — остря; 8 — пластинка с притупленным краем; 12, 16 — удлиненные асимметричные треугольники; 13—14 — предметы с элементами подтески; 15 — пластинка с усеченным ретушью концом; 17 — пластинка с микроретушью; 18—19 — орудия с выемками

Мы не знаем полных аналогов описанным острякам ни на Кавказе, ни в смежных с ним территориях. Поэтому остря чохского типа с полным правом могут считаться одним из ярких культуроопределяющих типов.

Заслуживает особого внимания тот факт, что в слоях 4 и 3 представлены остря только описанного выше типа. В слое же 5 мы встречаем еще две разновидности орудий этой категории: остря с боковой выемкой (рис. 18, 6—7) и остря граветтообразные (рис. 18, 10). Первые ввиду немногочисленности, очевидно, являются

случайными. Остря же, подобные вторым, характерны почти для всех без исключения памятников, содержащих пластинки с притупленным краем, т. е. и для большинства кавказских местонахождений.

При описании острей следует упомянуть также один недифференцированный экземпляр этого рода из слоя 5 и два обломка острей из того же слоя.

Пластинки с притупленным краем (ППК): слой 5—3 экз., рис. 18, 8; слой 4—3 экз. рис. 17, 10; слой 3—2 экз., рис. 19, 15. Эти изделия в комплексах Чоха и относительно и абсолютно малочисленны. В большой мере данное обстоятельство, очевидно, связано с неполнотой коллекций. У названных орудий крупной или мелкой крутой ретушью обработан, как правило, только один край. Иногда таким же образом обработан и один из концов. Средняя длина орудий — 3,5 см.

Пластины и пластинки с усеченными ретушью концами связаны техникой вторичной обработки с ППК. В слоях Чоха они встречаются чрезвычайно редко. Один экземпляр прямоусеченной пластинки имеется в слое 5 (рис. 18, 15), также один экземпляр кососеченной пластины встречен в слое 3 (рис. 16, 21).

Комбинированные орудия представлены единственным изделием — скребком-проколкой в слое 4. Верхний конец исходной заготовки этого орудия — пластины обработан под концевой скребок, а нижний — под проколку с заостренным в конце, но широким и коротким жальцем. Длина предмета — 4,8 см, максимальная ширина — 2 см.

Орудия с ретушированными выемками представлены во всех слоях незначительными группами (слой 5, рис. 18, 18—19; слой 3, рис. 16, 22—23). Они изготовлены на пластинах или отщепях и типологически невыразительны. В слое 5 их встречено 2 экз., в слое 4 — 3 экз. и в слое 3 — 4 экз.

Пластины и отщепы с зубчатой ретушью встречены только в слое 3 (рис. 16, 20). Крупнозубчатый край этих орудий получен неравнофасеточной полукруглой ретушью.

Предметы с элементами подтески, выделяемые нами в инвентаре Чоха, очень отдаленно напоминают *pièces écaillées*, более или менее близкие аналоги которых встречаются в закавказских памятниках [Замятнин, 1950, с. 134, рис. 4; 1937, с. 64; 1957, рис. 25; Паничкина, 1950, рис. 27]. В. Г. Котовичем в эту катего-

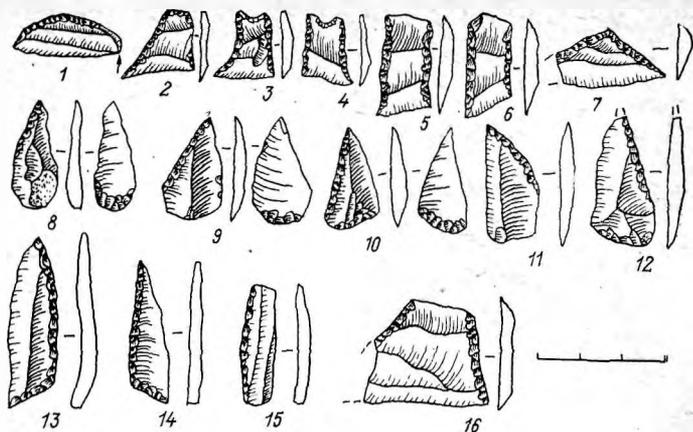

Рис. 19. Чохское поселение. Раскопки 1955—1957 гг. Слой 3. Образцы кремневых орудий: 1—6, 16 — геометрические микролиты; 13—14 — асимметричные треугольники; 15 — пластинка с притупленным краем

рию вещей было отнесено весьма внушительное число предметов (слой 5 — 34 экз., слой 4 — 49, слой 3 — 17 экз.). По нашим подсчетам, их значительно меньше: в слое 5 — 5 экз. (рис. 18, 13—14), в слое 4 (рис. 17, 15—16) и 3 — по 3 экз. Изготавливались они, как правило, на пластинчатых отщепках. Один из концов этих заготовок (иногда оба) утончался широкими, но короткими плоскими ретушными снятиями со стороны брюшка.

Геометрические микролиты. Представление о количественном составе и морфологическом разнообразии геометрических микролитов исследуемых слоев дает табл. 4. Из нее видно, что эти изделия представлены семью разновидностями, из которых лишь удлиненные асимметричные треугольники встречаются во всех трех слоях. Остальные (за исключением одного сегмента) имеются только в слое 3. Наличие асимметричных треугольников, как известно, считается одной из характерных черт позднего палеолита Кавказа. Они отмечены во многих памятниках [Замятнин, 1957; Куфтин, 1941; Тушабрамишвили, 1969; Формозов, 1959]. Эти изделия в мезолитических слоях Чохского поселения обработаны так, что угол между двумя ретушированными краями всегда тупой (слой 5, рис. 18, 12, 16; слой 4, рис. 17,

6—9; слой 3, рис. 19, 13—14). В памятниках же Закавказья есть треугольники и с тупым и с острым углом, но чаще с острым. Такая же картина и в памятниках каменнобалковской культуры [Гвоздовер, 1964, табл. XVI, 6]. Наряду с этим в многочисленной коллекции северокавказского памятника Сатанай имеется всего один нетипичный экземпляр «тупоугольного» асимметричного треугольника. Данный факт с очевидностью свидетельствует о том, что названная форма изделий не единообразна даже для кавказских стоянок и что, в частности, для инвентаря Чоха она может играть наряду с другими особенностями культуруопределяющую роль.

Таблица 4

Геометрические микролиты из раскопок 1955—1957 гг.

Наименование изделий	Слой 5	Слой 4	Слой 3
Удлиненные асимметричные треугольники	4	7	6
Равнобедренные треугольники	—	—	2
Сегменты	—	1	2
Высокие трапеции с неретушированной вершиной	—	—	2
Высокие трапеции с выемкой на вершине	—	—	2
Подпрямоугольные сечения пластин	—	—	4
Парагеометрические орудия трапециевидной формы	—	—	1
Всего	4	8	19

Свидетельством деградации асимметричных треугольников, очевидно, нужно считать появление в слое 3 новой разновидности треугольников — равнобедренных (рис. 13, 7). По своим размерам они невелики (1,5—2 см), но имеют высокие очертания.

Сегменты являются группой изделий, наиболее близкой к равнобедренным треугольникам. Оба встреченных в слое 3 орудия этого типа входят в группу так называемых низких сегментов. Длина их — около 1,5 см (рис. 19, 1). Появляются же эти микролиты в слое 4, о чем свидетельствует подобный вышеназванным один экземпляр орудия (рис. 17, 2). Последний имеет любопытную особенность: часть дуги у одного из концов изделия получена ниточным снятием типа резцового скола.

По словам В. Г. Котовича [1964, с. 143], в слое 4 впервые появляется и такая форма микролитов, как трапеции. В изученной нами коллекции слоя 4 эти изделия, однако, не встречались. Возможно, что они утеряны. Но в слое 3 трапеции выступают выразительной серией. Характерной чертой всех изделий этого рода является то, что их высота всегда больше ширины. Бока трапеций обработаны крутой ретушью и, как правило, несимметричны. Вершины их оставлены необработанными или имеют посередине небольшую ретушированную выемку, а основания всегда не обработаны. Соответственно этому выделяются два варианта орудий: с выемкой на вершине (рис. 17, 1; рис. 19, 3, 4) и без такой выемки (рис. 19, 2). Подобные формы орудий пока неизвестны в комплексах верхнепалеолитических и в подавляющем большинстве раннемезолитических (см. [Чертели, 1973; Габуния, 1975]) памятников Закавказья. Поэтому, очевидно, В. Г. Котович справедливо рассматривал высокие трапеции как «еще один элемент своеобразия» культуры Чоха [Котович, 1964, с. 144]. Вместе с тем нельзя не отметить, что указанные орудия отнюдь не уникальны. Они распространены на довольно широких территориях и характерны главным образом для мезолита. Микролиты сходных типов можно встретить в комплексе Сатанай, в инвентарях крымских [Бибиков, 1936, рис. 5; Крайнов, 1938, табл. 3; Формозов, 1954, с. 40; Бадер, 1961, 1970], западнотуркменских [Окладников, 1956а, с. 196; Марков, 1966, рис. на с. 113] и более отдаленных памятников.

К описанным трапециям типологически примыкают представленные также в слое 3 подпрямоугольные поперечные сечения пластин и одно парагеометрическое орудие трапециевидной формы. Первые изготовлены в технике высоких трапеций. Особенность их в том, что обработанные крутой ретушью края (бока) имеют подпараллельный вид. Вершина этих изделий, как и основания, не обработаны.

Парагеометрическое (атипичное геометрическое) орудие трапециевидной формы (рис. 19, 16) представлено одним обломанным и, видимо, случайным экземпляром.

Пластины и отщепы с ретушью в исследованной нами части коллекций не встречались, за исключением экземпляра пластинки с микроретушью по одному краю в слое 5 (рис. 18, 17).

Песчаниковые плитки-терочники имеют в среднем в длину 25 см, в ширину — 12 см. С плитками-терочниками, очевидно, органически связаны каменистые, упоминаемые В. Г. Котовичем [1964, с. 115].

Культурные слои 2—1 (слой С)

Стратиграфическая неопределенность выделенных В. Г. Котовичем на раскопанном им участке слоев 2 и 1 не позволила расчленить происходящие оттуда археологические материалы. Поэтому инвентарь этих горизонтов рассматривался всегда суммарно. Как выясняется, ошибки в этом не было. Новые исследования показали, что данные слои составляют в действительности единый неолитический слой (слой С) долговременного поселения.

С раскопанной В. Г. Котовичем площади слоев 2—1 было получено около 6 тыс. кремневых изделий. Набор орудий здесь примерно тот же, что и в нижележащих горизонтах, хотя наблюдаются и некоторые специфические особенности.

Нуклеусы комплекса слоев 2—1 представлены несколькими типами. Преобладают среди них призматические и конусовидные. Встречаются и некоторые разновидности охарактеризованных нами выше архаических ядрищ. Особенностью здесь является наличие карандашевидных форм. Тенденция к появлению таких нуклеусов прослеживается уже в инвентарях нижележащих слоев, но типичные формы подобных изделий там не отмечены.

Скрепки составляют наиболее значительную в количественном отношении категорию орудий. Типологически они близки к аналогичным предметам слоев 5—3. Характерной чертой их является преобладание округлых, круглых и укороченных скребков над скребками других типов. Какие-либо новшества в технике обработки рабочих элементов или в отделке аккомодационных частей не отмечаются.

Резцы аморфны и типологически бедны. Это общая черта всех комплексов Чоха.

Ножи немногочисленны. Интересен обломок (дистальная часть) орудия с выпуклым обушком, обработанным крутой ретушью. Это не столь широко распространенное в кавказских индустриях изделие находит

прямые аналогии в орудиях нижележащих слоев, выделяемых нами как ножи с дугообразным обушком.

Проколки представлены единичными экземплярами. Характерно одно орудие, изготовленное на пластинке. На дистальной части этой пластинки глубокой крутой ретушью выделено довольно длинное узкое жальце.

Острия описываемого комплекса представлены исключительно изделиями, называемыми остриями чохского типа. Это орудия на небольших пластинах или на отщепках. При изготовлении этих орудий один край заготовки подвергался диагональному ретушному усечению, а основание утончалось плоской или пологой ретушью.

Геометрические микролиты в слоях 2—1 довольно многочисленны. Выделяются выразительные серии удлиненных асимметричных треугольников, высоких трапеций. Единичны изделия в виде равнобедренных треугольников, иногда приближающихся к сегментам. Характерной особенностью геометрических микролитов рассматриваемого комплекса является заметное измельчение их размеров по сравнению с подобными изделиями нижележащих слоев.

Кроме перечисленных категорий и типов готовых орудий в этом комплексе имеется еще большое количество пластин, пластинок и отщепов с ретушью, преимущественно частичной.

Совершенно особую группу составляют каменные изделия слоев 2—1 из иного, чем кремний, материала — сланца и известняка. Так, из сланца изготовлен жатвенный нож с пазом для кремневых вкладышей. В слое 1 В. Г. Котовичем был найден обломок (длиной 13 см) рукояти этого орудия. Одна из боковых поверхностей рукояти украшена резным ромбовидным орнаментом, образованным парными линиями. Вторая поверхность имеет на себе широкий зигзаг из прямых парных выгравированных линий. Два отрезка зигзага перечеркнуты одинарной резной линией так, что образуются два Х-образных поля, отделенные друг от друга равным им по площади третьим полем, парные линии зигзага в котором не перечеркнуты. Ближнее к рабочей части ножа Х-образное поле ограничено еще вертикальными линиями. Второе аналогичное поле ограничено вертикальной чертой только с одной стороны.

Максимальная ширина обломка жатвенного ножа — 3 см, максимальная толщина — 8 мм [Котович, 1964,

с. 157, рис. 35,5]. Изготовление каменного орудия таких пропорций, несомненно, должно было требовать наличия большого мастерства и определенных навыков. Уже после обнаружения этого предмета можно было предполагать, что оно не было единичным и что для изготовления подобных орудий использовался и более податливый, чем камень, материал. При раскопках 1981 г. действительно был найден аналогичный описываемому обломок жатвенного ножа из кости.

Обломок сланцевого жатвенного ножа из верхнего слоя Чохского поселения уникален для неолита Кавказа. Его обнаружение примечательно как в смысле древности орудия, так и в плане решения вопроса о хозяйственных занятиях людей, оставивших Чохское поселение. Изделия подобного рода характерны для раннеземледельческих поселений. В своей последней работе В. Г. Котович указывал на почти полное сходство формы и даже орнаментации данного орудия с аналогичным изделием из Сиалка [Котович, 1982, с. 132, рис. 13]. Функциональное назначение рассматриваемого изделия как жатвенного ножа у специалистов не вызывало сомнений. В то же время общепринятая датировка слоя, в котором это орудие было обнаружено, мезолитом не допускала объяснения его использования иначе как для сбора только дикорастущих злаков, хотя тут и возникало известное противоречие, касающееся того, что дикорастущие злаки не требуют для своего сбора специальных уборочных инструментов [Краснов, 1969, с. 64].

Произведенный нами пересмотр стратиграфии и хронологии Чохских комплексов, в результате которого выделен датированный ранним неолитом слой С (слои 2—1 по В. Г. Котвичу), и значительное обогащение данных по этому слою в ходе новых раскопок снимают многие имевшиеся противоречия и указывают на органичность каменного жатвенного ножа для неолитического слоя земледельческого, как выясняется, Чохского поселения.

Список каменных изделий слоев 2—1 раскопа В. Г. Котовича завершают известняковые орудия, выделявшиеся как «песты для растирания краски» [Котович, 1964, с. 157, рис. 35, 1] и «краскотерки» [Котович, 1964, с. 157, рис. 35, 7]. Для первых, по нашему мнению, больше подходит название «камни-терочки», а вторые с полным основанием могут называться зернотерками, и вместе эти два типа вещей входят в группу орудий, связанных с земледелием. Такая интерпретация данных

изделий не была дана в свое время только потому, что комплекс, в котором они были обнаружены, датировался мезолитом. После указанного переосмысления характера поселения и получения нового материала, в котором представлены серии зернотерок и камней-терочников, становится бесспорным типологическое место и функциональное назначение названных вещей.

Костяных орудий в рассматриваемом комплексе не отмечено. Они представлены лишь в слоях 5, 4 и 3 несколькими проколками, изготовленными на обломках трубчатых костей животных. Интересен экземпляр, орнаментированный по краям рукояточной части изделия ритмическими короткими параллельными друг другу насечками и зигзагообразным узором. Имеется одна дублированная проковка. Малочисленность костяных изделий заставила В. Г. Котовича отметить, что «обработка кости и изготовление костяного инвентаря не получили здесь широкого распространения» [Котович, 1964, с. 158]. В результате наших раскопок 1980—1982 гг. из слоя С получена серия костяных изделий. Количеством она небогата, но разнообразие найденных вещей (ножи, проковки, основа жатвенного ножа, обломок свирели и др.) говорит о том, что значение кости как исходного материала для орудий труда и предметов иного назначения в период накопления неолитического слоя было достаточно большим.

В заключение описания инвентаря слоев 2—1 по В. Г. Котовичу напомним, что в этих слоях были обнаружены и фрагменты керамики. Мы уже указывали во введении, что их наличие позволило в свое время Р. М. Мунчаеву датировать данные горизонты эпохой неолита. В. Г. Котович имел на этот счет другое мнение. Приведем здесь характеристику и интерпретацию данных фрагментов керамики по В. Г. Котовичу. «Она (керамика. — Х. А.) изготовлена вручную из грубого теста с примесями. Наружные поверхности ее, как правило, обмазаны жидкой глиной, в редких случаях заглажены или залощены. Внутренние поверхности заглажены. Цвет наружных поверхностей светлый, чаще всего желтовато-бурый, внутренних — темно-серый и черный. Фрагменты керамики встречаются на поверхности террасы, в гумусном слое, а иногда, по многочисленным норкам грызунов, они проникают и в верхние культурные слои, относящиеся к каменному веку. По своему облику и технике изготовления описанные фрагменты

аналогичны керамике, найденной в могильнике эпохи бронзы, расположенном здесь же на плато, в 0,6—0,7 км к ЗЮЗ от стоянки, в Нохола-ад. Вероятнее всего, появление этой керамики на стоянке следует связывать с деятельностью людей, оставивших данный могильник [Котович, 1964, с. 107]. Однако новые раскопки показали, что эта оценка места керамики в верхних горизонтах Чохского поселения была ошибочной. Керамика слоя С почти по всем признакам отличается от таковой из названного выше могильника, значительно более архаична, и стратиграфическая связь ее с рассматриваемым слоем несомненна. Вместе с зернотерками, основами вкладышевых жатвенных ножей, зернами окультуренных злаков и некоторыми типами кремневых изделий (например, карандашевидными нуклеусами) она представляет собой категорию вещей, свидетельствующих о новом этапе в развитии чохской археологической культуры.

* * *

Выше мы рассмотрели все материалы, происходящие из раскопок Чохского поселения в 1955—1957 гг. Оставляя до полного анализа данных раскопок 1980—1982 гг. вопросы культурно-хронологических интерпретаций, обобщим здесь кратко наиболее существенные черты охарактеризованного инвентаря. Прежде всего следует отметить, что от нижнего слоя до верхнего наблюдается ощутимая эволюция кремневого инвентаря. Развитие настолько существенно, что в верхнем слое появляются новые типы изделий, не свойственные для нижележащих слоев. Так, кроме земледельческого набора орудий в верхнем слое появляются карандашевидные нуклеусы. Отсутствие таковых в нижележащих слоях указывает на их хронологическое значение. А сама форма нуклеуса, нацеленная на получение узких и тонких микропластинок, указывает на потребность обитателей поселения в несравненно большем, чем раньше, количестве заготовок вкладышевых орудий. Уже в слое 3 (по В. Г. Котовичу) значительной серией выступают и геометрические микролиты. В нижних слоях они встречаются реже, а в перекрывающих слой 3 горизонтах приобретают новые признаки, выражающиеся, в частности, в измельчении размеров. Становятся мельче и другие кремневые орудия, например скребки.

Вместе с тем все горизонты поселения пронизывает

культурная преемственность, выражающаяся в сохранении автохтонных культуроразличительных типов. Это касается прежде всего наиболее специфического типа инвентаря — острый чохского типа. В равной степени это относится к нуклеусам архаического облика, называемым нами подлеваллуазскими. Достаточно характерны в этом смысле удлиненные асимметричные треугольники тупоугольной формы и ножи с наклонным ретушированным обухом. Все эти типы орудий встречены во всех слоях памятника. Таким образом, мы фиксируем непрерывное развитие на протяжении длительного хронологического отрезка одной и той же культуры. В историческом плане это является отражением преемственности традиций между многими поколениями обитателей Центрального Дагестана с начала мезолита до первой половины эпохи неолита.

РАСКОПКИ 1974 и 1980—1982 гг.

Раскопки памятника были возобновлены нами в 1974 г. по прошествии 17 лет после работ на нем В. Г. Котовича. Задачи исследования в этом году, как отмечалось, сфокусировались на уточнении стратиграфии и получению нового археологического материала из нижнего (шестого по стратиграфии В. Г. Котовича) культурного слоя. Для этой цели было решено углубляться дальше с уровня, достигнутого раскопом В. Г. Котовича. Наш небольшой раскоп захватил квадраты Б-Ж-7 и полосу в 30 см примыкающего ряда квадратов Б-Ж-6. На этой площади, составившей немногим менее 8 кв. м, был достигнут предполагавшийся В. Г. Котовичем нижний уровень культурного слоя 6. Скальное основание выявлено не было.

Приступая к углублению, мы исходили из того, что начинаем выборку описанной В. Г. Котовичем более чем метровой толщи стерильных отложений, разделяющих раскопанный ранее слой 5 от не достигнутого еще на этом участке нижнего слоя 6. Однако сразу же после начала работы было установлено, что раскапываемая толща, как и вышележащие слои, содержит культурные остатки. При этом раскапываемый слой литологически несколько отличался от перекрывающего. Здесь увеличивалось содержание грубообломочного материала в виде щебня и дресвы. Этот горизонт, довольно интенсивно

насыщенный культурными остатками, имел мощность 26 см. По мере углубления находки стали встречаться значительно реже. Слой приобрел более светлый оттенок. Это, видимо, связано с менее активной деятельностью древних обитателей памятника. Такая картина сохранялась на протяжении примерно 30 см. Затем археологические находки стали более частыми, начали встречаться отдельные мелкие комочки древесного угля. Кости животных отсутствовали. Несмотря на общее увеличение количества находок по сравнению с вышележащим горизонтом, данный уровень отложений не имел характера интенсивной насыщенности культурными остатками. Литология слоя не была здесь заметно видоизменена деятельностью человека. Мощность этого горизонта составляла 20—25 см.

Параллельно с выборкой культурного слоя в 1974 г. были зачищены разрезы А-К-7, Л-8-13 и Н-Т-1. Раскопки и наблюдения над характером напластований памятника привели нас к ряду важных предварительных выводов. Было установлено, что между культурными слоями 5 и 6 стратиграфии В. Г. Котовича стерильная толща отсутствует; разделение культурных слоев 5, 4 и 3 было признано с литологической точки зрения недостаточно обоснованным; выяснилась необходимость пересмотра геологической и культурной стратиграфии отложений; для верхней части генерального поперечного разреза отмечались признаки, указывающие на возможность существования в прошлом на этом уровне каких-то искусственных сооружений; датировка нижнего культурного слоя отодвигалась вверх по хронологической шкале. Вместе с тем общая культурно-историческая оценка памятника по причинам, указанным в гл. I, оставалась прежней. Отмеченные недостатки могли быть преодолены лишь в результате новых обширных раскопок памятника, которые и были осуществлены в 1980—1982 гг. Северокавказским горным отрядом Института археологии АН СССР.

В 1980 г. в восточной части площади памятника в 12 м от раскопа В. Г. Котовича с привязкой к генеральной базисной линии нами был заложен шурф размером 2×2 м. Шурф, как отмечалось в гл. I, дал очень важные результаты. На его площади впервые было достигнуто скальное основание; был описан полный разрез отложений, который лег в основу окончательной стратиграфии поселения; был установлен неслучайный харак-

тер содержания в слое С керамики, и как результат этого возникли прочные основания для переосмысления культурно-исторической позиции памятника. В этом году раскопки посетили геоморфологи А. А. Лукашов, Е. И. Игнатов и А. К. Борунов. Ими было скорректировано стратиграфическое подразделение отложений, взяты образцы для палинологического анализа, даны заключения относительно геоморфологической позиции памятника и геологической истории долины р. Бакдакули.

В 1981 г. страд продолжал исследование на Чохском поселении. Основная цель работ этого года сводилась к вскрытию на широкой площади слоя С. Для этого был разбит новый раскоп (раскоп № 2, в отличие от раскопа В. Г. Котовича, обозначенного нами как раскоп № 1), занявший поначалу площадь 60 кв. м. Раскоп № 2 имел привязку к старому раскопу и был расположен так, чтобы получить генеральный поперечный разрез, соединяющий его со старым раскопом. Шурф 1980 г. органично вошел в сетку намеченной к исследованию площади, так как он закладывался также с привязкой к базисной линии. Обозначения сетки раскопа № 2 по базисной линии сделаны строчными буквами русского алфавита (в отличие от прописных букв раскопа № 1), а продольные линии квадратов сохранили цифровую разметку раскопа № 1.

Работы 1981 г. выявили чрезвычайно интересные факты, характеризующие культуру горного Дагестана изучаемого периода. Так, было частично вскрыто жилище с каменной архитектурой. Наблюдения над новым исследованным участком подтвердили полученные в результате шурфа 1980 г. наши выводы относительно исторической сущности культурного слоя С. В этом году раскопки посетили В. И. Марковин, Г. Н. Лисицына и М. Г. Гаджиев. Для составления общего представления о характере слоя С под их наблюдением был полностью исследован контрольный участок на квадратах д-6-7. В ходе этих работ Г. Н. Лисицыной производились промывки выборки культурного слоя с целью получения палеоботанических остатков. Геоморфологическая группа во главе с доцентом МГУ А. А. Лукашовым продолжила изучение геоморфологии всего Турчидагского плато на котором расположено Чохское поселение, долины р. Бакдакули, ближайших окрестностей памятника и геологических отложений самого раскапываемого участка.

По наблюдениям стратиграфии шурфа 1980 г., слой С выглядел литологически однообразным. Тем не менее при раскопках 1981 г. он был разделен нами на три равных условных горизонта с целью членения археологического материала по вертикали. Как было установлено впоследствии, слой в жилище накапливался продолжительное время и предпринятый прием оказался оправданным.

Культурный слой С на площади работ 1981 г. имел известный уже по шурфу 1980 г. темно-серый пепельно-золистый цвет. Это одна из главных отличительных особенностей его по сравнению с нижележащими мезолитическими слоями. Насыщенность материалом на контакте с перекрывающим слоем В и на первых снятиях вглубь (горизонт I) была незначительной. Средняя часть слоя (горизонт II) оказалась наиболее насыщенной находками в виде кремня, керамики и костей животных, причем в разрезе на участках к-и-6 этот горизонт слоя был наиболее интенсивно окрашен в темно-серый цвет. Нижняя, придонная часть слоя С (горизонт III), как и горизонт I, содержала меньше культурных остатков, чем средняя часть толщ культурного слоя. Тем не менее и тут встречалось достаточное количество разнообразных находок. Их распределение по горизонтам сверху вниз в раскопе 1981 г. было следующим:

Горизонт	Кремень	Керамика	Костные остатки
I	523	74	497
II	526	287	636
III	402	102	360

Как видно, отмеченное нами распределение материала по вертикали четко выражено в отношении керамики и костных остатков и меньше в отношении кремня. Поскольку раскапываемый слой представлял собой заполнение жилища, показатель сосредоточения археологического материала по вертикали служит указанием на характер функционирования во времени как жилища, так и поселения в целом. Мы считаем возможным придонный горизонт связать со временем функционирования жилища в его прямом назначении, средний горизонт отнести к этапу, когда жилище перестало играть свою первоначальную роль, но жизнь на поселении или неподалеку от него не прерывалась, а верхний горизонт — к периоду постепенного затухания жизни в ближайшей округе поселения. К такому объяснению подво-

дят конкретные факты, которые еще будут приведены при детальном описании жилища.

Планиграфическая насыщенность слоя археологическим материалом оказалась зависимой от расположения камней, образующих контур жилища. В пределах самого жилища плотность находок была заметно выше, чем вне его. Картина эта более характерна для нижних горизонтов слоя. С точки зрения качественного состава находок разные участки раскопа также отличались друг от друга. Предметы домашней хозяйственной деятельности (зернотерки, обломки сланцевых плит для приготовления пищи, археологически целые раздавленные сосуды, законченные кремневые и костяные орудия) располагались внутри жилища и группировались преимущественно вокруг очагов и кострищ, отсутствующих за пределами стен. Характерна также приуроченность этих немассовых и показательных предметов к нижней части культурного слоя. Качественный состав находок различных категорий археологического материала в их взаимном количественном соотношении сохраняет в целом пропорциональность как внутри жилища, так и вне его. При детальном рассмотрении в распределении фрагментов керамики и костных остатков нижних горизонтов культурного слоя наблюдается их более редкая по сравнению с кремнем встречаемость за пределами жилища. Это, однако, не меняет приведенную общую оценку планиграфии находок.

Говоря о нижнем уровне культурного слоя С, следует отметить и такой важный факт, как совместное расположение предметов, отражающее их естественную взаимосвязь. Например, керамика локализуется в основном вокруг очагов и кострищ. При этом она зачастую сильно обожжена в ходе использования. Поверхность имеет золистый налет, а иногда признаки вьезшейся копоти. Таков же характер расположения обломков тонких сланцевых плит, использовавшихся, по всей вероятности, для приготовления пищи над очагом. С придонной частью слоя жилища связаны в основном обломки зернотерок.

Физическая сохранность археологических остатков во всей толще слоя примерно одинакова. Керамика встречается в фрагментированном состоянии, причем в верхних горизонтах это проявляется в большей степени. Еще большая фрагментированность характерна для костных остатков. Целых костей животных в слое чрезвы-

чайно мало. Сохранившиеся фрагменты представлены преимущественно зубами. Фрагментированность костей говорит об их дроблении для поедания костного мозга, а сохранение преимущественно зубов, т. е. костного материала, наиболее стойкого к разрушению, свидетельствует, вероятно, об относительной активности в слое химических и физических процессов. Последние, особенно химическая активность среды, должны были, по-видимому, частично нейтрализоваться благодаря большой массе содержащегося здесь органического материала, прежде всего пепла, золы, угля. В нижележащих археологических слоях, где картина иная, кость сохраняется в основном лишь в обожженном состоянии. Что касается кремневых изделий, то воздействие времени, условий использования и залегания сказалось на них незначительно. Иногда наблюдается легкая патина, а некоторые предметы, особенно те, которые найдены в непосредственной близости к очагам и кострищам, в разной степени обожжены.

Приведенные выше наблюдения характера культурного слоя С были в целом подтверждены раскопками 1982 г. Цель работ этого года сводилась к возможно полному вскрытию площади жилища в слое С и расширению шурфа 1980 г. для дальнейшего изучения нижележащих культурных слоев и стратиграфии памятника в целом. Раскоп слоя С включал в 1982 г. квадраты м-х-6-11, а шурф вглубь от уровня слоя С занял квадраты к-л-6-7. Раскоп 1982 г., таким образом, расширял на восток исследованную в 1981 г. площадь и органично вошел в раскоп № 2, продолжая собой базисную линию, с которой совпадает генеральный поперечный разрез поселения. Шурф 1982 г. также прямо примыкал к шурфу 1980 г. Достижение скального основания на площади этого шурфа размером 2×2 подтвердило стратиграфическое членение толщи культурных отложений по данным 1980 г. и доставило новый, особенно ценный для нас, археологический материал из мезолитических слоев D и E.

Слой С исследован в 1982 г. на площади 50 кв. м. Эти работы позволили продолжить наблюдения за характером слоя, выявить новые важные факты и, по существу, завершить стационарное исследование жилища. Нераскопанными в пределах жилища остались примерно 8—10 кв. м культурного слоя. Эта площадь нами оставлена намеренно в качестве контрольного участка.

Разрушение данному участку не грозит, поскольку он непосредственно прилегает к скале. С сохранением контрольного участка остается для наблюдений и весьма ценный генеральный поперечный разрез.

При исследовании в 1982 г. слоя С раскопом выявились некоторые особенности. Так, на квадратах с-т-9-10 прослежена яма в виде неправильного овала, достигавшая в глубину уровня культурного слоя С. Поверхность ее была задернованной и запыленной. Размеры в плане по верхним контурам равнялись 160×140 см. Происхождение ямы осталось неясным. Было несомненно, однако, что она значительно более поздняя, чем время накопления слоя С.

В ходе работ по снятию покровных слоев в них встречались отдельные находки. Так, в почвенном слое (слой А) обнаружены отдельные фрагменты современной керамики, осколки стекла, комочки древесного угля, косточки персиков. На контакте слоев В и С встречены зубы лошади.

По достижении слоя С и особенно при углублении в него контуры округлой стены, ограничивающей жилище, выявились полностью. Конец стены, как и ожидалось, упирался в естественную скальную стену, выступающую почти на 3 м от основного скального массива.

Культурный слой имел менее выраженную пепельную окраску по мере своего распространения на восток. Характерные для участка и-м разреза нечеткие интенсивно-золистые линзы на участке раскопа 1982 г. не встречались. Насыщенность слоя щебнем была несколько меньшей. Мощность покровных слоев (слои А, В) значительно больше, чем на западных участках раскопа. На квадратах с-т-ф-6 в разрезе обнажилась коренная скала. Насыщенность слоя находками была меньшей, чем на площади, исследованной в 1981 г. Это, видимо, объясняется отсутствием здесь очагов и кострищ.

Принципиально важным в работах 1982 г. было установление факта существования в квадратах с-6-9 стены, перекрывающей слой С. Стратиграфически основная стена приходилось на контакт слоев С и В. Выделить горизонт находок, связанный с этой стеной, не удалось. Скорее всего, ей соответствуют отдельные находки из слоя В и явно выпадающие из неолитического контекста единичные предметы, встреченные в верхней части слоя С. В дальнейшем эти изделия, как и сама стена, будут подробно охарактеризованы. Здесь же отме-

тим, что данная стена была возведена, бесспорно, после прекращения накопления слоя С и никак (ни конструктивно, ни функционально) не связана со стенами жилища слоя С, хстя и построена с учетом последних и с частичным использованием предоставляемых ими выгод.

Обнаружение стены в квадратах с-6-9 помогло объяснить, каким образом могли попасть в слой С некоторые предметы, найденные на исследованной в 1981 г. площади (например, единичные двустороннеобработанные кремневые изделия). В то же время этот факт заставил быть осторожными в оперировании другими категориями находок. Возможности для такого пристрастного отношения к материалу, исключая случайности, особенно в ответственных выводах, дает использовавшийся нами при раскопках обычный метод погоризонтной (по вертикали) и поквдратной, а в особых случаях и более локализованной (по очагам, по кострищам) фиксации вещей. Но даже при этом ради строгости выводов мы вынуждены ограничивать использование отдельных категорий находок, например костных остатков животных. Понятно, что даже одна случайная кость может исказить истинную картину. Поэтому выводы, основывающиеся на них, будут более или менее приблизительными. Другое дело, когда мы имеем дело с материалом, добытым промывкой содержимого непо потревоженного очага (например, обуглившиеся зерна злаков). Тут возможность ошибки ничтожна. Однако те же зерна, полученные из слоя вообще, в значительной мере теряют свою ценность как источника информации. Все это, конечно, учитывалось нами при осмыслении материала.

Таким образом, раскопками 1955—1957, 1974 и 1980—1982 гг. вместе слой С Чохского поселения раскопан на площади 206 кв. м, слой D — 98 кв. м и слой E — 17 кв. м. В результате этих работ получены десятки тысяч находок. В данной книге мы учитываем все эти материалы, но основываемся прежде всего на раскопках 1974 и 1980—1982 гг., охвативших слой С на площади 116 кв. м., слой D — 8 кв. м и слой E — 16 кв. м. Переходя к анализу материалов из этих раскопок, отметим, что на сегодня Чохское поселение — наиболее широко и наиболее разносторонне изученный мезолитический и неолитический памятник Кавказа.

Мезолитический слой E

Как уже указывалось, слой E раскопан на площади 17 кв. м. — В. Г. Котовичем в 1957 г. шурфом в 1 кв. м и нами в 1974, 1980 и 1982 гг. площадью 16 кв. м. Материалы шурфа 1957 г., ныне утраченные, были охарактеризованы при описании работ В. Г. Котовича. Здесь будет анализироваться материал, полученный последними раскопками. Литологическое описание слоя E, как и других слоев, дано в гл. I. Поэтому сейчас ограничимся замечаниями, касающимися некоторых моментов распределения в слое культурных остатков. Последние сводятся к кремневым изделиям и трем мелким фрагментам костей животных.

Культурный слой E представляет собой толщу в 50—80 см, выделяемую по геологическим признакам. Фактов, позволяющих расчленить этот слой на естественные культурные горизонты (например, уровни обитания), не выявлено. При том что слой раскалывался по условным горизонтам толщиной по 10 см, а в пределах горизонтов разбирался снятиями ножа не глубже 4—5 см, в распределении материала по вертикали и горизонтали не наблюдалось какого-либо локализованного сосредоточения материалов. Не отмечены «горизонты вытаптывания», кострища, очаги. Отдельные мелкие древесные угольки разбросаны по слою в беспорядке. Обожженные кремни и кости единичны. Ясно, что культурные остатки в слое накапливались продолжительное время без значительных хронологических перерывов.

Таким образом, в накоплении рассматриваемого слоя естественные процессы играли значительно большую роль, чем факторы антропогенные. Ярким свидетельством этому являются, в частности, и заключающиеся в слое горизонты вымывания мелкозема. Они указывают на периоды активизации делювиальных процессов и служат косвенным основанием для предположений о кратковременном перерыве в заселении отдельных участков или всего поселения целиком. О менее интенсивном освоении людьми участка поселения в период накопления слоя E в целом говорит и такой факт, как сравнительно небольшая насыщенность слоя находками: так, на 1 кв. м слоя по всей его толщине приходится примерно 25 кремней.

Кремневые изделия слоя E отличаются от подобных изделий других слоев, в частности по внешним призна-

кам и характеру сырья. Каменные изделия имеют патины. Часто она сплошная, иногда крапчатая, глубокая, молочного цвета. Патинизация предметов связана, по-видимому, с активной химической средой слоя E и со свойствами самого кремня. Мы не раз наблюдали, как после изъятия из слоя под воздействием солнечных лучей на поверхности отщепов в течение получаса-часа образовывался белесый налет патины. По прошествии большего времени он становился интенсивнее. Учитывая это, нетрудно понять, почему здесь не сохраняется кость.

Другая особенность кремня слоя E заключается в характере использованного для орудий сырья. Все разнообразие кремневого сырья, употреблявшегося обитателями поселения на протяжении функционирования последнего, сводится к трем разновидностям. Это местный желтовато-серый окремненный известняк, также местный черный кремень и хорошего качества меловой светло-серый полупрозрачный кремень, выходы которого в окрестностях памятника неизвестны. Интересно последнее распределение изделий по сорту кремня, из которого они изготовлены (данные по результатам раскопок 1980—1982 гг.):

Культурный слой	Желтовато-серый окремненный известняк	Черный кремень	Светло-серый полупрозрачный кремень
C	31	117	1584
D	37	23	144
E	6	2	277

Из приведенных данных видно, что для слоя E доля местного сырья чрезвычайно мала — лишь 2,8% общей массы предметов. Эта картина не характерна для вышележащих слоев. Отсюда следует, что первые обитатели этой местности пришли сюда со своим сырьем и затем традиционно сохраняли связи с районом его добычи. Периодические рейды за кремнем лучшего качества предпринимались, по-видимому, и в период накопления верхних культурных слоев. Ближайшие от Чохского поселения месторождения светло-серого мелового кремня известны в радиусе 30 км — в Левашинском районе. Богат этим сортом и соседний с последним Акушинский район. Если смотреть шире, то район распространения указанного кремня ограничивается Центральным Дагестаном, где поверхность сформирована отложениями преимущественно мелового периода. При наличии признаков, свидетельствующих о связи археологической

культуры с определенным сырьем, отмеченная локализация важна уже сама по себе, ибо может служить косвенным указанием на ареал данной культуры.

Перейдем теперь к анализу инвентаря слоя Е. Для его характеристики мы располагаем 375 кремневыми изделиями, происходящими с 16 кв. м раскопов 1974, 1980 и 1982 гг. 21 предмет (5,6% общего количества) имеет вторичную обработку, т. е. в типологическом смысле это — законченные орудия.

Описание техники первичного скалывания здесь может основываться на одном выразительно нуклеусе и в определенной мере на сколах вообще. Указанный нуклеус относится к разновидности призматических кругового скалывания с прямой ударной площадкой. Этот экземпляр представляет начальную стадию скалывания. Подобные нуклеусы имеют часто тенденцию к превращению в конические. Высота нуклеуса — 4 см, длина короткой оси овальной в плане ударной площадки — 3,5 см. Сама площадка получена двумя широкими сколами. На плоскости скалывания отмечается широкий участок более интенсивной обработки. Негативы сколов на этом участке имеют характер пластинчатых снятий. Здесь же выделяется один относительно широкий встречный скол. На противоположной стороне ядрища сохранился небольшой участок желвачной корки. Нуклеусы описанного типа не очень характерны для верхнего палеолита Кавказа. Для последнего более органичны косоплощадочные ядрища со скалыванием по одной плоскости или частично круговым. А для поздней поры верхнего палеолита более свойственны нуклеусы торцового скалывания.

Базирование техники первичной обработки слоя Е на призматическом скалывании подтверждают и сами заготовки инвентаря, особенно пластинчатые сколы. Состав заготовок инвентаря предстает в следующем виде:

Пластины	45
Пластинки	18
Микропластинки	12
Отщепы	149

Пластины, пластинки и микропластинки составляют 33,5% общего количества заготовок. Несмотря на количественную выразительность, пластинчатые сколы все же не могут быть названы выразительными, т. е. имеющими такую огранку спинки, когда поперечное сечение

предмета давало бы по всей длине выдержанное треугольное или трапециевидное (если спинка пластины трехскатная) сечение. Длина пластин редко превосходит 5 см, ширина чаще всего колеблется в пределах 1,5—2 см. Пластинки и микропластинки имеют более показательные по сравнению с пластинами форму и пропорции, но они в целом грубоваты. Это может свидетельствовать, в частности, о том, что для слоя Е не были еще характерны конические или какие-либо другие нуклеусы, специально предназначенные для получения микропластинок. Вместе с тем в верхних горизонтах культурных отложений памятника (например, в слое С) такой же несовершенный в целом характер пластинок и микропластинок отмечается, несмотря на существование здесь типичных карандашевидных нуклеусов.

Отщепы составляют подавляющую часть заготовок в инвентаре слоя Е — 66,5%. Достаточно полно представлены они и в составе законченных орудий, хотя последние в большинстве своем изготавливались на пластинчатых заготовках. Отщепы употреблялись при изготовлении выемчатых орудий, скребков, резцов и даже таких традиционно «пластинчатых» предметов, как острия и микролиты. Эта картина еще ярче проявляется в верхних слоях, где орудия многочисленнее.

Большое количество предметов инвентаря слоя Е приходится на производственные отходы. Последние подразделяются на следующие группы:

Обломки	16
Осколки	37
Чешуйки оббивки	24
Мелкие обломки заготовок	62
Сколы подправки нуклеусов	4

Обломки представляют собой массивные предметы без ударной площадки и других признаков отщепления от нуклеуса или признаков сходства с самим нуклеусом. Средние размеры обломков — от 1,5 до 3 см в поперечнике.

Осколки характеризуются теми же признаками, что и обломки. Разница в том, что последние имеют меньшие размеры (в среднем 1—1,5 см).

Чешуйки оббивки — одна из многочисленных разновидностей отходов производства. Они очень тонкие (в среднем 1 мм) и короткие (1 см). Некоторые чешуйки настолько мелки, что были зафиксированы только при частичной промывке изъятых из слоя грунта.

Отличительная черта мелких обломков заготовок — их типологическая неопределенность. Они имеют в длину не больше 1 см, и поэтому трудно определить исходный тип заготовки, от которых они отломаны. Вместе с тем на них можно различить спинку и брюшко. В отличие от крупных обломков пластин и отщепов, которые включались нами в общее число соответствующих заготовок, эти мелкие предметы отнесены к отходам производства. Ни одно из найденных орудий не изготовлено на таких мелких обломках, точно так же как на перечисленных выше разновидностях бросового материала. Из этого разряда вещей тоже можно извлечь некоторые данные для характеристики техники первичного раскалывания. Так, сколы подправки нуклеуса своим обликом указывают на связь их с призматическими нуклеусами. Это видно из того, что указанные сколы срезали собою край площадки и небольшую часть рабочей стороны нуклеуса с рядом продольных субпараллельных негативов. Отходы производства дают также возможность говорить о том, что все стадии обработки кремня проходили непосредственно на территории обжитого участка.

Говоря о технике вторичной обработки инвентаря слоя Е, приходится исходить только из имеющихся у нас в настоящее время орудий. Она характеризуется здесь двумя приемами: ретушью и резцовым сколом. Ретушь использовалась различная: крупная и мелкая, крутая и полукрутая, в двух случаях — пологая. По локализации на различных частях заготовок господствует ретушь краевая. Среди вариантов этой ретуши наиболее интересна разновидность пологой ретуши с брюшка. Этот признак вторичной обработки более характерен для мезолита Кавказа и прилегающих к нему областей, чем для верхнего палеолита. В технике ретуширования интересен прием встречной обработки края, когда фасетки ложатся как со стороны брюшка, так и со стороны спинки. Подобная отделка характерна для предметов с более или менее массивным краем. В таких случаях ретушь крутая (точнее, вертикальная), глубокая, существенно изменяющая первоначальные контуры заготовок. Описанный тип ретуши складывается в средней поре верхнего палеолита Кавказа (Сакажиа) и доходит до неолита. В большинстве случаев фасетки краевой ретуши инвентаря слоя Е — однонаправленные от брюшка к спинке.

Прием резцового скола представлен здесь в обычном для всех верхнепалеолитических и мезолитических памятников виде. Нам кажется, что он использовался не только для получения резцов, т. е. в своем основном назначении, но иногда и для оформления обушка-границ ножей. На резцах наблюдается и сочетание резцового скола с ретушью для оформления рабочей кромки.

Перейдем теперь к рассмотрению *типологии* инвентаря слоя Е. Предметы со вторичной обработкой подразделяются на следующие группы и разновидности:

Скребки	1
Резцы	3
Острия	2
Выемчатые орудия	4
Ножи	3
Удлиненные асимметричные треугольники	1
Трапеции	2
Пластины с ретушью	2
Обломки орудий	3

При малочисленности орудий инвентаря слоя Е вычислять индексы отдельных групп изделий лишено смысла, так как они не будут статистически значимыми. Поэтому при описании инвентаря слоя эти подсчеты не приводятся.

Скребок (рис. 20, 9) изготовлен на пластинчатом сколе размером 4 см в длину и 2,5 см в ширину. Относится изделие к коротким концевым скребкам. Ретушной обработке у него подверглась только непосредственно рабочая часть. Последняя представляет собой узкую округлую кромку, полученную ничтожными снятиями скребковой ретуши. Ширина рабочей кромки составляет 11 мм. Происходит это орудие из условного горизонта IV (толщина условных горизонтов равна 10—15 см).

Резцы составляют группу из трех предметов. Два из них относятся к той разновидности изделий этого рода, когда рабочий резцовый край получен комбинацией резцового скола с ретушированным краем. Один подобный резец (рис. 21, 7) поперечноретушный, второй (рис. 21, 8) — косоретушный. Следует отметить, что второй резец вполне мог быть отнесен и к категории ножей (нож с обушком, оформленным резцовым сколом). Третье орудие относится к типу срединных. У этого экземпляра (рис. 20, 3) резцовая кромка получена

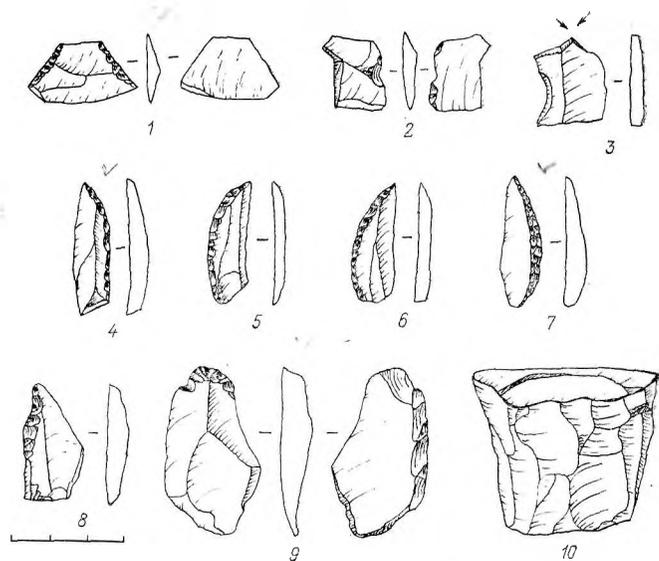

Рис. 20. Чохское поселение. Раскопки 1980, 1982 гг. Слой Е. Образцы кремневых орудий: 1 — трапеция; 2 — трапециевидное орудие; 3 — резец срединный; 4 — удлиненный асимметричный треугольник; 5—7 — ножи; 8 — острие чохского типа (вариант 2); 9 — скребок концевой; 10 — нуклеус призматический

двумя симметрично перекрещивающимися режущими сколами. Исходными заготовками для двух резцов — косоретушного и срединного — послужили отщепы. Пряморетушный резец (кстати, самый выразительный из всех трех) изготовлен на пластине.

Острия. Одно острие с обломанным нижним концом изготовлено на пластинке с притупленным краем (рис. 21, 2). Непритупленный край орудия отретуширован с брюшка мелкой плоской ретушью. Верхний конец острия дополнительно заострен с брюшка и утончен относительно крупными фасетками ретуши со спинки. Другое острие (рис. 21, 1) получено на небольшой пластине косоусеченной ретушью по верхней части одного из ее краев. Его основание утончено с брюшка несколькими ниточными и чешуйчатыми снятиями ретуши. Как первое, так и второе орудия довольно интересны по своим технико-типологическим особенностям. Орудия, подобные первому, отсутствуют в комплексах верхних слоев Чохса и неизвестны нам в материалах других кав-

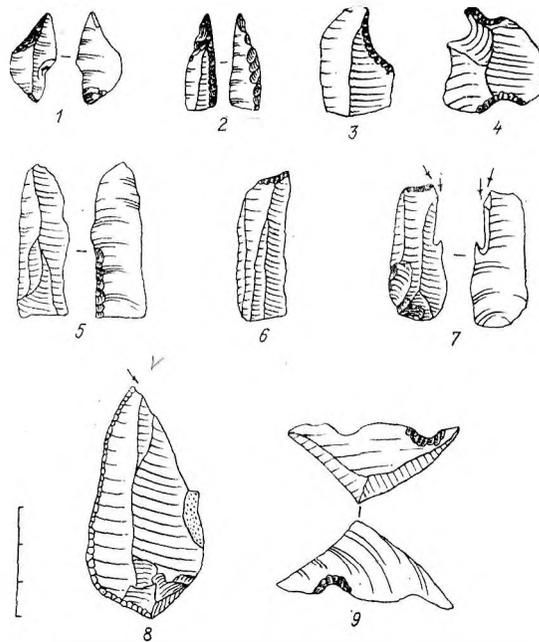

Рис. 21. Чохское поселение. Раскопки 1974 г. Слой Е. Кремневые изделия: 1—2 — острия; 3—4, 9 — орудия с выемками; 5 — пластина с частичной ретушью с брюшка; 6 — пластина с косоретушным концом; 7—8 — резцы

казских памятников. Второе же из указанных двух разновидностей срудий находит себе прямые аналогии в верхних слоях исследуемого поселения в остриях чохского типа. Сходство здесь проявляется в совпадении существенных признаков изделия, каковыми являются диагональное усечение заготовки и утончение основания. Различие между ними в том, что у острий чохского типа нижний конец является линейным, тогда как у описываемого орудия он закругленный. Очевидно, что сходство здесь более существенно, чем различие, и поэтому описываемое острие можно назвать, исходя из его стратиграфического положения, прототипом острий чохского типа.

Выемчатые орудия. Одно изделие этой категории представлено обломками пластины с широкой выемкой в дистальной части одного из краев (рис. 21, 3). Два других предмета объединяются между собой по

характеру заготовок, размерам и количеству выемок. Оба они изготовлены на отщепах случайных очертаний и имеют каждое по две глубоких и узких выемки. Различает их то, что на одном из орудий (рис. 21, 9) выемки оформлены в противоположащей манере. На отщепе же основывается и четвертое орудие с выемкой. У него, как и у первого из описанных изделий, имеется одна ретушированная выемка, расположенная также в дистальной части. Различия между сравниваемыми предметами в том, что у последнего выемка значительно уже. Ретушь, оформляющая рабочие части этих изделий, — круглая или полукруглая.

Ножи инвентаря, несмотря на малочисленность, типологически выразительны. Они делятся на две разновидности: с дистальновыпуклым обушком и сегментовидные. В целом ножи составляют единую техникоморфологическую группу. Сходство их весьма существенно. Все три экземпляра имеют одинаковые (небольшие) размеры: длина — 3 см, ширина — 1 см) и пропорции, все имеют ретушированные обушки и все базируются на довольно правильных пластинчатых сколах. Различие между ними в степени протяженности обушка. У ножа с дистальновыпуклым обушком ретушью затрогута лишь половина одного из краев заготовки, а у сегментовидных ножей дугообразный обушок охватывает весь край пластинки (рис. 20, 7). Ретушь, оформляющая обушки, во всех случаях краевая вертикальная глубокая. Один сегментовидный нож и нож с дистальновыпуклым обушком найдены в горизонте I, второй сегментовидный нож — в горизонте III.

Описанные изделия довольно интересны. Обе их разновидности (особенно с дистальным прямым или выпуклым обушком) встречаются значительными сериями в верхних слоях Чоха и признаются в качестве «руководящих форм» в заключениях о своеобразии инвентарей культурных слоев Чохского поселения. Оба описываемых типа ножей возникают в верхнем палеолите. Наши сегментовидные ножи близки к ножам типа Абри-Оди классификации Д. де Сонневиль-Борд; со средней поры верхнего палеолита довольно широко представлены «вытянутые сегменты» и в верхнем палеолите Закавказья. Ножи с прямым или выпуклым дистальным обушком тоже спорадически встречаются в различных верхнепалеолитических памятниках разных регионов. Однако то место, которое в Чохе занимает этот тип изделий, в за-

кавказских комплексах заполняет «нож типа Ргани» — характерное изделие тоже с дистальным, но вогнутым обушком. Оно доживает до самого конца верхнего палеолита Грузии и даже переходит в мезолит. Чохские аналоги этих орудий мы находим в уже оформившемся виде, но и здесь они продолжают существовать без существенных изменений на протяжении значительного хронологического отрезка, охватывающего по крайней мере время от начала мезолита до середины неолита.

Удлиненные асимметричные треугольники выделялись раньше также в качестве характерной для чохской культуры формы. В слое E (горизонт V) обнаружен один экземпляр орудий этого типа (рис. 20, 4). Один край этого изделия обработан мелкой крутой ретушью. Короткая же сторона, придающая изделию треугольную форму, обработана не ретушью, как это бывает обычно, а ударным усечением заготовки. Причем желаемая форма усечения была достигнута не одним, а двумя ударами. Таким образом был получен именно тот «тупоугольный» вариант асимметричного треугольника, который свойствен для многочисленных изделий этого рода из верхних культурных слоев памятника. Сказанное выше о времени бытования ножей полностью относится и к удлиненным асимметричным треугольникам.

Трапеции представлены в слое E двумя экземплярами. Один из них найден в горизонте I и представляет собой законченное орудие разряда геометрических микролитов (рис. 20, 1). Это изделие из числа крупных высоких симметричных трапеций. Длина основания ее равна 3 см, вершины — 1 см, высота — 1,5 см. Оба кончика основания чуть-чуть обломаны, возможно в результате утилизации. Вторичной обработке подверглись только края изделия. Ретушь на них круглая краевая. В качестве заготовки был использован обломок пластины.

Второй экземпляр трапеции (рис. 20, 2), возможно, не закончен обработкой. Мы имеем фрагмент пластины, которая усечена с обоих концов. Неправильности излома одного из концов после усечения были со стороны брюшка слегка подправлены. Второй конец подправкой затронут не был. В результате получилось изделие, близкое к так называемым «поперечнолезвийным накопечникам стрел», относимым обычно к разновидности трапеций. Ширина описываемого предмета 1,3 см, высота — 2 см. Обнаружено изделие в горизонте VI.

Пластины с ретушью. Одна из них относится к типу пластин с косоретушным концом (рис. 21, 6). Ретушь, однако, захватывает обработанный конец лишь частично. Другая пластина (рис. 21, 7) представлена экземпляром с частичной ретушью по одному из краев со стороны брющка. На этом изделии повторяется краевая пологая ретушь с брющка, отмечавшаяся нами при описании острия на пластинке с притупленным краем. Подобное повторение симптоматично, так как указанный тип ретуши в каменном веке Кавказа значительно больше характерен для мезолита, чем для верхнего палеолита. Этим замечанием мы переходим к вопросу о технико-типологических основаниях датировки инвентаря слоя Е.

Суждения относительно датировки этого слоя строились раньше на материале, состоящем из 40 предметов, полученных В. Г. Котовичем в 1957 г. из зондажа площадью 1 кв. м. В. Г. Котович считал возможным отнести этот материал предположительно к раннему этапу верхнего палеолита. В изделиях коллекции данного слоя он видел «характерные черты верхнепалеолитической техники» и «наряду с ними... некоторые архаические приемы, по-видимому, пережиточно сохранившиеся от предшествующей эпохи» [Котович, 1964, с. 121]. Выше мы уже отмечали, что эти хронологические определения были связаны с отсутствием естественнонаучных данных и с рядом неточностей в осмыслении технико-типологических особенностей инвентаря. В частности, показатель архаичности техники обработки не может являться абсолютным хронологическим признаком. В богатых инвентарях верхних горизонтов культурных отложений Чохского поселения архаические приемы расщепления кремня налицо, но это — одна из культурных особенностей памятника. Иное дело — архаичные типы изделий, но как раз они-то в коллекции полностью отсутствуют. Возможно, именно поэтому А. А. Формозов возражал против такого удреждения материала и высказывался за его более поздний (в пределах верхнего палеолита) возраст.

В вопросе датировки слоя Е мы ставим на первое место палинологические, геоморфологические и стратиграфические данные, подробно рассмотренные в гл. I. Они недвусмысленно указывают на раннеголоценовый возраст слоя Е. Признание этой датировки ведет к принципиальному пересмотру времени бытования чохской

археологической культуры и вообще проблемы верхнего палеолита Центрального (горного) Дагестана. Это требует подтверждения производимых передатировок технико-типологическими показателями инвентарей. Полное соответствие последних новым хронологическим определениям видно из приведенного выше подробного анализа кремневого материала. Отдельные датирующие признаки техники и типологии мы отмечали при описании конкретных вещей. Суммируем их здесь.

В технике первичного раскалывания и во вторичной обработке инвентаря слоя Е мало признаков, которые могут быть использованы для датировки. Но те, что имеются (прямоугольный призматический нуклеус с тенденцией перехода в конический, краевая ретушь с брющка), указывают на поздний возраст. Более однозначны и более определены в этом смысле данные типологии. Весь состав орудий целиком и большинство отдельных выразительных предметов имеют четкий мезолитический облик. Сказанное относится прежде всего к таким датируемым вещам, как острия чохского типа и трапеции. Острия чохского типа, характеризующиеся диагональным ретушным усечением одного края пластинки и утончением основания, в широком типологическом спектре наиболее близки к азильским остриям. В различных вариациях небольшой пластинки с диагональной или косой крутой ретушью на одном крае эти изделия встречаются на различных территориях и в различных культурах в раннем голоцене (см., например, [Kozłowski, 1980, с. 302]). И чаще всего они соседствуют с трапециями и треугольниками различных форм. Этот набор образует как бы группу, связанную не только их частым совместным нахождением, но и существенной близостью технико-типологических признаков, характеризующих их все. Действительно, при анализе мезолитических комплексов часто трудно бывает однозначно разграничить некоторые разновидности указанной группы. По своей хронологической позиции трапеции, конечно, являются органичными для мезолита, хотя некоторые их разновидности находят иногда в памятниках, относимых к концу верхнего палеолита [Bordes, Fitte, 1964].

Достаточно показательно для типологической датировки и то, что в инвентаре слоя Е, несмотря на его немногочисленность, наиболее значительную в количественном отношении группу составляют выемчатые орудия. Это также черта, свойственная больше мезолиту,

чем верхнему палеолиту Кавказа. В инвентарях последнего зубчатые и выемчатые орудия нередки, но они, как правило, не составляют ведущую количественную группу и сопровождаются несколько иным набором вещей. Что касается остальных изделий, найденных в слое E, то уже отмечалось, что они в равной мере могут относиться как к верхнему палеолиту, так и к мезолиту. Таким образом, все сказанное по поводу технико-типологической датировки сводится к тому, что рассматриваемый инвентарь должен быть определен как мезолитический. Конкретизировать эту датировку рамками раннего голоцена позволяют стратиграфические и другие данные, о которых уже шла речь.

Другая важная проблема, которую, как представляется, можно решить на основе имеющегося материала заключается в выяснении культурного облика инвентаря слоя E. Заметим, что в отношении данного слоя эта проблема не ставилась раньше, когда на основе анализа инвентарей слоев 5—1 старой стратиграфии был принципиально решен вопрос о необходимости выделения чохской археологической культуры, охватывающей, как казалось, верхний палеолит и мезолит. Материал нижнего слоя для рассмотрения его в этом ключе был слишком мало. Сейчас такая возможность имеется.

Определение культурных особенностей рассматриваемого инвентаря легче всего осуществить путем сравнения его с комплексами верхних слоев памятника. Такое сопоставление приводит нас к выводу об отсутствии между ними существенной разницы. В качестве основного культуроопределяющего типа чохских комплексов была выделена своеобразная разновидность острий, получивших название «острия чохского типа» [Бадер, 1965; 1970]. В определенной мере роль «руководящих форм» при этом играли и такие орудия, как ножи с дистальным, преимущественно прямым ретушированным обухом, трапеции и тупоугольный вариант удлиненных асимметричных треугольников. Все эти типы вещей представлены и в инвентаре слоя E. Правда, здесь они единичны. Но тут невелик и сам инвентарь, несопоставимы и площади раскопок сравниваемых слоев. Возможно и такое возражение, что острие чохского типа из слоя E нетипичное. Но здесь нужно учесть развитие типа во времени, на что, в частности, указывает наличие в верхних слоях не одной лишь разновидности, а четырех вариантов этого типа [Амиханов, 1977а]. Как бы то ни

было, невозможно найти в мезолите Кавказа другой памятник, к которому инвентарь слоя E был бы настолько близок, как к верхним слоям самого Чоха. Показательно в этом плане и отсутствие стратиграфического разрыва между рассматриваемым и перекрывающими его культурными слоями. Таким образом, сейчас впервые удается достаточно определенно говорить о культурном облике нижнего слоя Чоха и отнести его инвентарь к начальному, раннеголоценовому этапу развития своеобразной чохской археологической культуры.

Мезолитический слой D

Как уже было отмечено, слой D исследован нами в 1980 и 1982 гг. на площади 8 кв. м. Соответствующие ему отложения (слои 5, 4, 3) были раскопаны В. Г. Котовичем в 1955—1957 гг. на значительно большем участке (90 кв. м). Наши данные важны с точки зрения стратиграфических, а следовательно, и хронологических привязок. Материалы старых раскопок ценны ввиду обилия находок. Совмещение этих сторон дает более или менее цельную картину рассматриваемой части разреза культурных напластований.

Литологический характер слоя D довольно подробно охарактеризован нами в гл. I. Характер распределения в слое культурных остатков, а также их качественный и количественный состав не отличаются от картины, описанной для слоя E. Вместе с тем по насыщенности слоя археологическим материалом имеются существенные отличия от участка, раскопанного В. Г. Котовичем. Там находки были обильные, отмечалось несколько кострищ на разных уровнях культурного слоя. Здесь же кострища не зафиксированы, находки встречаются в значительно меньшем количестве, как и в слое E (в среднем по 25 кремней на 1 кв. м). В этих различиях проявляются, очевидно, локальные особенности слоя, связанные с функциональным назначением отдельных участков памятника, например непосредственно жилой части и ее периферии.

Коллекцию находок из старых раскопок мы подробно анализировали выше. Здесь остановимся на описании инвентаря слоя D, происходящего с площади раскопок 1980 и 1982 гг. Всего в раскопе указанных годов обнаружено 204 кремневых изделия и 2 мелких фрагмента

трубчатых костей животных. Кость здесь, судя по всему, сохраняется плохо, как и в нижележащем слое.

Показателен состав сырья, из которого изготовлены каменные изделия рассматриваемого слоя. Как явствует из сводных данных, приведенных выше, здесь представлены те же разновидности, что и в нижнем слое желтовато-серый окремненный известняк, черный кремнь и светло-серый полупрозрачный кремнь. Однако количественное соотношение изделий разного типа сырья друг к другу здесь иное. Так, если на местную разновидность исходного сырья (окремненный известняк и черный кремнь) в слое Е приходится лишь 2,8%, то в слое D этот показатель составляет уже 29,5%. Как видим, предпочтение по-прежнему отдается доставленному издалека лучшему по качеству светло-серому кремню. Из него изготавливают и большинство орудий. Вместе с тем значительно возрастает доля местного сырья.

Кремнь в слое D патинирован почти в такой же степени, как в слое Е. Патина чаще всего крапчатая, молочная, иногда имеет характер сплошного белого налета на поверхности предмета. Интересно, что она присутствует в основном на светло-сером кремне. Сколы окремненного известняка и черного кремня из всех слоев не имеют заметных признаков химического разрушения поверхностей. Вероятно, они более стойки к действию соответствующих агентов. Однако происходящие в слое химические и физические процессы отражались и на них в виде кальцитовых припаев или даже сплошной пленки обызвесткования. Заметим, что последнее характерно в одинаковой мере для слоев Е, D и не отмечается на материалах верхнего слоя С.

В коллекции слоя D, происходящей из раскопок 1980 и 1982 гг., имеется достаточно материала для типологических характеристик. Начнем, как всегда, с техники. Первичное скалывание базируется здесь в основном на призматическом нуклеусе. Самые нуклеусы представлены лишь одним экземпляром дисковидного ядрища (рис. 22, 8), но достаточно представлены серии разнообразных сколов. Названный нуклеус имеет плоско-выпуклые очертания и одну рабочую сторону. Скалывание с нее производилось в радиальном направлении, т. е. от окружности к центру. Поэтому по мере утилизации края утончались, а средняя часть становилась выпуклой. Ядрище имеет овальную в плане форму. Длинная ось изделия равна 5 см, короткая —

5 см. Толщина изделия — 1,5 см. Круговая ударная площадка получена серией узких протяженных одноразовых сколов. Пропорции и форма нуклеуса свидетельствуют о получении не только отщепов, но и неправильной формы пластинок.

Дисковидные ядрища описанной разновидности (односторонние) встречались и в раскопках прежних лет, причем количественно они всегда заметно уступали нуклеусам других типов. В целом они близки к архаическим подлеваллуазским ядрищам Чоха, отличаясь от них лишь большей распространенностью ударной площадки. Указанное сходство наблюдается не только в размерах и пропорциях, но и в том, что с нуклеусов обеих сравниваемых разновидностей скалывались однотипные в принципе заготовки. Последние в инвентаре слоя D распределяются на группы следующим образом:

Пластины	16
Пластинки	8
Микропластинки	4
Отщепы	119

Пластинчатые сколы составляют 19% общего числа заготовок. Это меньше, чем в слое Е, но соответствует картине, характерной для всех слоев памятника. В такой же мере характерно и качественное распределение пластинчатых сколов. Пластин всегда больше, чем микропластинок и пластинок вместе. Микропластинки в составе пластинчатых сколов слоя D составляют 14% (в слое Е — 16%). Увеличение материала, как кажется, привело бы к понижению этого показателя. По подсчетам В. Г. Котовича, напротив, пластинчатые сколы этого слоя значительно превышают по количеству отщепы. Нам кажется, что здесь, как и в некоторых других случаях, имеет место неточность типологических определений. По нашим наблюдениям, отщепы в нижнем слое составляют 66,5% заготовок, а в слое D — даже 81%. Разумеется, функционально не все отщепы являются действительно заготовками. Мы выделяем их по формальным показателям. К тому же в составе законченных орудий не наблюдается соответствующая вышеуказанной диспропорция различных типов заготовок. Но как бы то ни было, значительное количественное преобладание отщепов над пластинчатыми заготовками здесь налицо, и это вряд ли случайно, особенно если принять во внимание то значение, которое имеют для слоя D нуклеусы архаических форм.

В рассматриваемом инвентаре имеется и достаточно большое количество отходов производства. Они вместе составляют 30% всей коллекции и представлены следующими разновидностями:

Обломки	9
Осколки	11
Чешуйки оббивки	41
Мелкие обломки заготовок	4

Характерные для каждой выделенной группы отходов производства признаки описаны при анализе материала слоя Е. Рассматриваемая категория находок слоя D не имеет каких-либо особенностей.

Вторичная обработка инвентаря слоя D основывается, как обычно, на ретуши и резцовом сколе. Ретушь не очень разнообразна. Наибольшее распространение имеют ретушь краевая крутая и полукрутая, чаще всего мелкая. Встречается ретушь мелкая пологая. Она использовалась, в частности, для утончения основания одного из вариантов острий чохского типа.

Применение резцового скола зафиксировано лишь в одном случае — при оформлении резца на углу излома.

Кроме этих основных способов вторичной отделки применялись и некоторые основывающиеся на них другие приемы. К ним относятся сечение заготовок (простое и ретушное), а также прием подтески. Простое (ударное) сечение, как и ретушное, здесь всегда поперечное. Усечению подвергались пластины и отщепы. Простое усечение достигалось обламыванием (вероятно, с защемлением одного конца заготовки) и ударом с использованием наковаленки. В первом случае грань излома ровная, как и при обычных, ненамеренных изломах. Указанием на целенаправленность сечения здесь является достижение почти полной формы орудия, требующей лишь незначительной подправки. Таковы в инвентаре слоя две трапециевидные формы типа «поперечнолезвийных наконечников стрел». Признаком второго варианта сечения является наличие на месте излома следов удара-контрудара о наковальню [Любин, 1978а, с. 29]. Этот вариант простого сечения встречается и в слое Е.

Ретушное сечение отмечается как в виде концевой, так и диагонального. И в первом и во втором случае крутой краевой ретушью существенно изменялась («выгрызалась») форма исходной заготовки, обычно пластины или пластинки. В чохских комплексах таким спосо-

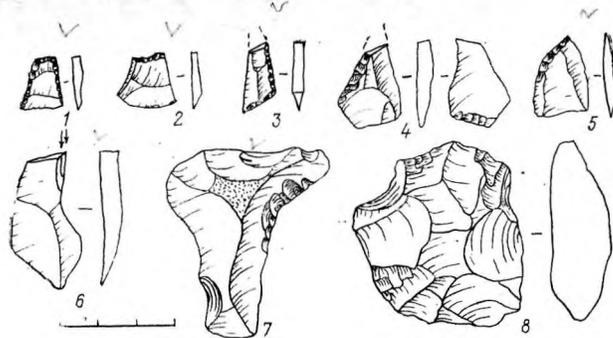

Рис. 22. Чохское поселение. Раскопки 1980, 1982 гг. Слой D. Образцы кремневых изделий: 1—2 — трапеции; 3 — удлиненный асимметричный треугольник; 4 — острие чохского типа (вариант 1); 5 — острие чохского типа (вариант 4); 6 — резец угловой; 7 — орудие с выемкой; 8 — нуклеус

бом чаще всего оформлялись обушки ножей и края острий.

Прием подтески зафиксирован на одном предмете. В основе этого приема лежит крупная пологая ретушь, утончающая линейный конец изделия до остроты со стороны брюшковой поверхности.

Для типологической характеристики комплекса слоя D мы располагаем следующим составом орудий:

Резцы на углу излома	1
Острия чохского типа	2
Орудия с подтеской	1
Выемчатые орудия	1
Низкие асимметричные треугольники	1
Высокая трапеция	1
Трапециевидные сечения пластин	2
Отщепы с ретушью	3

Всего орудий 12, что составляет 5,6% всего количества кремневого инвентаря слоя. Рассмотрим их подробнее.

Резец (рис. 22, 6) характеризуется сочетанием резцовых сколов (их два) с концевым изломом пластины. Это наиболее распространенный тип резцов чохских комплексов.

Острия чохского типа — руководящий тип чохской археологической культуры. Они предстают здесь в двух вариантах: с ретушным утончением основания (вариант 1) и с естественно утонченным основа-

нием (вариант 4). Оба изделия оформлены на отщепах и характеризуются полудиагональным усечением ретушью одной из сторон заготовки. В одном случае (рис. 22, 4) дополнительно заострено с брюшка основные орудия. Во втором случае (рис. 22, 5) необходимости в этом не было, так как основание приурочено к концу, который получился заостренным во время его скальвания с нуклеуса. У первого экземпляра конец орудия обломан. В таком виде длина его составляет 2,2 см, ширина в основании — 1,6 см. Размеры второго изделия этого типа таковы: длина — 2,1 см, ширина — 1,5 см.

Орудие с подтеской изготовлено на коротком массивном отщепе размером 2,9×2 см. Один конец заготовки утончен чешуйчатыми снятиями с брюшка. Затем конец в такой же манере подправлен и со спинки. Противоположный конец массивный, с короткими заломами.

Заготовкой для выемчатого орудия (рис. 22, 7) послужил пластинчатый отщеп длиной 5 см и максимальной шириной 4 см. В дистальной части одного из краев изделия оформлена полукрутой ретушью широкая выемка.

Низкий удлинённый асимметричный треугольник (рис. 22, 3) представляет собой пластинку, один край которой был усечен крутой (вертикальной) ретушью, а нижний конец, образующий с ретушированной стороной тупой угол, оформлен ударным (с применением наковальни) сечением с последующей частичной подправкой. Необработанная сторона полученного таким образом асимметричного треугольника имеет по всему краю мельчайшие выщербины. Последние на таких орудиях чохских инвентарей и в других памятниках отмечаются редко. Конец описываемого изделия обломан. Сохранившаяся часть имеет длину 1,9 см и ширину 0,9 см.

Высокая трапеция (рис. 22, 1) изготовлена на пластине. Боковые стороны и вершина орудия обработаны крутой ретушью. Типологически выразительное орудие, относимое иногда к изделиям, называемым «поперечнолезвийными наконечниками стрел». Высота рассматриваемого предмета — 1,4 см, максимальная ширина — 1 см.

Трапецевидные сечения пластин (рис. 22, 2) по форме примыкают к вышеописанному орудью.

Оба предмета получены путем двойного поперечного ударного сечения пластин. При этом в одном случае отмечается использование наковаленки. Во втором случае признаки, указывающие на это, отсутствуют. Здесь боковые стороны имеют ровный излом, не тронуты ретушью и расположены во встречном направлении наклонно к основанию. Вершина орудия оформлена крутой ретушью. На кромке основания трапецевидной формы, полученной таким образом, имеются заметные невооруженным взглядом четкие следы утилизации в виде непрерывного ряда мельчайших выщербин. Высота описанного изделия — 1,4 см, ширина нижнего основания — 1,5 см.

Остальные орудия комплекса представляют собой типологически невыразительные отщепы с частичной краевой ретушью.

Как уже мы отмечали, в стратиграфии В. Г. Котовича материалы описываемого слоя подразделялись на три (5, 4, 3) отдельных культурных слоя и рассматривались как «последовательные фазы развития культуры на заключительном этапе верхнего палеолита» [Котович, 1964, с. 161]. Мы же, как можно было заметить в ходе всего предыдущего изложения, датируем этот слой мезолитом, причем не ранней его порой. Стратиграфические и палиннологические обоснования этого уже были приведены. Их подтверждает и типология инвентаря. Общая оценка состава орудий и техники обработки с точки зрения археологической датировки слоя не отличается от той, которая высказана нами выше при характеристике материалов слоя Е. Весь облик инвентаря является типично мезолитическим, и говорить можно только о месте данного слоя в рамках мезолитической эпохи.

Ввиду отсутствия абсолютных дат установить это с определенной точностью нельзя, но общая позиция слоя в культурной стратиграфии памятника ясна. Она ограничена снизу довольно мощным раннеголоценовым слоем и непосредственно сверху — отложениями первой половины неолита. Таким образом, можно полагать, что слой D относится ко второй половине мезолита. При этом нет никаких признаков, свидетельствующих о сколько-нибудь значительном перерыве в заселенности памятника на протяжении накопления обоих мезолитических слоев (слои Е и D) и разрыве культурной преемственности между последними.

При детальном рассмотрении материала из слоев, со-ответствующих нашему слою D, В. Г. Котович отмечал в нем заметную эволюцию техники и типологии от слоя B к слою C. Примерно к такому же заключению пришли и мы, анализируя исследованную В. Г. Котовичем коллекцию. Рассмотренный в данном разделе инвентарь наших раскопок этого вывода не подтверждает. Возможно, причина в относительной малочисленности материала последних раскопок. Но как бы то ни было, го-раздо важнее, что основные опознаваемые культурные признаки сохраняются снизу доверху. Четкостью и вы-разительностью они подавляют частные элементы техни-ческой и типологической эволюции. Другое дело, когда проводится сравнение с неолитическим слоем, к описа-нию которого мы переходим. Здесь тоже видны легкоузна-ваемые черты чохской археологической культуры, од-нако они становятся качественно иными.

Неолитический слой C

Особенности культурного слоя C нами уже были оха-рактеризованы. Главные из них сводятся к следующему: значительно большая насыщенность археологическим материалом по сравнению с нижележащими слоями; темно-серый цвет отложений, связанный с обильным включением пепла и золы; наличие очагов, кострищ и архитектурных остатков; разнообразие качественного состава находок, характеризующих производственную и бытовую деятельность обитателей поселения.

Рассматриваемый слой залегает непосредственно на мезолитическом слое D, однако это вряд ли может сви-детельствовать о непрерывности и ненарушенности про-цесса накопления культурных остатков. Слой C имеет на всем раскопанном нами участке горизонтальную по-зицию, тогда как все нижележащие слои расположены наклонно в сторону противоположную от скального мас-сива. Это позволяет предположить искусственное вы-равнивание площадки поселения на уровне основания слоя C. Последнее должно было диктоваться и прак-тическими соображениями, связанными с сооруже-нием каменного наземного жилища.

Из сказанного не следует, что между слоями D и C обязательно должна была иметься археологически сте-рильная прослойка. При указанном выравнивании пло-

щадки могли быть слегка срезаны верхи культурного слоя D. Общая стратиграфическая картина при этом не изменялась, так как земля выборки неровностей должна была удаляться за крутой террасовый край обживаемой площадки или, во всяком случае, за пределы раскопан-ного нами участка, который почти целиком занят жили-щем. Поэтому незначительна и возможность сколько-ни-будь заметного смещения археологического материала рассматриваемых слоев. Конечно, теоретически ни для одного многослойного памятника, подобного Чоху, нель-зя полностью исключить возможность вторичного ис-пользования людьми, обживающими верхний уровень, отдельных изделий из нижележащего слоя. Эта возмож-ность возрастает, если культурные отложения где-либо обнажены. Но такие случаи, как правило, выявляются если не по характеру сохранности вещей, то при типоло-гическом анализе, особенно тогда, когда, как у нас, ма-териал массовый. Конкретно для рассматриваемого слу-чая нет оснований допускать сколько-нибудь значитель-ное смещение материала. Археологическим остаткам слоя C, состоящим из разнообразных категорий камен-ных изделий, костяных орудий, архитектурных элемен-тов, флористических и фаунистических остатков, присущи яркие своеобразные черты. С очевидностью проявляются они, например, в кремневом инвентаре. В последнем на-блюдаются осязаемые черты эволюции, которые отра-жают хронологическую позицию слоя и хозяйственные функции каменного инструментария, претерпевшие на неолитическом этапе своего развития коренное измене-ние.

Кремневый инвентарь, как и другие группы нахо-док, будет нами анализироваться дальше. Сейчас оста-новимся на той стороне изучения памятника, которую охарактеризуют жилище и поселение в целом.

Неолитические жилища Чоха. Проблема поселения

Вопрос о возможности существования на Чохском поселении жилища был рассмотрен нами впервые, ког-да памятник считался еще верхнепалеолитическим и мезолитическим [Амирханов, 1977б]. Основанием для этого послужило подробное ознакомление с полевой до-кументацией В. Г. Котовича. Во время работ 1955 г. им

были сделаны интересные наблюдения, имеющие непосредственное отношение к затронутой здесь теме. Так, в отчете за 1955 г. указывается, что «в квадратах Л-1, М-1, Н-1, О-1 и частично в квадратах Л-2, М-2, Н-2 культурный слой имеет темный цвет, приближающийся к цвету гумусированного слоя (в отличие от желтого цвета на линиях квадратов 4,3 и частично 2. — Х. А.). Особенностью этой части исследованной площади является отсутствие здесь следов кострищ, хотя отдельные древесные угольки, наряду с другими культурными остатками, довольно часто встречаются здесь на всей глубине культурного слоя» [Котович, 1955, с. 86]. Между тем на остальном участке слоя, заключенном между указанными квадратами и скалой, были обнаружены остатки 15 «кострищ». Располагались они в пределах слоя на разных уровнях.

В 1956 г. на том же участке было обнаружено еще 7 «кострищ». В отчете за 1956 г. сообщалось, что «все они располагались в непосредственной близости от скалы (не далее 3—4 м от нее), где уклон слоя сравнительно невелик. Кострища располагались на различной глубине и нередко перекрывали друг друга» [Котович, 1956, с. 38]. Особое значение приобретает такое замечание В. Г. Котовича: «На глубине 0,5—0,6 метра в квадратах Л-2, М-2, О-2, Н-1, О-1, О-3 обнаружено скопление крупных обломков известняка, в расположении которых по дуге можно усмотреть некоторый порядок. Не исключена возможность, что такое расположение камней связано с деятельностью человека, тем более что описываемая ими дуга примерно совпадает с границей, отделяющей культурный слой желтого цвета от темноцветного» [Котович, 1956, с. 88—89].

Таким образом, на участке Л-О-1-4 мы видим следующее: а) цвет слоя на площади, заключенной между скалой и отрезком Л-О линий квадратов 1 и частично 2, резко отличается от цвета слоя за пределами указанной линии; б) эта линия примерно соответствует дугообразным очертаниям расположения крупных камней; в) на участке слоя, ограниченном скалой и указанными линиями, встречены остатки кострищ, тогда как за пределами этой площади они не встречаются. Перечисленных особенностей достаточно, чтобы судить о том, что на площади, раскопанной В. Г. Котовичем в 1955—1957 гг., имелось искусственное жилище. Исходя из приведенных замечаний, ясно, что оно относилось к «тарденуазскому»

долю (неолитический слой нашей стратиграфии), так как во всей стратиграфической колонке только он выделялся В. Г. Котовичем в качестве «темноцветного» [Котович, 1964, с. 111].

Поскольку В. Г. Котовичем жилище не выделялось, чертежей его мы не имеем. Нет и другой документации, на основании которой можно было бы дать графическое воспроизведение указанной картины. Остается логическая реконструкция планиграфии этого жилища. Согласно ей, жилище было наземным, с дугообразной каменной стеной, концы которой упирались в скальный массив. Площадь его составляла приблизительно 40 кв. м.

Наши раскопки, производившиеся широкой площадью, привели к открытию в слое С на соседнем с раскопом В. Г. Котовича участке довольно хорошо сохранившегося жилища. Уже сам факт его существования подтверждает правомерность приведенных заключений о том, что на площади, раскопанной в 1955—1957 гг., имелось не понятое сразу искусственное жилое сооружение. Эту уверенность подкрепляет и совпадение основных планиграфических показателей обоих жилищ — большая площадь и дугообразные очертания стен, строившихся с использованием естественных удобств в виде выступов скального массива. Обратимся далее к подробному описанию остатков жилища, вскрытого раскопами 1981—1982 гг.

Остатки жилого сооружения раскопа № 2 состоят из двух взаимосвязанных частей: входного коридора и жилого помещения. Коридор образован двумя параллельными прямыми каменными стенами. Ширина его — 80 см. Вход обращен на юг. Западная (внешняя) стена (рис. 23 и 24) сложена из семи крупных плит и блоков известняка, поставленных на ребро. Частично плиты сместились с первоначального положения. Размеры плит и блоков в среднем таковы: длина — 80 см, толщина — 30—40 см. Высота стены достигает 1 м. Она тянется примерно по диагонали квадратов г-ж-6-3 и имеет в длину 4,8 м. Дальний от входа конец стены упирается в скальный массив.

Восточная (внутренняя) стена коридора тянется на 2,6 м по диагонали квадратов г-е-6-8. Она состоит из четырех пригнанных одна к другой вертикально стоящих крупных плит известняка. Размеры одной из этих плит (кв. г-7-8 и частично кв. д-7) следующие: высота —

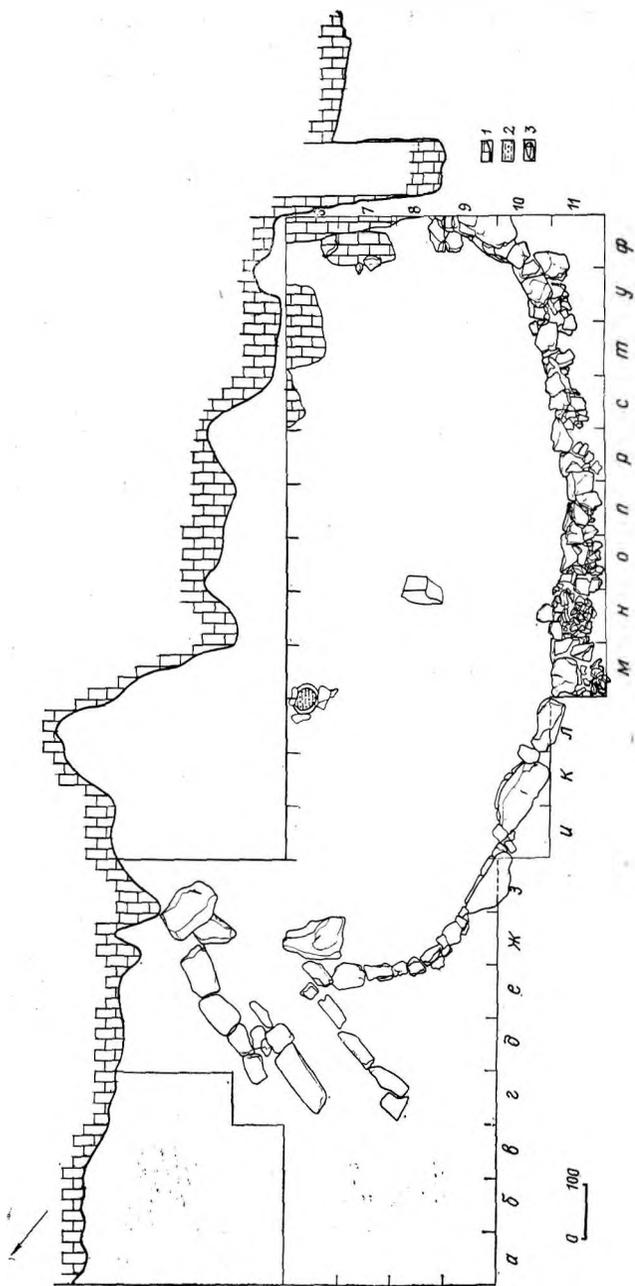

Рис. 23. Чохское поселение. Раскопки 1980—1982 гг. Слой С. План жилища: 1 — скала; 2 — очаг; 3 — извести́ковые глыбы

67 см, ширина — 70 см, толщина — 20 см. Следующая за ней плита (кв. д-7) имеет высоту 100 см, ширину 84 см и толщину 35 см. В месте стыка этой стены коридора с основной дугообразной стеной жилища располагается огромный блок известняка (высота 133 см), также поставленный вертикально. Для устойчивости под него подложено несколько небольших плоских камней. Последние в некоторых случаях подпирают и другие камни стен коридора и жилого помещения.

Следов обмазки стен коридора ни снаружи, ни внутри не обнаружено. Ограниченное этими стенами пространство было доверху заполнено камнями средней величины, которые, вероятно, свалились со стен. Частично этот завал располагался и снаружи от западной стены.

В заполнении квадрата встречались характерные для слоя С археологические остатки. После выборки завала обнаружилась и одна интересная конструктивная деталь. На линии стыка входного коридора с непосредственной жилой частью сооружения был вскрыт порог. Он состоял из двух пригнанных одна к другой плит, которые были положены плашмя перпендикулярно к стенам и образовывали небольшое плоское возвышение, занимающее всю ширину коридора. Эта небольшая платформа имела ширину 45 см и высоту от основания (пола) 20 см. Концы образующих ее плит уходили в стены коридора.

Стена непосредственно жилой части сооружения связана в кв. е-6 с восточной стеной коридорообразного входа. Отсюда она в виде дуги идет на восток и упирается в кв. ж-8 в конец протянувшегося почти на 3 м вперед от вертикального обрыва долины естественного скального выступа (рис. 24). Стена не имеет разрывов, однако в высоту она сохранилась на разных участках по-разному. В восточной части раскопа, который прилегает к конусу выноса склонового материала, отмечается наилучшая сохранность. Здесь имеется участок с пятью вертикальными рядами кладки и максимальная высота стены составляет 135 см. На большей части западного участка стена имеет 2—3 яруса кладки, а в квадратах е-ж-9-7 непоколебленным остался лишь один нижний ярус камней. Кладка стены почти на всем протяжении однорядная, шириной 45—50 см, у основания ширина несколько больше. Для нижней части кладки подобраны более массивные блоки известняка подпр-

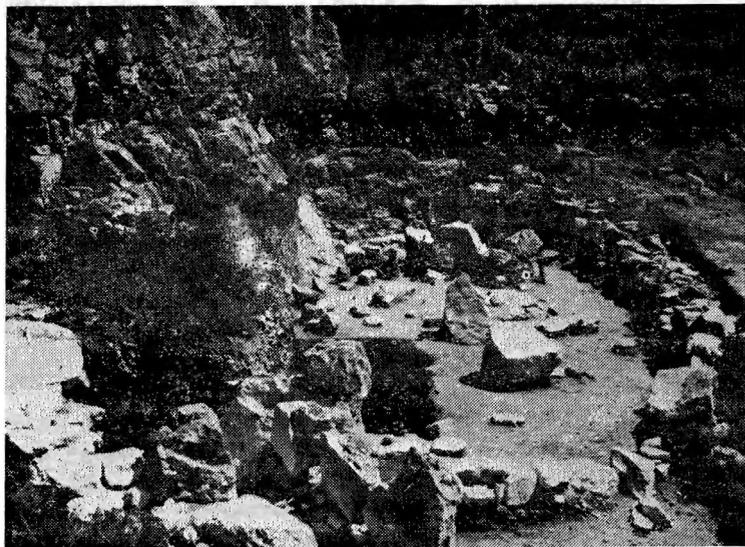

Рис. 24. Чохское поселение. Раскопки 1980—1982 гг. Слой С. Общий вид остатков жилища (вид с запада)

моугольных очертаний. Обработка использованных для строительства камней не отмечается, признаки заглубления основания стены также отсутствуют — нижний ряд кладки находится на уровне пола жилища и культурные отложения неолитического слоя налегают изнутри на стену жилища непосредственно с ее основания. Само сохранение культурного слоя на этом участке поселения во многом было обусловлено существованием стены.

Кладка осуществлялась без скрепляющего раствора. Тем не менее она плотная и прочная благодаря целенаправленному подбору камней. Обмазка стены не наблюдается, но не исключено, что щели в стене заделывались простейшим раствором. Пол жилища также не имел следов обмазки.

Говоря о внутренней планировке жилого помещения, приходится ограничиваться почти исключительно описанием кострищ и очагов. Другие детали внутреннего убранства или конструктивные планировочные детали не обнаружены.

Следы огня в виде скоплений зольной или углистой массы довольно часто отмечаются не только

для неолитических, но и для более ранних памятников Кавказа. Однако до сих пор в этом регионе ни для одного из периодов каменного века не были выявлены сколько-нибудь выразительные остатки искусственных жилищ на открытом воздухе. Поэтому при описаниях деталей жилого пространства понятия «кострище» и «очаг» фигурируют как бы нерасчлененно. Так же обстоит дело и с данными из старых раскопок Чоха. Между тем явления, стоящие за указанными понятиями, неравнозначны и требуют дифференцированного подхода. Признаки, отличающие очаги от кострищ (временных костров), в применении к памятникам каменного века наиболее детально разработаны М. В. Александровой. Согласно ей очаги характеризуют: а) сравнительно мощный, особенно в центральной части, углистый слой (6—8 см); б) небольшая углубленность центральной части относительно древней дневной поверхности; в) выделение в плане центральной (собственно очажной) и периферийной частей угольного пятна; г) повышенная концентрация культурных остатков вблизи очага (на одном с ним уровне) и непосредственно на участке его — в пределах наибольшего контура угольного пятна; д) предположительно однородный характер топлива и наличие камней, выполняющих функции очажных подставок. Признаками, характерными для кострищ (временных костров), считаются: а) незначительная мощность зольной прослойки (1—2 см); б) залегание ее на древней дневной поверхности горизонтально или слегка наклонно (т. е. отсутствие углубления); в) заметно меньшая насыщенность культурными остатками [Александрова, 1974 а, с. 17].

При различении очагов и кострищ слоя С мы учитывали все эти признаки, причем в качестве главного показателя было принято наличие или отсутствие искусственного ограничения площади, занятой зольным пятном (углубление, каменная обкладка). Приведем далее описание указанных объектов.

Очаг № 1. Основной, центральный очаг жилища. Он захватывает северо-восточный угол квадрата л-6 и северо-западный угол раскопанного шурфом 1980 г. квадрата м-6. Имсет очертания круга диаметром 40 см и углублен в нижележащий слой на 8—10 см. Стенки углубления слегка пологие, дно горизонтальное. Поверхности дна и стенок плотные, сильно обожженные. С севера и с юга по диаметру на краях углубления один

против другого располагаются два камня. «Южный» камень имеет прямоугольную форму с размерами: длина — 28 см, ширина — 24 см, высота — 13 см. Положение камня — горизонтальное. Для большей устойчивости с южной стороны под него подложено два мелких камня. «Северный» причажный камень меньших размеров: 25×10×11 см. Он положен также в наиболее устойчивом для него положении. Поверхности камней, обращенные к очагу, имеют характерные признаки обожженности и закопчены. Можно предполагать, что камни выполняли функции очаговой подставки.

Заполнение очага № 1 — золисто-углистое. Судя по уголькам, топливом служило дерево. Лабораторные определения показали использование для этой цели нескольких видов широколиственных пород деревьев. Напомним, что в настоящее время в окрестностях памятника древесная растительность отсутствует, а редкие островки леса, имеющиеся на Турчидагском плато, представлены холодолюбивыми (преимущественно хвойными) видами. В то же время для слоя С по содержанию очага № 1 определены виды совсем другого, гипсометрически значительно более низкого, предгорного пояса растительности: дуб, клен, граб и др. Промывка заполнения очага доставила также весьма ценные для нас обуглившиеся зерновки злаков.

Очаг № 2. Занимает северо-восточный угол квадрата ж-6 и северо-западный угол квадрата з-6 раскопа № 2. Имеет скруглые очертания, диаметр около 50 см. С западной стороны его ограничивает стоящий вертикально огромный известняковый блок, в остальной части по окружности располагаются девять мелких камней. В заполнении очага много древесных углей, золы. Участки слоя, примыкающие к очагу, более других насыщены материалом, особенно керамикой. Археологические находки, имеющие сильные обожженные поверхности, обнаружены и в самом заполнении очага. Уровень описываемого очага на 10 см выше пола жилища и, следовательно, уровня основного очага. Планиграфически очаг № 2 расположен почти у стыка коридоробразного входа с жилой камерой.

Кострище № 1. Расположено в квадрате з-7 и заходит частично на квадрат з-8 раскопа № 2. Очертания овальные. Размеры по длинной оси — 65 см, по короткой — 55 см. Содержимое кострища — углисто-золистая масса с включением археологических остатков,

часть которых сильно обожжена. Толщина зольного пятна — 3 см. Рядом с ним отмечается более интенсивное скопление археологического материала, чем в среднем по раскопу в целом. Кострище № 1 расположено на 38 см выше пола жилища.

Кострище № 2. Расположено в квадрате к-8 раскопа № 2. Имеет скруглые очертания диаметром 54 см. Заполнение интенсивно темноокрашенное, углисто-золистое. В нем встречаются сильно обгоревшие кости животных, кремни, а также керамика. Слабую обожженность имеет и основание кострища. Толщина зольного пятна — 4 см. Окружающее это кострище пространство более насыщено материалом (особенно керамикой), чем отдаленные участки. Уровень расположения описываемого кострища на 5 см выше пола жилища и основного очага.

Кострище № 3. Расположено в квадрате ф-9 раскопа № 2. Имеет округлые очертания диаметром 30 см. Высота над уровнем пола — 5—6 см. По остальным основным показателям близко к описанным выше кострищам.

Таким образом, в пределах культурных отложений одного жилища мы имеем два очага и три кострища, расположенные на разных уровнях. Из них один очаг (№ 1) стратиграфически и планиграфически связан с подошвой культурного слоя С и полом жилища. Это простейший тип углубленного в землю долговременного стационарного очага. По характеру локализации в жилище он относится к разновидностям центральных. На 5—6 см выше основного очага имеются два кострища (№ 2 и 3), расположенные на значительном расстоянии одно от другого и удаленные от центра жилища. Хронологически они позже очага № 1, но относительно друг друга, вероятно, более или менее одновременно. Затем идет очаг № 2, находящийся на 10 см выше уровня пола, и, наконец, кострище № 1 с отметкой 38 см выше пола.

Наличие этих переслаивающихся кострищ и очагов ставит два взаимосвязанных вопроса: о продолжительности функционирования жилища и о том, насколько един культурный слой С в пределах жилища, не разделяется ли он на несколько слоев по количеству переслаивающихся углистых пятен. На первый вопрос можно ответить, что жилище в своем первоначальном назначении существовало относительно недолго и все кострища вместе с очагом № 2 с ним функционально не связа-

ны. Об этом говорят такие факты, как наличие камней завала стен жилища непосредственно на полу; накопление довольно значительного культурного слоя непосредственно в пределах жилища при отсутствии признаков его перестройки; относительно недолговременный, судя по приведенным выше характеристикам, характер кострищ и очага № 2; отсутствие логической связи последних с планировкой жилища.

Приведенные объяснения служат отчасти ответу и на второй вопрос. Понятия «жилище», а тем более «кострище» и «культурный слой» неравнозначны. Чаще всего культурный слой включает в себя указанные материальные остатки, в том числе и тогда, когда они переслаиваются. В данном случае мы имеем ситуацию, при которой жилище, являясь самостоятельным элементом культурного слоя, не отделено от вышележащих горизонтов стерильными прослойками; разные уровни, фиксируемые кострищами, литологически и археологически однородны, горизонты интенсивного обживания на уровнях кострищ не выражены. Последние не удалось выявить ни по характерным для таких случаев «площадям вытаптывания», ни по другим объективным признакам. Их, видимо, не было. Иначе при значительных перемещениях кострищ в плане в ходе накопления культурных отложений должна была бы производиться и соответствующая перепланировка жилища или, во всяком случае, его восстановление. Этого не наблюдается. Все говорит о том, что после разрушения жилища люди время от времени посещали это место и оставляли здесь следы своего пребывания. И длилось это до тех пор, пока в окрестностях памятника (возможно, на другом поселении) обитали люди, если не переселившиеся отсюда, то с тождественной культурой. Последнее, а именно культурное единство разных горизонтов при отсутствии видимых признаков хронологической эволюции инвентаря, служит еще одним веским доводом в пользу того, что мы имеем дело с одним, а не с несколькими культурными слоями. Различные уровни этого слоя, фиксируемые кострищами, не имеют самостоятельного значения, а отражают динамику жизни поселения с однородной и стабильной культурой в течение относительно ограниченного отрезка времени.

Вернемся к характеристике самого жилища. Выше мы указывали, что перед сооружением постройки площадка, предназначавшаяся под нее, была выровнена.

Для этого пришлось удалить наносы земли с участка, примыкающего к скале на 30 см в глубину, причем выборка грунта с этой площади производилась по заранее намеченному контуру будущего жилища. Об этом свидетельствует тот факт, что в западной части раскопа отрезок дугообразной стены, заключенный в квадратах е-ж-9—7, опирается основанием не на подготовленную площадку, а на ее край, фиксирующий древнюю поверхность и по мере приближения к скале возвышающийся от пола жилища на 30 см. Этот прием «врезания» в склон при сооружении жилищ представлен в домостроительстве Ближнего Востока еще VIII—VII тысячелетий до н. э. [Мелларт, 1982, с. 38].

С точки зрения конструктивных особенностей интересна и такая деталь. В центре жилища, на линии квадратов н-о, был зачищен известняковый блок прямоугольных очертаний. Он стоял вертикально, опираясь основанием на псл жилища, и этим отличался от других камней, лежавших в беспорядке и в естественном для них, т. е. в наиболее устойчивом, положении. Кроме правильной формы и необычного положения этот блок обращал на себя внимание и необычно большими размерами. Высота его — 95 см, ширина — 55 и толщина — 30 см. Верхняя плоскость блока (как и нижняя) — горизонтальная. Предположению, что это камень из завала стен жилища, противоречат как его форма и размеры (других таких блоков в центральной части завала жилища не было), так и положение в слое и в плане помещения. Логичнее допустить, что он имел конструктивное значение, выполняя роль основы центрального столба — детали, распространенной в жилищах почти всех археологических эпох Кавказа. Подобные основы подпорных столбов в культурах с каменным домостроительством занимали такое же место, как столбовые ямы в деревянных и плетенных с обмазкой жилищах лесных и лесостепных территорий. Учитывая, что чохское жилище должно было иметь перекрытие, трудно представить, чтобы последнее на такой большой площади было возможно без опорного столба.

Конкретных данных для реконструкции кровли жилища мы не имеем. Наиболее вероятно, что она была деревянной, с земляным покрытием и слегка наклонной от скалы к наружной стороне жилища. Опирались кровля должна была на скалу и стены. Указание на существование центрального столба говорит об использовании

несущего прогонного ствола, на котором покоились поперечные балки. Все это имеет достаточно подтверждений в более поздних памятниках горного Дагестана, но для чохского жилища не подкрепляется основательными фактами и может быть принято лишь как допущение.

Из подробного рассмотрения остатков чохского жилища с очевидностью следуют прежде всего предельная простота и архаичность каждой детали последнего — возьмем ли мы планировку, строительную технику или размеры и форму. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание связь жилища со скалой и лежащая в основе сооружения примитивная архитектура круглопланного типа. Интересной общей закономерностью истории жилища является хронологическое предшествование круглых построек домостроительству, основанному на прямоугольной форме. Первые жилища в виде кольцевой каменной выкладки зафиксированы еще в олдувайскую эпоху. При сохранении в целом данной формы развитие жилища любой территории на протяжении эпохи палеолита выражается «1) в возрастании размеров жилищ, усложнении их конструкций (совершенствование перекрытий, появление многокамерных жилищ и т. д.), увеличении жилого пространства за счет прямостенности и т. д.; 2) в возведении жилищ разных типов (малые и большие различных очертаний, жилища с „двойной кровлей“ (в пещерах); 3) в появлении поселков, состоящих из нескольких одновременных и, возможно, различного назначения жилищ» [Александрова, 1974б, с. 10].

Живучесть исходной формы жилища объясняют ее природосообразностью. Она органична для природы и сама является как бы элементом окружающей среды. Кардинальный перелом в домостроительстве, изменивший и форму жилищ, связывают со временем, когда уже полностью осуществился переход к производящему хозяйству, прежде всего к земледелию. «Отказ от криволинейных форм диктовался потребностями создания сооружений больших размеров, объединяющих в себе комплексы жилых и хозяйственных помещений» [Лапин, 1974, с. 9]. Этот процесс, пожалуй, наиболее ярко прослеживается на Ближнем Востоке — классическом районе становления производящего хозяйства. Эпипалеолитические памятники данной территории характеризуются двумя археологическими культурами: кебарийской (в двух вариантах) и натуфийской. Хронологи-

чески с ними может быть сопоставлена и финальнопалеолитическая зарзыйская культура Ирака. И весьма показательно, что начальная стадия домостроения всех этих культур представлена круглопланной архитектурой. В кебарийских памятниках (Айн-Гев I) выявлены углубленные в землю и надстроенные с уровня древней дневной поверхности стеной округлой формы помещения диаметром 4—5 м [Augenche, 1981, с. 5]. В том случае, когда стьянка располагалась под скалой, жилище сооружалось с использованием выгод такого положения и выглядело как бы прислоненным к скале. Стена при этом получалась полукруглой, упирающейся концами в вертикальный обрыв скального массива. Подобная картина отмечена, например, на одном ливанском памятнике кебарийской культуры — Джийта II. Диаметр жилища здесь составляет также приблизительно 4—5 м. Само сооружение относится к типу частично углубленных.

Для кебарийской культуры второго варианта (кебарьен геометрический) характерны небольшие наземные сооружения круглой и овальной формы. Это подтверждено на ряде палестинских памятников (Айн-Гев III, Хенсибан и др.) [Martin, Bar Josef, 1979, с. 219—220; Augenche, 1981, с. 5].

Сходная картина наблюдается и в натуфийской культуре. Жилище слоя I Мурейбита, например, круглое, углубленное в землю, диаметр — 6 м. Основание стен покоится на древней дневной поверхности. В эпинатуфийском слое 4 Нахал-Орена известно 17 жилищ круглой и овальной формы. Они частично углубленные, с очагами, приуроченными преимущественно к центральной части. Помещения изолированные, однокамерные; вход иногда выделенный, широкий. Стены каменные. Площадь жилищ — в пределах 15 кв. м [Augenche, 1981, с. 7; Мелларт, 1982, с. 38].

Аналогичные приведенным выше факты выявлены и в Ираке. В Зави Чечи Шанидар раскопаны остатки каменного сооружения округлой формы диаметром 4 м.

Приведенный краткий обзор наглядно подтверждает архаичность круглых построек и их принадлежность самым различным культурам, еще только ставшим на путь перехода к производящему хозяйству или уже сделавшим в этом направлении первые шаги. Не составляет исключения в этом ряду и чохское жилище. Мезолитические слои этого памятника не содержат следы искусственных жилых сооружений. Для Дагестана и, вероят-

но, для Кавказа в целом то была эпоха, когда человек еще не покинул окончательно приспособленные для жизни естественные убежища в виде гротов и навесов. В неолите Чоха этот перелом уже осуществился, хотя обитатели поселения еще не оторвались полностью от привычного скального ландшафта и предоставляемых им зачастую удобств. Показательно, что в этих первых шагах создания искусственной жилой среды наблюдаются общие закономерности раннего этапа перехода к прочной оседлости, вызванной кардинальными изменениями в хозяйстве.

Дальнейшие стадии развития жилища в Дагестане также соответствуют общим закономерностям. На энеолитическом поселении Гинчи (горный Дагестан), характеризующем собой развитый этап земледелия и скотоводства, наряду с круглопланными постройками появляются уже и прямоугольные сооружения [Гаджиев, 1980 б, с. 11—12]. Зафиксированы здесь и оборонительные стены.

Говоря в связи с Чохским поселением о стадиальности древней архитектуры и характерности круглопланной формы жилища для раннего этапа домостроительства, нельзя обойти вопрос о жилищах сооружениях шулавери-шомутепинской культуры [Нариманов, 1966; Нариманов, Махмудов, 1967]. Эта культура или группа памятников степного Закавказья оставила уже далеко позади первые этапы становления производящего хозяйства, но сохранила круглопланную архитектуру [Джавашвили, 1973]. На первый взгляд может показаться несообразным сочетание архаической формы жилища с развитым оседлоземледельческим хозяйством. Но развитие жилища не сводится только к изменению его формы. Тут играют существенную роль и такие важные показатели, как площадь помещения, его структура, появление и усложнение жилищно-хозяйственного комплекса, развитие интерьера, совершенствование строительной техники. По всем этим показателям между жилищем неолитического слоя Чоха и сооружениями шулавери-шомутепинских поселений V—IV тысячелетий до н. э. лежит огромная дистанция. Жилище закавказского энеолита — круглые или овальные толсообразные сооружения из сырцового плано-конвексного кирпича средней площадью 10 кв. м. Очень часто жилые и хозяйственные постройки составляют взаимосвязанный комплекс, включающий само жилище, помещение для

животных, ямы для хранения продуктов, специальным образом оборудованный глиняный очаг внутри дома и печи снаружи [Кушнарера, Чубинишвили, 1970, с. 26].

Характер чохского жилища, как мы видели из его описания, качественно иной. Здесь не дифференцированы еще элементы хозяйственно-бытового комплекса, да и само существование последнего в известном для жилищ развитого неолита и энеолита виде проблематично. В прямой связи со всем этим находится, на наш взгляд, большая площадь сооружения (свыше 60 кв. м) и примитивность строительной техники.

Для объяснения внушительных размеров чохского жилища целесообразно привлечь этнографические данные. Такое привлечение вполне оправданно, так как речь идет о территории, где на протяжении тысячелетий факторы внутреннего развития преобладали над внешними влияниями.

Среди разнообразных форм традиционных жилищ этнографы особо выделяют большие однокамерные жилые постройки, которые довольно часто встречались в горном Дагестане даже в начале нашего столетия [Исламмагомедов, 1967, с. 150; Агаширинова, 1978, с. 162—163]. Этот тип жилища считается древнейшим в процессе развития домостроительства. Такие жилища имели прямоугольную планировку и, как правило, очень большую площадь (до 120 кв. м). Уместно привести краткое описание одного такого дома. По наблюдениям А. И. Исламмагомедова, «длина комнаты (единственной в доме. — Х. А.) 12 метров, ширина — 9. При жилище имеется хлеб-дворик, который имеет вход в комнату и в небольшую пещеру в скале, которая служила хлевом для овец (ягнят) и телят. В жилище ведет низкая двустворчатая дверь из двух толстых, грубо обтесанных досок, которые вращаются на петлях, вставленных в гнезда. Дверной проем равен 160×75 см. Порог высокий» [Исламмагомедов, 1967, с. 151].

Подобные дома в их первоначальном функционировании связываются, как правило, с большесемейным или семейнообщинным укладом жизни. Существование семейной общины как одного из основных элементов социальной структуры населения горного Дагестана в прошлом — факт известный. Об этом, а также о том, что семейная община первоначально связана с однокамерным и, надо думать, большим домом, говорят и данные некоторых дагестанских языков. В аварском, андийском

и других языках имеется, например, малоупотребительный в настоящее время термин родства «люди одного дома», объединяющий круг лиц более узкий, чем родовая община. Интересно и то, что, хотя в тех же языках существует общее понятие «дом», значение его в обычной речи передается всегда словом «комната» или, реже, «комнаты».

Приведенные факты и примеры дают основание предположить, что в чохском жилище жили люди, связанные узами родства. Исходя из площади постройки, ясно также, что ее занимала не одна малая семья (вспомним размеры жилищ шулавери-шомутепинских памятников). Скорее всего, мы имеем дело с совместным проживанием нескольких малых семей. Многие стороны хозяйственного и бытового функционирования больших семей еще не выяснены. Бесспорно лишь то, что членов большой семьи связывали не только и, может быть, не столько родственные отношения, сколько экономические причины. Единый, центральный очаг и отсутствие сегментации хозяйственных помещений считаются признаками, указывающими на нерасчлененное, совместное ведение хозяйства. Это с полным основанием можно отнести и к обитателям жилища неолитического слоя Чоха. Кстати, придавать очагу указанное значение позволяют и данные этнографии. У горцев-дагестанцев слово «очаг» имеет общественное, символическое значение и употребляемо в значении «дом», «семья», «хозяйство». Понятие «хозяйство», «дом» передается словом «цараки», что буквально означает «зажигание огня» [Исламмагомедов, 1967, с. 169]. Последнее напоминает русское слово «дым» в его архаичном втором значении «двор».

В связи с необходимостью установить численность обитателей Чохского поселения важно выяснить, сколько человек вмещало рассматриваемое жилище. Для изучения этого вопроса в отношении позднепалеолитических жилищ Русской равнины выработано понятие «наименьшее жилое пространство». Оно определяется площадью наименьших позднепалеолитических помещений и расстоянием между очагами, если жилище большое. Приравнивается это пространство, по указанным данным, к площади круга диаметром 2—2,5 м. Именно эта площадь и считается достаточной для малой семьи верхнепалеолитического времени [Гладких, 1974, с. 21—22]. В рассматриваемую нами эпоху малая семья за-

нимала, вероятно, большую площадь, поэтому не будет ошибкой, если в качестве наименьшего жилого пространства мы примем условно площадь среднего жилища закавказских энеолитических памятников. Последнюю можно установить в пределах 10 кв. м, что даже несколько больше среднего значения. В таком случае чохское жилище имеет пространство, достаточное для проживания шести малых семей. Предположив далее, что малая семья состояла приблизительно из четырех человек, мы получим число всех обитателей жилища, равное 24. Эта цифра соответствует и этнографическим данным: специальные исследования показали, что число членов большой семьи на стадии ее пережиточного существования составляло 20 и более человек [Исламмагомедов, 1967, с. 158].

Рассмотрим далее вопрос о месте описываемого жилища на поселении в целом и некоторых сторонах структуры последнего. Для этого следует выяснить соотношение раскопанного нами жилища с тем, которое восстанавливается по полевым отчетам В. Г. Котовича. О том, что по основным показателям они совпадают, нами уже указывалось. И там и тут — овальная планировка, большая площадь, строительная техника, основанная на использовании камня. Оба жилища примыкают тыльной стороной к скальному массиву. Отмечается и планиграфическая сообразность взаимного расположения жилищ. Они не соприкасаются, располагаются вдоль борта ущелья и имеют одинаковую ориентировку фасадов. Все это служит указанием на синхронность обоих жилищ.

Еще более важные данные для суждений о хронологической позиции рассматриваемых жилищ относительно друг друга можно получить из стратиграфических наблюдений и характера вмещающего эти сооружения культурного слоя С. В этой связи интересно отметить, что ни современная, ни древняя дневные поверхности не имеют каких-либо западин, указывающих на неравномерность накопления культурных отложений слоя С. Наиболее существенным указанием на равномерность их образования служит единая для всей площади поселения мощность культурного слоя (речь идет о стратиграфически значимых участках). Выше говорилось, что, прежде чем возводить жилище, участок, предназначенный под него, слегка нивелировался. Еще одним прямым фактом синхронности обоих жилищ является единовременность

нивелировки площади под обоими постройками. Об этом убедительно говорит горизонтальный характер залегания культурного слоя С, тогда как для нижних слоев эта картина не столь характерна.

По совокупности всех приведенных данных можно сделать обоснованное заключение о функционировании рассматриваемых жилищ в одно и то же время. На возникающий в связи с этим вопрос о том, существовали ли на поселении кроме указанных еще и другие жилые сооружения, можно также достаточно уверенно ответить отрицательно.

Как уже говорилось, участок, занятый памятником, представляет собой останец речной террасы. Общая площадь его не превышает 800 кв. м. Два жилых помещения занимают практически всю площадь, примыкающую к скальному массиву. Свободными остаются пространство перед фасадной стороной построек и ограниченный участок, разделяющий последние. Логически трудно представить сплошную застройку всей поверхности столь небольшого пространства. В этом случае не оставалось бы необходимого для хозяйственно-бытовых нужд пространства рядом с домами. Да и археологических данных, позволяющих допустить существование на этой площади иных жилищ, кроме указанных, не имеется.

Таким образом, из приведенных выше фактов вырисовывается картина небольшого горского неолитического поселения. Его незначительные размеры не вызывают удивления, поскольку речь идет о первых шагах на пути прочной оседлости. Да и экономическая основа поселений не была еще столь развитой, чтобы обеспечивать стабильную жизнь большого числа людей на относительно ограниченной площади. На характер поселений этого времени неизбежно должны были накладываться свой отпечаток и природно-географические особенности, свойственные для горных областей. Видимо, не случайно даже в начале XX в. число дворов в селениях высокогорных районов Дагестана оставалось чрезвычайно малым [Исламмагомедов, 1967, с. 113]. Крупные села (200—400 дворов) среднегорного пояса и низкогорий в свое время образовались из слияния значительно меньших поселений.

Бывший еще до недавнего времени традиционным для Дагестана горский тип малых поселений интересен еще и тем, что позволяет проследить связи характер-

расселения с социальной организацией общества. Для нас наиболее важно часто отмечавшееся в Дагестане совпадение малого поселения с кругом лиц, объединяющихся в родство понятием «тухум». Этимология слова неясна. Иногда в качестве его синонимов употребляют понятия, переводимые как «корень», «потомство», «род». Относительно сущности тухума у исследователей нет еще полной ясности. Но нет сомнений относительно его архаичности и того, что в первоначальном виде он сохранил признаки, присущие родовой общине. Все это, как нам кажется, проливает свет и на характер социальной структуры чохского неолитического поселения. Конечно, прямые сопоставления здесь вряд ли правомерны. Но других конкретных данных для этого не имеется. К тому же, если исходить из общих положений, то для периода раннего неолита Кавказа, и Дагестана в частности, действительно трудно предположить иную, чем родовая община, организацию социальной жизни. Этнография Дагестана, например, не знает других форм традиционного уклада жизни, кроме территориальной (соседской и союзно-соседской), родовой и большесемейной общины.

Следовательно, с определенной долей вероятности можно предположить, что обитатели чохского поселения объединялись в небольшую родовую общину, состоящую, возможно, из двух больших семей.

Последний вопрос, который следует затронуть в связи с рассматриваемой проблемой, касается численности обитателей поселения. Исходя из допущенного минимального значения числа обитателей жилища и учитывая, что таких жилищ было два, общее количество жителей поселения, по-видимому, должно было находиться в пределах 50.

Кремневый инвентарь

Сырьем для данной категории инвентаря в слое С, как и в нижележащем слое, служил кремль трех разновидностей: желтовато-серый окремненный известняк (31 экз., 1,8%), черный кремль (117 экз., 6,7%) и светло-серый полупрозрачный кремль (1584 экз., 91,5%). Как видим, качественное распределение исходного сырья здесь существенно не изменяется по сравнению со слоем D.

Сохранность кремня рассматриваемого культурного слоя несколько лучшая, чем более древнего материала этого же памятника. Пatina слабая, в подавляющем большинстве случаев частичная. Некоторые предметы имеют выразительные признаки обожженности.

Всего в раскопе № 2 (1980—1982 гг.) обнаружено 1732 кремневых предмета. Из них 59 (4%) имеют вторичную обработку. Насыщенность слоя небольшая — в среднем по 16 кремней на 1 кв. м. Распределение материала в слое и по вертикали, и по горизонтали неравномерное. Наибольшая часть инвентаря связана с двумя нижними горизонтами и сосредоточена в основном в западной части жилища — на участках с очагами и кострищами. Существенных отличий в качественном и количественном составе материала, происходящего из жилища и пространства за его пределами, не наблюдается. Перейдем далее к *техничко-типологической характеристике* рассматриваемого материала.

Первичная обработка, или техника раскалывания камня, в инвентаре слоя С в самом общем виде характеризуется господством мезолитическо-неолитических черт и сохранением некоторых архаичных элементов, которые являются пережиточными не только для данного слоя, но в не меньшей степени и для нижележащих мезолитических слоев. Это видно прежде всего из нижеприведенного классификационного списка нуклеусов:

Призматические прямоплощадочные	15
Конические	3
Упложенные двуплощадочные двусторонние	3
Аморфные	1
Неуклевидные обломки	10

Нуклеусы призматические прямоплощадочные (15 экз.) составляют количественно преобладающую группу. Они не отличаются существенно от подобных же ядрищ, описанных нами для нижележащих слоев. Высота изделий находится чаще всего в пределах 4 см, ширина в поперечнике — 3 см. Ударная площадка, как правило, получена несколькими сколами и расположена в основном перпендикулярно оси скалывания. Нуклеусы этого типа имеют тенденцию к превращению по мере раскалывания в конические. Снятие заготовок здесь равномерное круговое по периметру плоскости ударной площадки.

Нуклеусы конические (3 экз.) типологически близки

к вышеописанным. Один образец этой разновидности (рис. 25, 14) сохранил начальную стадию раскалывания. Он имеет правильную коническую форму. Ударная площадка округлая, плоская, расположена под прямым углом к оси скалывания. Первоначально юна получена одним широким снятием, а затем подправлена по периметру небольшими сколами. Скалывание производилось по всему периметру. Рабочая часть нуклеуса покрыта множеством негативов правильных, без каких-либо заломов, субпараллельных сколов шириной в среднем 0,5 см. Очевидно, первичное раскалывание здесь было нацелено на получение микропластинок. Почти все негативы полные, т. е. доходят до нижнего конца нуклеуса. Такой характер ядрища, вероятно, предполагает владение древними мастерами совершенными методами расщепления кремня (использование посредника, отжимное расщепление). Высота описываемого изделия — 4 см, диаметр ударной площадки — 3,5 см. Нижний конец нуклеуса точечный. Дальнейшая утилизация этого экземпляра должна была бы превратить его в карандашевидную форму. Это подтверждает другой образец, дошедший в виде обломка (рис. 25, 11). Судя по сохранившейся части, он представлял собой «истощенный» или близкий к таковому вариант конического нуклеуса. Целые типично карандашевидные ядрища из слоя С известны и по раскопкам В. Г. Котовича [1964, с. 151, рис. 33, 1, 4].

Нуклеусы двуплощадочные двусторонние (3 экз.) представлены также выразительными образцами. Эту разновидность изделий мы подробно характеризовали при описании материалов старых раскопок. В отношении аналогичных ядрищ слоя С добавить что-либо трудно. Существенно, пожалуй, лишь то, что здесь не наблюдается той варибельности архаических (подлевалдуазских) форм, которая характерна для нижележащих слоев. Преемственность, однако, сохраняется.

Таким образом, главная особенность первичного скалывания слоя С по сравнению с мезолитическими слоями памятника заключается в достижении максимального совершенства первичной обработки, подразумевающей стандартизацию в производстве микропластинок и пластинок. Характерно при этом, что пластины в инвентаре слоя С качественно не изменяются.

Заготовки в целом соответствуют описанным нуклеусам. Они подразделяются на следующие группы:

Пластины	80
Пластинки	48
Микропластинки	47
Отщепы	1036

Пропорции различных категорий заготовок в составе инвентаря слоя С несколько иные, чем в нижележащих слоях. Так, пластинчатые сколы составляют здесь всего 10% общего числа заготовок, тогда как в слое Е показатель равен 33,5%, а в слое D — 19%. Соответственно увеличивается значение отщепов. Вместе с тем доля микропластинок в общем количестве пластинчатых сколов заметно возрастает — 27% против 14% в слое D и 16% — в слое Е. Сказанное относится и к пластинкам. Поскольку эти изменения отражались и на характере орудий, в них, вероятно, можно видеть дальнейшее развитие тенденции к микролитизации инвентаря. Последнее находится в полном согласии как с хронологической позицией культурного слоя, так и с хозяйственной деятельностью обитателей поселения, испытывавших необходимость в широком использовании вкладышевой техники (например, для жатвенных орудий). Абсолютное же преобладание отщепов, по-видимому, не играет здесь определяющей роли, так как в составе готовых орудий их количественное господство как исходных заготовок не столь очевидно. Отходы производства в инвентаре слоя С в количественном отношении занимают примерно такое же место, как и в мезолитическом слое D. Они составляют 28,8% общего числа кремневых изделий (в слое D — 30%). Не отличается здесь и состав категорий:

Обломки	80
Осколки	106
Чешуйки оббивки	151
Мелкие обломки заготовок	91
Крайевые сколы с нуклеусов	6

Практически ничем не отличается от нижележащих слоев и техника вторичной обработки комплекса слоя С. Здесь представлены кроме различных вариантов ретуши и резового скола подробно описанные уже выше приемы подтески и различных вариантов усе- чения заготовок.

Ретушь не очень разнообразна. Господствует тип крутой ретуши, затем идут мелкая пологая и полукру- тая разновидности. Наличие ретуши плоской или «на-

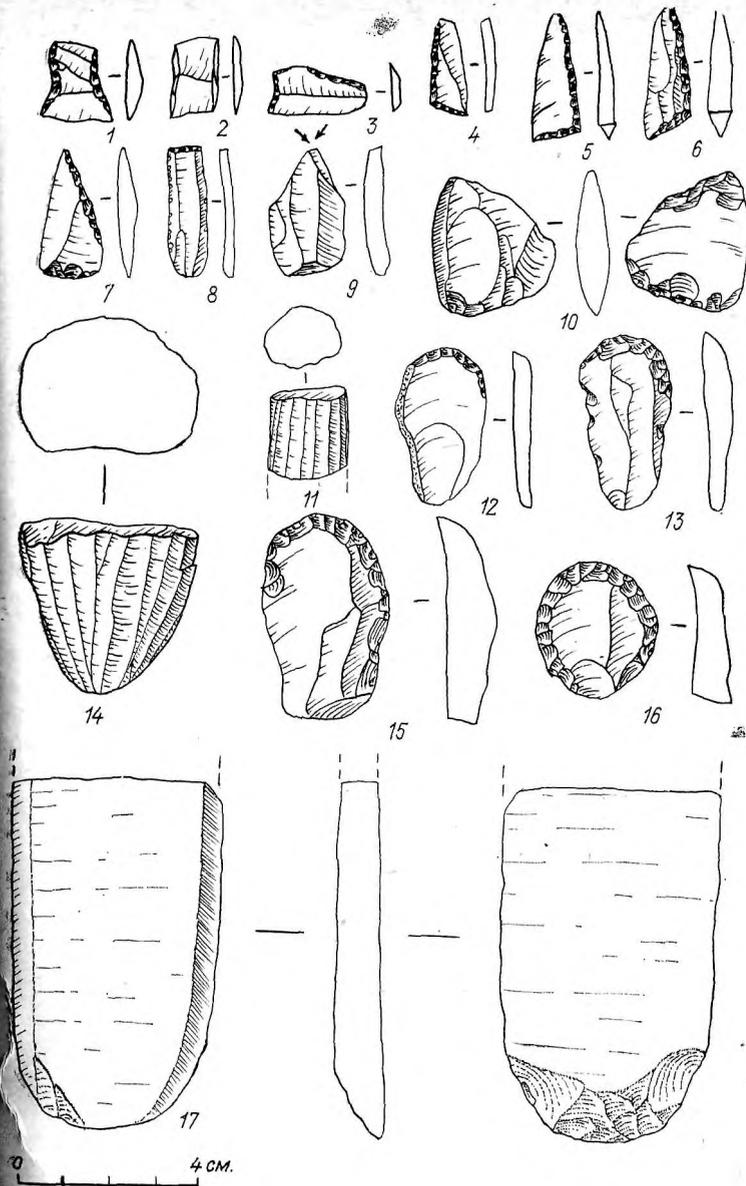

Рис. 25. Чохское поселение. Раскопки 1980—1982 гг. Слой С. Образцы каменных изделий (1—16 — кремль, окремненный известняк; 17 — сланец): 1—3 — трапеции; 4—6 — удлиненные асимметричные треугольники; 7 — острое чоховского типа; 8 — пластинка поперечноретушная; 9 — резец срединный; 10 — долотовидное изделие; 11, 14 — нуклеусы; 12—13, 15—16 — скребки; 17 — обломок мотыжки

стильной» («ползучая», по терминологии некоторых авторов) не отмечается. Такая картина бывает характерна для индустрий со значительным содержанием острий и обилием геометрических форм.

Резцовый скол отмечен только на резцах. Иногда он один и комбинируется с плоскостью поперечного излома заготовки, иногда встречается сочетание двух резцовых сколов.

Обобщая краткие замечания о технике обработки кремневых изделий, можно отметить следующее. Разница между инвентарями слоя С и нижележащих мезолитических слоев более заметна в технике первичного раскалывания, чем в окончательной отделке орудий. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что необходимость стандартизации заготовок диктовала прежде всего совершенствование техники расщепления нуклеуса. Достижение этого, в свою очередь, упрощало задачи вторичной обработки и приемы последней не испытывали по этому существенных изменений.

Наиболее выразительные отличия сопоставляемых комплексов выявляются в типологии орудий, к описанию которых мы переходим.

Раскопки слоя С в 1980—1982 гг. доставили 69 изделий со вторичной обработкой, что составляет 4% всех кремневых предметов. В действительности орудий, вероятно, было больше, так как мы не включаем в это число изделия, которые могли быть использованы (например, пластинки-вкладыши в жатвенные орудия), но не имеют следов ретуши. Количественный состав и морфологическое разнообразие орудий характеризует следующий список:

Скребки концевые длинные	3
Скребки концевые короткие	4
Скребки круглые	5
Скребки массивные	2
Резцы на углу излома	3
Резцы срединные	2
Ножи с ретушированным наклонным обушком	2
Острия чохского типа:	
вариант I	2
вариант II	3
вариант IV	1
Орудия с подтеской	3
Удлиненные асимметричные треугольники	7
Высокие трапеции	3
Трапециевидные сечения пластин	2
Пластины пряморетушные	1
Пластины и отщепы с участками ретуши	26

Скребки концевые длинные (3 экз.) изготовлены на пластинах, отношение длины к ширине которых равно или больше значения 2:1. Максимальная ширина у этих изделий приходится на верхний конец. Ретушь занимает лишь рабочую часть орудия (рис. 25, 13). Длина скребков этого типа равна в среднем 4 см и соответствует высоте большинства нуклеусов. Ширина равна или чуть меньше 2 см.

Скребки концевые короткие (3 экз.) отличаются от вышеописанных характером заготовки. Последние представлены здесь отщепами. Средние размеры этой разновидности скребков: длина — 3 см, ширина — 2,5 см. Характер обработки рабочей части не отличается от других разновидностей орудий данной категории.

Скребки круглые (5 экз.) — новый для слоя С тип орудий. В нижних слоях подобные изделия не обнаружены. Скребки этой формы изготовлены на отщепе. Вторичная обработка придает им круглые в плане очертания. Ретушь полукруглая крупная краевая регулярная, на некоторых участках двухрядная скребковая — охватывает весь или почти весь периметр орудия. Иногда незанятым ретушью остается приплощадочная, бугорковая часть заготовки (рис. 25, 16). Скребки этого типа, как известно, наиболее диагностичны для конца мезолита и неолита.

Скребки массивные представлены в инвентаре слоя С одним экземпляром. Это орудие на некрупном обломке с узкой скребковой кромкой. Характер и очертания заготовки, единичность изделия и небрежность вторичной отделки рабочей части свидетельствуют о том, что это орудие для данного комплекса нетипично.

Резцы на углу излома (2 экз.) изготовлены на обломках отщепов. С плоскости поперечного излома вдоль одного из краев заготовки снимался один резцовый скол, который и создавал рабочую кромку.

Резцы срединные (2 экз.) представлены таким же незначительным числом экземпляров, что и вышеуказанные, но более выразительны. Заготовками для них послужили пластины. Резцовая кромка оформлена двумя перекрещивающимися примерно посередине заготовки сколами (рис. 25, 9).

Ножи с ретушированным наклонным обушком (2 экз.) по размерам и характеру вторичной обработки ничем не отличаются от подобных же

изделий, описанных нами для нижних слоев памятника. Острия чохского типа (6 экз.) — руководящие орудия чохской культуры — представлены в слое С тремя вариантами. Вариант I (2 экз.) — изделия на мелких пластинах с диагональным ретушным усечением края и утончением основания с брюшка — основная форма острей описываемого типа. Вариант II (3 экз.) — подобные же изделия с утончением основания со спинки (рис. 25, 7). Вариант IV — острия, отличающиеся от двух названных разновидностей естественно заостренным основанием. Несмотря на указанные вариации в способах утончения основания, острия чохского типа составляют выдержанный тип с довольно стандартными размерами: длина в среднем — 2,5—3 см, ширина — 1—1,5 см. О значении этого типа орудий для определения культурной специфики инвентарей чохского поселения уже говорилось. Наличие их в неолитическом слое С является еще одним веским фактом, свидетельствующим о прямой культурной преемственности между мезолитом и неолитом Чоха.

Орудия с подтеской (3 экз.) также еще сохраняются в слое С. Как правило, они изготовлены на отщеплах. Один или оба конца этих предметов (рис. 25, 10) имеют на брюшковой стороне негативы широких плоских чешуйчатых снятий, образующих острую протяженную кромку. Описываемые орудия часто называют стамесками или долотовидными изделиями. Мы определяем их в данной работе по аналогии с верхнепалеолитическими орудиями *pièces écaillées* как «орудия с подтеской» или «предметы с элементами подтески». Средние размеры этих изделий слоя С таковы: длина — 2,5 см, ширина — 2 см.

Удлиненные асимметричные треугольники (7 экз.) слоя С составляют выразительную серию. Мы уже указывали, что они представлены в ниже лежащих слоях в тупоугольном варианте, т. е. угол, образуемый двумя обработанными крутой ретушью краями, больше 90°. Таковы же они и в описываемом комплексе. Исходной заготовкой для этих орудий служили чаще всего пластинки. Размеры крупных экземпляров нижних удлиненных асимметричных треугольников (рис. 25, 4—6) таковы: длина 3 см, ширина 0,9 см. Их мелкие разновидности имеют длину 2,2 см и ширину 0,7 см.

Высокие трапеции (3 экз.) — изделия, при-

дающие своеобразный колорит чохской археологической культуре. По материалам старых раскопок они известны для данного слоя в нескольких вариантах: симметричные и асимметричные, с выемкой на вершине и без такой выемки, с вогнутыми и прямыми боковыми сторонами, типично трапециевидные и близкие прямоугольной форме. Но при этом они всегда имеют высокие пропорции, что заметно отличает их от более характерных для мезолита и неолита Кавказа (особенно Западного Кавказа) низких удлиненных трапеций.

В рассматриваемом нами комплексе трапеции близки к симметричным и имеют обработку в виде крутой ретуши лишь на боковых сторонах. Средние размеры этих изделий следующие: высота — 1,8—2 см, ширина основания — 1,5—1,7 см, ширина вершины — 1—1,2 см. По пропорциям они довольно сильно отличаются от трапеций, происходящей из нижнего слоя Чохского поселения (слой E). Один из описываемых здесь экземпляров (рис. 25, 1) имеет слегка вогнутые боковые стороны.

Трапециевидные сечения пластин (2 экз.) по пропорциям объединяются с предыдущей разновидностью геометрических микролитов. По форме, правда, они скорее напоминают прямоугольники (рис. 25, 2). Однако основания этих орудий, которые приходятся на режущие кромки исходной заготовки, значительно короче, чем высота грани поперечного излома — сечения. Это характерная черта трапеций данного комплекса. Прямоугольники же, полученные они ретушью или ударным усечением, имеют всегда иные пропорции. У последних основание изделия бывает значительно длиннее, чем высота. К тому же прямоугольники, как правило, оформлялись на пластинках, т. е. ширина заготовки не превосходит 1,2 см. Рассматриваемые здесь же изделия, как и типичные высокие трапеции, всегда связаны с пластиной как исходной заготовкой. Высота у таких микролитов бывает равна ширине пластины. Поэтому, собственно, они и являются высокими. В данном случае, например, высота трапециевидного сечения составляет 2 см при ширине основания 1 см. Технику осуществления простого (безретушного) сечения в комплексах Чоха выше мы описывали.

Пластинки пряморетушные представлены двумя экземплярами. Один из них представляет собой пластинку, верхний конец которой подвергся прямому поперечному усечению крутой ретушью. Участок мелкой

полукрутой ретуши наблюдается и в нижней части одного из краев изделия. Подобные предметы известны в самых разных памятниках каменного века, и служили они чаще всего заготовками для пряморетушных резцов. Другое изделие (рис. 25, 8) по своей форме стоит близко к прямоугольникам. Изготовлено оно на микропластинке. Длина орудия — 3 см, ширина — 7 см. Верхний конец заготовки, как и у предыдущего изделия, усечен крутой ретушью. Вдоль одного из краев отмечается выкрошенность кромки, характерная для интенсивно утилизированных предметов. Возможно, описываемое изделие является вкладышем составного орудия с протяженным режущим краем.

Наконец, среди кремневого инвентаря слоя С имеется 25 пластин, пластинок и отщепов с частичной краевой ретушью. Их четкое типологическое различие затруднительно.

Заклучая технико-типологическое описание кремневого инвентаря неолитического слоя, следовало бы дать соответствующие интерпретации. Однако это уже было сделано при обобщении материалов раскопок 1955—1957 гг., поэтому здесь во избежание повторов отметим лишь самое главное.

Во-первых, проанализированный материал находится в полном соответствии с раннеолитической датировкой слоя С. Возможные рассуждения о том, что архаические неолитические черты могли на данной территории переживать и в более позднее время, подобно тому как это было на Северо-Западном Кавказе, приходится отбросить. Различия между кремневым инвентарем слоя С Чоха и типично энеолитического дагестанского памятника Гинчи имеют эпохальный масштаб. Каменная индустрия Гинчи основана на крупнопластинчатой технике, нуклеусы для микропластинок (конические, карандашевидные) здесь полностью отсутствуют, набор категорий орудий несравненно беднее, чем в слое С Чоха, и, наконец, здесь совершенно не представлены геометрические микролиты [Гаджиев, 1980б]. Примерно такая же картина характерна и для раннеземледельческих энеолитических памятников Закавказья.

Во-вторых, кремневый материал рассматриваемого слоя обнаруживает несомненную генетическую связь с нижележащими мезолитическими слоями памятника. Об этом нами также уже говорилось.

Орудия из известняка и сланца

Каменные орудия слоя С Чохского поселения изготовлялись в ряде случаев из известняка и сланца. Переходя к описанию этих предметов, приведем прежде всего их список:

Известняковые изделия

Обломки зернотерок	5
Камни-терочники	1
Куранты	2
Наковаленки	2
Отбойники-ретушеры:	
крупные	32
мелкие	11
Обломки галек с железистыми включениями	3

Сланцевые изделия

Мотыжка	1
Обломок надочажной плиты	1
Мелкие плитчатые обломки	59

Обломки зернотерок (5 экз.). Самый крупный экземпляр представлен поперечно-продольным обломком треугольных очертаний. Максимальная ширина предмета — 22 см, максимальная длина — 20 см. Максимальная толщина приходится на плоскость продольного излома и равна 7 см. Нижняя поверхность изделия овальная — показатель того, что исходная заготовка связана с валуном; верхняя поверхность — слегка ноздреватая, ровная, с легким прогибом. Сохранившийся край орудия имеет следы оббивки, свидетельствующие о целенаправленном придании изделию определенной формы.

Другой экземпляр сохранился на всю ширину и представлен поперечным обломком размерами: длина — 14 см, ширина — 14 см, толщина — 7 см. Очертания обломка — подчетыреугольные. Нижняя и верхняя поверхности плоские, закругляющиеся к краям. Заготовкой для зернотерки послужил, как и в прочих случаях, крупный валун. Рабочая поверхность стерта довольно сильно, характерной для орудий этого рода вогнутости не имеет. В процессе своего оформления она была покрыта тщательной сплошной пуансонной насечкой. Это должно было способствовать более эффективному размалыванию зерна. Такая техника отмечается только на описываемом предмете. Необходимость ее была вызвана

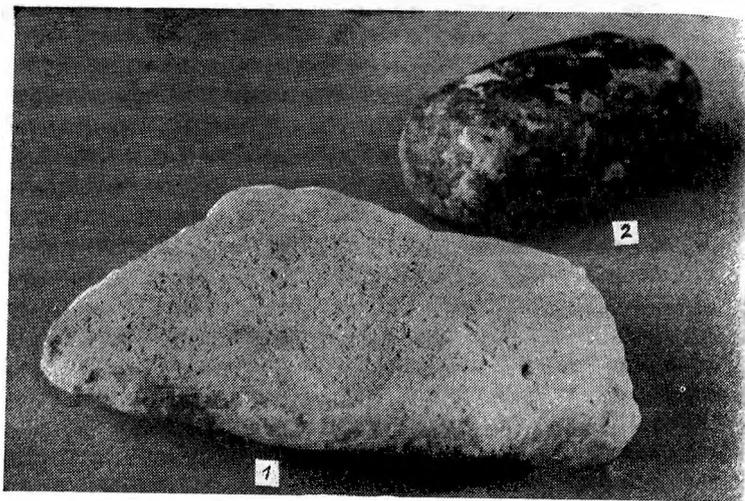

Рис. 26. Чохское поселение. Раскопки 1982 г. Слой С. Обломок зернотерки и курант. Известняк

тем, что материал последнего (мелкозернистый известняк) при продолжительном трении дает отшлифованную поверхность, что создает неудобства для растирания на ней зерна. Прием намеренной насечки жерновов механических водяных мельниц отмечался в Дагестане до самого последнего времени.

Третий обломок зернотерки (рис. 26, 1) имеет поперечный излом. Рабочая поверхность у него уже, чем у других экземпляров. Размеры обломка: длина — 14 см, ширина — 12 см, толщина в плоскости излома — 3,5 см. Нижняя поверхность — округлая, без следов обработки; верхняя имеет мелкоячеистую структуру, сработана и слегка вогнута.

Четвертый экземпляр близок по очертаниям, пропорциям, исходной заготовке и характеру рабочей поверхности первому из описанных нами обломков зернотерок.

И наконец, пятый экземпляр представлен мелким концевым обломком в виде полоски длиной 3 см, шириной 13 см и толщиной 3 см. Он имеет четкие признаки зернотерки, но охарактеризовать по нему все изделие затруднительно.

Камень-терочники. В инвентаре слоя С имеется одно орудие этой категории, связанное, по-видимому, с зернотерками. Оно имеет овальную форму и плоско-вы-

пуклое сечение. Один край изделия обломан. Плоская (рабочая) поверхность обработана, как и у одного из описанных выше обломков зернотерок, точечной насечкой. Размеры терочника: длина — 14 см, ширина — 14 см, толщина — 4,5 см. Функционально это орудие, вероятно, служило для растирания зерна в качестве «верхнего камня».

Наковаленки (2 экз.). Одна из них представлена целым экземпляром, для которого приспособлена массивная вытянутая галька размерами: длина — 11,5 см, ширина — 9 см, толщина — 7,5 см. Рабочая площадка связана с массивной торцевой частью заготовки и представляет собой округлую плоскость диаметром 4 см.

Второй экземпляр дошел в обломанном виде. Заготовкой для него послужила тоже галька, но уплощенная. Соответственно и рабочая часть приурочена к одной из плоскостей заготовки.

Куранты (2 экз.) Один из предметов (рис. 26, 2) сохранился целиком. Под это орудие приспособлена удлиненная галька подпрямоугольных очертаний. Сечение изделия близко к квадрату, но имеет закругленные края. Обе торцовые поверхности плоские, имеют следы интенсивной забитости. Один из этих концов имеет по периметру негативы обломов. Размеры орудия: длина — 11 см, ширина — 5 см, толщина — 4,7 см. Характер забитости концов куранта говорит об его использовании предположительно для дробления чего-либо, возможно охристых конкреций и (или) примесей в тесто керамики. Второе изделие представлено продольно-поперечным обломком. Судя по сохранившейся части, оно имело те же форму и пропорции, что и вышеописанное.

Отбойники-ретушеры разделены нами на две разновидности: крупные (32 экз.) и мелкие (11 экз.). Крупные экземпляры имеют в среднем в длину 8 см, ширину — 6 см, толщину — 2,5 см. У изделий второй разновидности эти средние показатели иные: длина — 5 см, ширина — 3 см, толщина — 1,5 см. Отбойники-ретушеры обеих групп изготовлены из разнообразных речных галек. Типологически они близки к курантам. Существенное отличие их от последних заключается не только в размерах, но, что более важно, в характере рабочей части: у отбойников-ретушеров рабочие участки значительно более ограниченные, чем у курантов, и не имеют характера грубой забитости.

Описываемый ряд категорий вещей завершают обломки галек с железистыми включениями (3 экз.). Они имеют небольшие размеры и все сильно обожжены. Складывается впечатление, что обжигали их намеренно для переработки в минеральную краску (охру).

Интересной особенностью валунно-галечных заготовок описанных выше групп орудий является то, что почти все они происходят не из русла протекающей рядом с поселением речки Бакдакули, а из древних (возможно раннеплейстоценовых) галечников, относившихся к иной речной системе и сохранившихся в виде останцов на несколько десятков метров выше дна современной долины, на плато. Об этом говорит степень окатанности материала и нехарактерный для Турчидагского (Кегерского) глато петрографический состав части валунов и галек. Древние обитатели поселения знали места залегания останцов этих древних галечников и, как показывает материал, активно использовали их для добычи необходимого сырья. Такое целенаправленное изучение и интенсивное использование обживаемой территории было возможно лишь при условии долговременной оседлой жизни, что документируется и характером всего остального археологического материала, происходящего из слоя С.

При разборке культурного слоя С попадались и мелкие обломки тонких сланцевых плиток. Учитывая, что их нахождение в слое не могло быть обусловлено естественными причинами, и помня о находке в раскопе № 1 сланцевого жатвенного ножа, мы брали в качестве артефактов все сланцевые предметы. Подавляющее большинство их представлено мелкими аморфными обломками, но имеются и два изделия.

Мотыжка (1 экз.) сохранилась в виде поперечного обломка (рис. 25, 17). Исходной заготовкой послужила плитка, отколовшаяся или намеренно сколотая с удлиненной речной гальки из опесчаненного сланца. Толщина заготовки — 0,9 см, ширина в средней части — 4,3 см, длина (в обломанном виде) — 7,5 см. Рабочая часть шириной 4,1 см приурочена к сохранившейся концевой части пластины. Последняя обработана с одной стороны тремя широкими сколами и тем самым заострена. Форма рабочего конца — полукруглая. На оформленной оббивной кромке имеются следы легкой забитости. Описанный характер обработки изделия и особен-

ности рабочего элемента позволяют считать его орудием для разрыхления почвы. Характер исходного сырья орудия таков, что использование его для работы по твердому материалу (например, дерево) было невозможно. Размеры и очертания рабочей части описываемого предмета имеют определенное сходство с костяными мотыжками с узким рабочим краем энеолитических памятников Центрального Закавказья [Мунчаев, 1982, с. 148]. Вместе с тем обе сравниваемые формы обнаруживают отсутствие какого-либо сходства по форме с орудиями подобной категории из неолитических памятников Западного Закавказья. Под последними имеются в виду мотыжки «соchi-адлерского» [Формозов, 1965] и «сухумского» [Бжания, 1966] типов.

Обломок надочажной плиты (1 экз.) обнаружен в верхней части заполнения основного очага жилища. Рядом с ним находилось несколько более мелких обломков. Изделие представляет собой сегментовидной формы обломок сланцевой плитки размерами: длина — 16 см, ширина — 12 см, толщина — 2 см. По дуге плитки обработана четырьмя мелкими сколами. В целом виде изделие должно было иметь округлые в плане очертания. Вся поверхность плитки равномерно обызвесткована. На одной плоскости под известковым налетом наблюдается обожженность камня. Условия обнаружения и характерные признаки этого изделия позволяют определить его как фрагмент надочажной плиты. Это предположение подкрепляют этнографические и языковые данные. В некоторых селениях Дагестана еще до недавнего времени подобные сланцевые плиты наряду с современными приспособлениями использовались для выпечки лепешек. Интересно и то, что во многих дагестанских языках каменная плита вообще, сланцевая надочажная плита, чугунная печная плита и сковорода называются одним и тем же словом, означающим «плита». Само это обобщающее слово «плита», если оно не уточняется в контексте, всегда понимается именно как плита каменная. Это один из многих этнографических штрихов, позволяющих проникнуть в суть находок памятника и всего поселения в целом.

Керамика

Раскопками 1980—1982 гг. из слоя С Чохского поселения получено около 900 фрагментов керамики. Физи-

ческая сохранность их удовлетворительная. Влияние среды слоя на содержащуюся в ней керамику выразилось в образовании на поверхностях обломков сосудов известковистого налета разной степени интенсивности. Археологическая сохранность керамики значительно хуже — подавляющее большинство фрагментов имеет размеры, не превышающие 3×3 см.

В планиграфии остатков посуды имеется некоторая закономерность. Так, наибольшее скопление их отмечается вокруг очагов и кострищ, причем некоторые из найденных здесь фрагментов хотя и с трудом, но подбираются друг к другу. Именно таким образом примерно наполовину собрана небольшая чаша. Более крупный сосуд в виде слабопрофилированного горшка собран почти на одну треть. Для частичного сбора этого сосуда использовано 28 фрагментов. Исходя из средних размеров последних, можно предполагать, что для полного восстановления формы необходимо было бы не менее 60 таких фрагментов. Подбирающиеся друг к другу фрагменты располагались почти исключительно на одном уровне или в пределах одного условного горизонта.

Для характеристики техники и технологии изготовления керамических сосудов и приемов формовки мы основываемся лишь на визуальных наблюдениях. Представляется, что большое количество имеющегося материала делает их достаточно надежными. Следует прежде всего отметить, что вся чохская керамика лепилась вручную путем ленточного наращивания. Свидетельством этого является не только характер поверхностей черепков и пропорции восстановленных форм, но и несколько фрагментов обломившихся по стыку соединения лент. В процессе формовки сосуд устанавливался на каменную основу, возможно на некоторые из сланцевых плит, обломки которых выше мы характеризовали. Указанием на это является ноздреватость внешней поверхности дна сосудов, соответствующая характеру поверхностей отмеченных плиток. На этих же каменных плитках сосуды, вероятно, покоились и при обжиге, так как дно оставалось незаглаженным, тогда как вся остальная поверхность, в том числе и внутренняя, заглаживалась ладонью и каким-то мягким материалом (трава? шкура?). Возможно, твердая основа способствовала появлению и отмечаемых здесь закраин днищ сосудов.

Заглаживание внутренней поверхности горшка производилось движениями снизу вверх, а на участках, при-

мыкающих к венчику, — горизонтально. Иногда внутренняя поверхность отделялась более тщательно — до слабого залощения. В коллекции имеется 9 мелких фрагментов (около 1% всей керамики) со слегка залощенной внутренней поверхностью. Толщина стенок разных сосудов, как и разных частей одного сосуда, варьировалась. Стенки нижней, особенно придонной, части всегда имеют утолщение, а иногда просто массивны. От этого, по-видимому, зависит и степень обжига материала. Относительно тонкостенные черные в изломе черепки (до 0,7 см) составляют господствующую часть керамики слоя С. Они легкие на вес, плотные и довольно сильно обожженные. Более толстые фрагменты (до 1,5 см) поддаются крошению и двуцветны в изломе. Обычно сочетаются черный (с внутренней) и желтовато-серый (с наружной стороны) цвета. В них отмечаются признаки недостаточного обжига или его неравномерности.

Характер изломов дает возможность рассмотреть состав теста керамики. В основе формовочной массы была слегка опесчаненная глина, которая залегает в естественном обнажении борта долины в непосредственной близости от поселения. Добавкой к ней служили дресва и мелкодробленая керамика. Видимых признаков органических примесей не отмечается. Наличие единичных фрагментов, вся масса которых имеет довольно интенсивный красный цвет, позволяет предположить, что в особых случаях в тесто добавлялось большое количество минеральной краски в виде порошка растертой охры.

Для *формальной типологии* керамики Чохского поселения мы располагаем только двумя археологически целыми формами. Первая из них представлена чашей без ручки (рис. 27). Цвет ее внутренней и внешней поверхностей — темно-серый, местами желтовато-серый; толщина стенок равномерная и составляет 0,6 см; дно плоское; венчик прямой, горизонтально срезанный. Высота чаши — 5 см; диаметр дна — 8 см; диаметр по венчику — 11,8 см.

Второй слабопрофилированный сосуд имеет форму горшка (рис. 28). Судя по относящемуся к нему фрагменту, дно его было плоским с закраиной. От придонной части примерно на две трети высоты вверх сосуд расширялся, а затем плавно сужался к горловине. Орнаментация отсутствует. Поверхности имеют цвет от темно-серого до коричневатого-серого. Диаметр дна и вы-

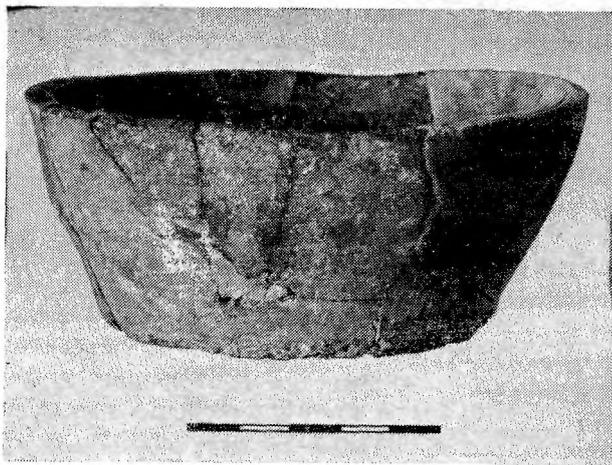

Рис. 27. Чохское поселение. Раскопки 1981 г. Слой С. Чаша.

сота восстанавливаются графически. Первый равен 12 см, а высота должна была составлять примерно 20 см. Диаметр по венчику составляет 15,5 см, по наиболее широкой части сосуда — 20 см. Толщина черепка равномерная, слегка утолщающаяся к придонной части (в среднем 0,7 см). Венчик невыделенный, горизонтально срезанный. Обжиг хороший.

Остальная масса керамики может быть разделена на *техничко-технологические группы* по рассмотренным нами выше признакам. Наиболее показательной с количественной стороны является группа относительно тонкостенной керамики с теми же особенностями черепка, что и у описанных целых форм сосудов. Вторая, количественно меньшая, группа смыкается с первой, отличаясь от нее большей толщиной стенок (до 1,5 см). Третья группа выделяется по тому же признаку и представлена тремя фрагментами закругленного прямого венчика толщиной до 3 см. Эта группа характеризуется и некоторыми другими особенностями: явно недостаточная обожженность, относительная рыхлость, крупный размер фракций добавок в тесто, однородный желтовато-серый цвет. Говорить о форме и размерах сосуда по этим фрагментам затруднительно. Четвертая группа включает уже охарактеризованные выше фрагменты (9 экз.) со слабой залощенностью внутренней поверхности. Разме-

ты этих фрагментов обычны для основной массы обломков керамики слоя С — в среднем 3×3 см.

Несмотря на технологические особенности указанных групп, формально-типологически все они однообразны и сводятся к наличию плоского дна, непрофилированных стенок и невыделенного горизонтально срезанного венчика.

Орнаментация керамики слоя С Чохского поселения, по-видимому, была весьма скудной. Сохранилось лишь два фрагмента с элементами налепного орнамента. В общей массе керамики слоя они занимают лишь 0,2%. Один из этих обломков имеет на себе пару шишечковидных налепов, а второй — небольшой валик с расчленением. Прием орнаментации парными шишечковидными налепами известен в ранней керамике Кавказа. Он считается характерным для энеолитического круга памятников типа шулавери-шомутепе [Кушнарева, Чубинишвили, 1970].

Второй из указанных приемов широко распространен в памятниках эпохи бронзы. Однако там он всегда сопровождается другими разновидностями орнамента: прочерченного, ямочного и т. п. Здесь же этого нет, как нет его и в случае, когда орнамент в виде расчлененного валика был зафиксирован в дагестанском энеолитическом памятнике Гинчи [Гаджиев, 1980 б].

При характеристике указанных орнаментированных фрагментов и керамики слоя в целом нужно исходить именно из конкретных аналогий, а не из обобщенных представлений. Игнорирование этого может привести и уже приводило к ошибкам в понимании исследуемого материала (в данном случае чохского). Напомним, что первый исследователь памятника В. Г. Котович исключал из рассмотрения керамику, считая ее попавшей в культурный слой Чоха случайно и связывая ее с людьми, оставившими недалеко от поселения могильник эпохи бронзы Нохола-ад. Обитатели бронзового века действительно посещали место Чохского поселения и, возможно, даже использовали его для своих хозяйственных и производственных нужд. Но керамика неолитического слоя Чоха в действительности иная, нежели керамика указанного могильника эпохи бронзы. Все фрагменты, обнаруженные в последнем, относятся к профилированным сосудам с отогнутыми венчиками. На них имеется орнамент в виде елочки, косорасположенных углублений, округлых вдавлений по тулову, валика, украшенно-

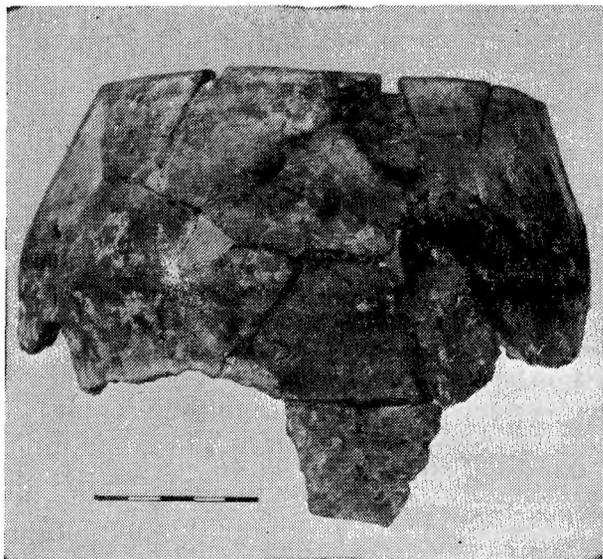

Рис. 28. Чохское поселение. Раскопки 1981 г. Слой С. Фрагмент сосуда

го косыми углублениями, большого налета рогообразной формы и др.» [Мунчаев, 1954, с. 31, рис. 20].

Следует отметить, что в 1954 г. Чохское поселение исследовалось параллельно с упомянутым могильником одной и той же экспедицией. Следовательно, имелась возможность непосредственного сравнения происходящего из обоих памятников материала. И тогда, по-видимому, тоже не складывалось впечатление об идентичности керамики поселения и могильника. В отчете за этот год мы читаем: «Для культурно-исторического осмысления памятника (имеется в виду верхний культурный слой Чохского поселения, — Х. А.) важно наличие здесь нескольких фрагментов керамики архаического типа. Сочетание их в комплексе с кратко описанными выше кремневыми орудиями позволяет отнести данный памятник к эпохе неолита» [Мунчаев, 1954, с. 10]. Это мнение позже было пересмотрено В. Г. Котовичем. Пересмотр объяснялся не столько сомнениями в архаичности чохских фрагментов керамики, сколько нарушением верхней части культурных отложений раскапывавшегося В. Г. Котовичем участка поселения.

Таким образом, вопрос о соотношении керамики Чохского поселения и могильника Нохола-ад после новых раскопок и получения массового материала стал ясным. Но для относительной археологической датировки важно провести сравнение материалов данного слоя с соответствующим инвентарем хронологически более близкого памятника Дагестана. Таким памятником является энеолитическое поселение Гинчи, датировка которого первой половиной IV тысячелетия до н. э. [Мунчаев, 1975, с. 114] не вызывает сомнений у исследователей. По каким бы показателям мы ни произвели это сопоставление, оно с очевидностью показывает, что гончарное дело у обитателей энеолитических памятников Дагестана было значительно более развитым, чем у жителей Чохского поселения. В материалах Гинчи зафиксированы технико-технологические и типологические особенности керамики, совершенно отсутствующие в инвентаре Чоха. К таким особенностям, в частности, относятся: использование при формовке сосудов циновок, грубых тканей, корзин; господство черепков с красным обжигом при единичности фрагментов с серым и особенно с черным обжигом; наличие таких форм, как жаровни со сквозными отверстиями под закраиной, корчагообразные сосуды, высокие горшки с широкой цилиндрической горловиной и многие другие.

Различия в керамике сравниваемых комплексов касаются не только гончарных форм в целом, но многих существенных элементов оформления сосудов. Главным из них является наличие у разнообразных форм посуды Гинчи ручек нескольких вариантов. Последние представлены там в виде горизонтальных державок, полусферических выступов с горизонтальным отверстием, ленточных ручек и валиковых ручек сегментовидного сечения [Гаджиев, 1980б, с. 15]. Можно было бы привести еще немало фактов, указывающих на существенные различия керамики Чоха и Гинчи (мы не упоминали, например, о наличии в Гинчи расписной керамики), но и приведенных данных достаточно, чтобы убедиться в справедливости сделанного на основании анализа кремневого инвентаря вывода о существовании между культурами слоя С Чоха и поселения Гинчи разницы эпохального масштаба, равной различиям между неолитическим и типично энеолитическим памятниками кавказско-ближневосточной зоны.

Если, далее, сравнить чохскую керамику с керами-

кой более раннего, чем Гинчи, дагестанского памятника Малин-карат, то и тут различий обнаруживается больше, чем сходства. Указанный памятник входит в группу «ругуджинских стоянок» (Малин-карат, Архинда, Мучу-Бахил-Бакли), исследованных в 50-х годах разведочными раскопками. Производивший их В. Г. Котович относит все эти памятники к концу неолита (конец V тысячелетия до н. э.). В культурных слоях ругуджинских стоянок наряду с кремневыми изделиями были найдены фрагменты керамики. В инвентаре стоянки Малин-карат удалось выделить две формы сосудов: крупный горшок и чашу. По словам В. Г. Котовича, «форма горшка несколько напоминает биконическую. Дно не сохранилось. Его верхняя часть отличается сравнительно тонким профилем, заканчивающимся слегка уплощенной закраиной. Наружная поверхность верхней части сосуда заглажена и орнаментирована рядом круглых сквозных отверстий, располагавшихся под венчиком на равном расстоянии друг от друга». Второй сосуд охарактеризован как глубокая чаша «со слегка выпуклыми стенками и округлым или несколько уплощенным дном. Ее края чуть загнуты внутрь, закраина слегка уплощена. Наружная поверхность тщательно заглажена. Цвет обеих поверхностей охристо-красный. Обжиг недостаточный. Поверхности „пачкающие“» [Котович, 1964, с. 206].

Таким образом, в ругуджинских памятниках представлены те же типы сосудов, что и в слое С Чоха. Характерна и сочетаемость там и тут двух форм — горшка и чаши. Горшок слабопрофилированный, с невыраженным венчиком и уплощенной закраиной. Чаша в обоих случаях глубокая, без ручки. Но столь же очевидны и различия. В керамике Малин-карат много черт, сближающих ее с материалами Гинчи. В. Г. Котович особо подчеркивал своеобразие керамики ругуджинских памятников и сохранение некоторых важных ее особенностей в последующие эпохи археологии Дагестана. По этому поводу он писал: «В конце V тысячелетия до н. э. в горном Дагестане бытовала керамика, орнаментированная горизонтальными рядами сквозных отверстий и обмазанная в нижней части тулова жидкой глиной. Оба эти приема не получили сколько-нибудь значительного распространения в керамическом производстве за пределами Северо-Восточного Кавказа, особенно Дагестана ни в неолите, ни в последующую эпоху меди и бронзы».

Исходя из этого, делалось заключение, что «некоторые элементы дагестанского неолита уходят своими корнями в местную неолитическую среду» [Котович, 1964, с. 209, 210].

Позднее к материалам ругуджинских стоянок обратился М. Г. Гаджиев. Сопоставляя их с инвентарем Гинчи, он указал на наличие между ними значительного сходства. Объяснение этому он видел в хронологической близости памятников, допуская даже датировку ругуджинских комплексов неолитом. Выявляемые же при сравнении различия объясняются функциональными различиями памятников. Но и относя Малин-карат и другие связанные с ним памятники к неолитическому времени, М. Г. Гаджиев отметил, что они все же несколько древнее Гинчи [Гаджиев, 1980б, с. 19].

Вопрос о том, к какому времени относятся ругуджинские памятники — к позднему неолиту или к раннему неолиту, — не принципиальный. В конце концов, грань, разделяющая эти хронологические отрезки, не столь очевидна и существенна. Для нас важно другое, а именно то, что керамика Чохского поселения обнаруживает своеобразие при сравнении не только с типично неолитическим памятником Гинчи, но и с комплексами более ранними, чем последний. Особое значение имеют факты, указывающие на специфику и определенные элементы преемственности культуры горного Дагестана на протяжении длительного хронологического отрезка. Начало этих тенденций, несомненно, восходит к мезолитическим слоям Чоха.

Если искать аналогии керамике Чохского поселения вне пределов Дагестана, то прежде всего приходится обращаться к закавказским неолитическим памятникам типа шулавери-шомутепе. Сходство здесь наблюдается в формах сосудов — чаши, горшки без ручек, чаша с закраиной дна; в некоторых технико-технологических признаках — черный, желтовато-серый, буроватый цвет черепка, ограниченное применение техники лощения, примеси преимущественно неорганического характера (дресва, шамот); в ведущих приемах орнаментации — наклепной орнамент, особенно в виде лишечнообразных выступов [Мунчаев, 1982, с. 111]. Есть и заметные отличия. Керамика шулавери-шомутепе более вариабельна в своих формах, в элементах декора (резной вертикально-волнистый и елочный орнамент, насечки по венчику, пуговкообразные и рельеф-

ные волнистые пояски) [Мунчаев, 1982, с. 111; Кигурадзе, 1976, с. 158]. Для керамики данной культуры характерно и использование грубой ткани при формовке сосудов.

Почти все признаки, отличающие чохскую керамику от шулавери-шомутепинской, являются в то же время чертами, сближающими материалы поселения Гинчи с энеолитом Центрального Закавказья. Последнее не является неожиданным, если учесть хронологическую и отчасти культурно-историческую близость Гинчи к закавказским памятникам. Сложнее объяснить моменты сходства гончарных изделий неолитического слоя Чохы и шулавери-шомутепинского круга памятников. Одно сложная интерпретация этого факта затруднительна. До получения более полных данных с территории Дагестана приходится допускать различные объяснения, имеющие разную степень вероятности. Тут возможно и конвергентное развитие (формы сравниваемых сосудов предельно просты, как просты и элементы украшения посуды)¹, и наличие каких-то генетических связей. Сей час общепризнано, что энеолитическая культура Закавказья является сугубо местной, т. е. не связанной своим происхождением с Ближним Востоком. Но мы знаем эту культуру уже в сложившемся виде. Географические и хронологические аспекты ее генезиса остаются еще неясными. Имеется, однако, целый ряд косвенных данных, указывающих, что истоки культуры шулавери-шомутепе должны находиться в той части территории Кавказа, которая по совокупности ботанико-географических и палеоклиматических условий, а также уровню социального развития ее населения допускала переход к земледелию и скотоводству. При условии, что этот переход на Кавказе произошел в основном самостоятельно (а именно об этом свидетельствуют и палеоэтноботанические и археологические факты), на роль искомой территории в пределах Большого Кавказа с наибольшими основаниями могут претендовать предгорные и горные районы восточной части Кавказского хребта и его отрогов. Представляется, что здесь должен быть пласт памятников, являющийся субстратовым для культуры шулавери-шомутепе.

¹ Здесь следует указать на отмечаемое Р. М. Мунчаевым близкое сходство в орнаментации керамики шулавери-шомутепе и не связанных с ними ни территориально, ни хронологически предхассунских памятников Месопотамии [Мунчаев, 1982, с. 113].

Указанные районы Восточного Кавказа изучены недостаточно. Достоверно установлено, что в раннем мезолите здесь существовали две самобытные археологические культуры — триалетская [Габуния, 1975] и чохская [Бадер, 1965]. Проследить развитие первой вне хронологических рамок мезолита еще не удастся. Что касается чохской культуры, то она продолжает бытовать и в неолите. Вместе с тем эта культура локальна. По крайней мере, на своем мезолитическом отрезке она присуща только для Центрального Дагестана. Насколько ее неолитический этап отражает общие тенденции развития культуры всего Восточного Кавказа, мы не знаем. Поэтому трудно провести прямое сопоставление Чохского поселения с культурой шулавери-шомутепе. Очевидно лишь то, что чохская культура предшествует энеолитическим памятникам степного Закавказья. А это служит указанием на наличие других горных и предгорных раннеземледельческих поселений, предшествующих названным памятникам и составляющих их культурную подоснову. Мы не имеем фактов, свидетельствующих о запустении Восточного Кавказа в послемезолитическую эпоху. Выявление памятников этого времени и выяснение того, насколько присущи для них черты, свойственные чохской культуре, — дело будущих исследований. От осуществления этого и будет зависеть окончательное объяснение моментов сходства между керамикой неолитического слоя Чоха и энеолитических поселений Центрального Закавказья.

Существует также определенная общность чохской керамики из слоя С с западнокавказским керамическим материалом. Она проявляется прежде всего в сходстве баночных форм сосудов. Так, в Каменноостской пещере найдена плоскодонная чаша без ручки [Формозов, 1965, с. 58; 1971, с. 110]. Еще более показательны подобные формы из неолитических памятников западнокавказского Причерноморья [Небиеридзе, 1972, табл. XVI, XVII и др.]. Но подобно тому как наиболее ранняя керамика различных памятников Кавказа обладает общими чертами, отличающими ее от керамики любого другого раннеземледельческого центра, отдельные культуры в пределах этой области имеют свои отличительные особенности. Это относится и к сопоставляемым здесь памятникам. В чохской керамике нет и намека на широко представленные в западнокавказских памятниках приемы орнаментации посуды: резные вер-

тикальные линии, елочка, насечка, вдавления, зашпы и др. Имеются и существенные отличия в технологии гончарного дела.

Орудия из кости

В инвентаре слоя С имеется интересная группа орудий из кости. Среди более чем 2 тыс. мелких в подавляющем большинстве фрагментов костей животных выделяются 12 изделий, приспособленных специальной обработкой под хозяйственные и бытовые инструменты. Сырьем для них служили трубчатые кости овец и коз, ребра крупных млекопитающих, рог оленя. О разнообразии предметов этой категории свидетельствует приводимый ниже список:

Основы жатвенных ножей	2
Ножи	3
Заготовка муфтообразной рукояти	1
Оломок флейты	1
Круглая пластина	1
Проколки	4

Основы жатвенных ножей (2 экз.) представлены одним обломком (рис. 29, 1) и одним незаконченным изделием (рис. 29, 2). Обнаружение их не было неожиданностью, так как подобное орудие, но только из сланца, в этом слое было известно еще по раскопкам В. Г. Котовича. По форме и характеру орнаментации оно сопоставлялось с аналогичным изделием из Сиалка I [Котович, 1982, с. 132]. Описываемые здесь жатвенные орудия изготовлены из кости, но типологически они не отличаются от указанного орудия, входя вместе с ним в категорию прямолезвийных серпов с наборной вкладышевой режущей кромкой. Интересно, что нож такого типа был обнаружен и в слое М-1 навеса Сосруко, отнесенном к позднему мезолиту [Замятнин, Акритас, 1957, с. 440—442, рис. 7]. С. Н. Бибиков справедливо, как нам кажется, определил этот предмет как жатвенное приспособление [Бибиков, 1962, с. 23]. Доисследование навеса Сосруко, ревизия его материалов и уточнение культурно-хронологической позиции этого памятника — дело будущего. В отношении же Чохского поселения такая работа проделана. И она в данном конкретном случае позволяет уверенно интерпретировать описываемые здесь изделия именно как жатвенные орудия.

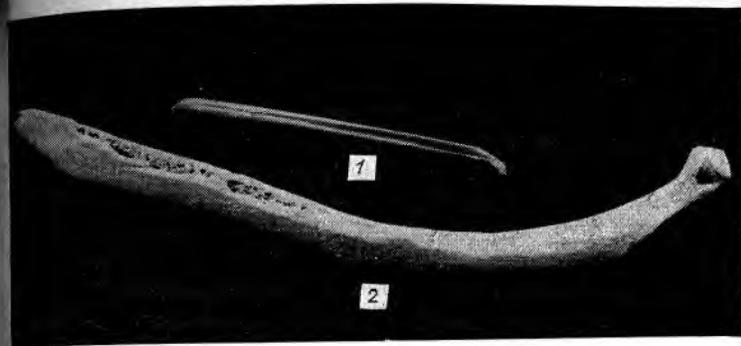

Рис. 29. Чохское поселение. Раскопки 1982 г. Слой С. Костяные основы жатвенных ножей

Первый из названных предметов представляет собой искусственно вырезанную или заточенную пластину из рога оленя длиной 9,8 см, шириной 3,2 см, толщиной 0,8 см. Вдоль одного из краев пластины образован довольно глубокий (до 5—6 мм) паз, оба конца изделия обломаны. Судя по характеру паза (постепенное углубление от одного конца к другому), мы имеем обломок прирукоятной части. Таким образом, есть возможность представить форму орудия в целом. Рукоять, вероятно, была такой же плоской, как и остальная часть, лезвие — прямое, общая длина — в пределах 20 см. Паз достаточно глубокий. Не исключено, что между этим фактом и тем, что чохские трапеции-вкладыши имеют высокую форму, существует определенная взаимосвязь.

В качестве заготовки для второго предмета было взято цельное ребро крупного животного. Мастер, видимо, предполагал срезать один из краев ребра до губчатой костной массы и затем удалить часть этой массы, получив таким образом паз для вкладышей. Частично это уже и было сделано. Рукоять орудия должна была служить довольно удобная для захвата начальная часть ребра.

Ножи (3 экз.) изготавливались на расщепленных в продольном направлении трубчатых костях (плечевая, метаподий) овцы или козы. Концевая часть такого обломка тщательно затачивалась, и в результате получалось небольшое обоюдоострое плоское лезвие с уплощенно-линзовидным сечением (рис. 30, 1). Рукоятной

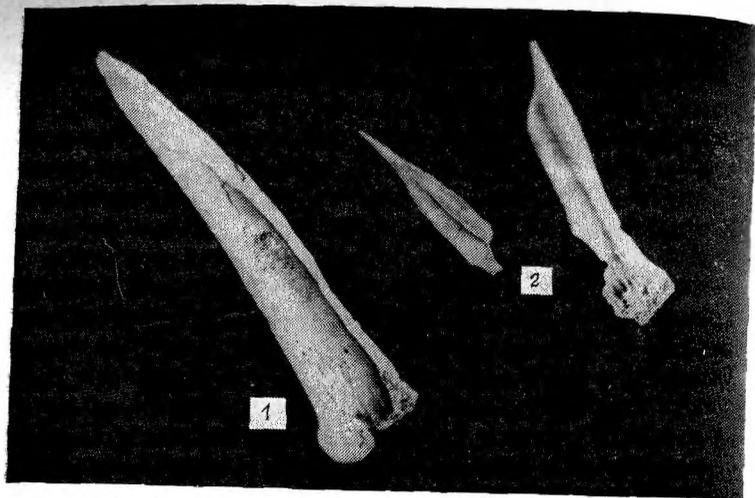

Рис. 30. Чохское поселение. Раскопки 1981—1982 гг. Слой С. Нож и проколки из трубчатых костей

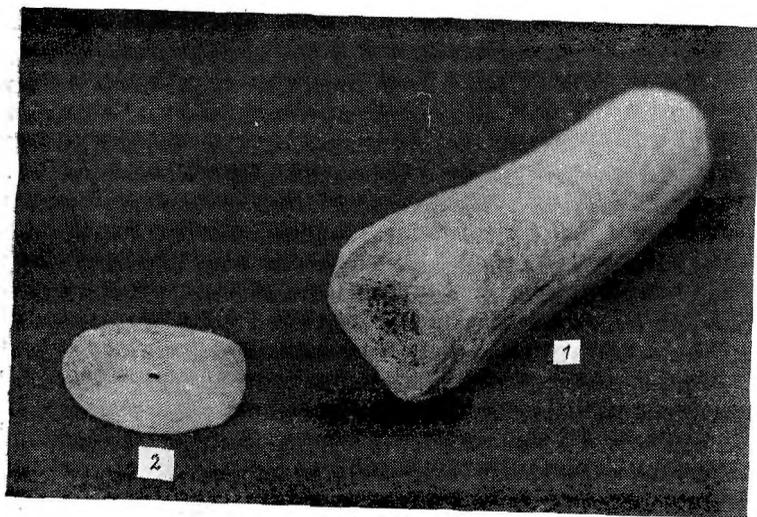

Рис. 31. Чохское поселение. Раскопки 1982 г. Слой С. Костяные изделия: 1 — заготовка муфтообразной рукоятки; 2 — пластина

частью служил противоположный массивный конец с сохранившимся эпифизом или диафизом.

Заготовка муфтообразной рукоятки представляет собой фрагмент основания ветви рога оленя (рис. 31, 1). Оба конца предмета имеют четкие следы резьбы — поперечного расчленения заготовки. Закругленность краевой части концов говорит о том, что они именно вырезаны, а не пропилены. Длина изделия — 10 см, толщина в поперечнике — 3,8 см. Форма изделия, его размеры и распространенные аналогии позволяют предположить, что это заготовка муфтообразной ручки.

Флейта — единичная и очень своеобразная находка комплекса (рис. 32). Изготовлена она из трубчатой кости (метаподий?) овцы или козы. Поверхность кости с одной стороны была уплощена шлифовкой и на уплощенной плоскости через равные промежутки были пробиты небольшие отверстия (на сохранившемся фрагменте инструмента их три). Начальная часть изделия обломана и в раскопках не обнаружена. Если верно наше определение разновидности флейты, то это чрезвычайно редкая находка, аналогов которой неизвестно не только в неолитических, но и в более поздних археологических памятниках Кавказа. Обнаружение в культурном слое подобной вещи свидетельствует об определенном развитии духовной культуры и элементах художественного творчества обитателей поселения. Можно предполагать, что, прежде чем делать подобные предметы из кости, их изготавливали из более податливого материала — вырезали из трубчатых стволов кустарничков, лепили из глины. Во всяком случае, вряд ли такое непростое изделие на поселении было единственным.

Круглая пластина изготовлена из пластинчатой тонкой (толщиной 3 мм) кости животного. Анатомическое определение исходной заготовки, как и функции этого орудия, для нас затруднительно. Диаметр кружка — 4 см. В центре его имеется небольшое круглое отверстие диаметром 2 мм (рис. 31, 2). Круглые очертания предмета достигнуты резьбой, а центральное отверстие получено техникой сверления. Аналоги этому изделию в кавказских комплексах нам неизвестны. В традиционном быту Дагестана подобные предметы из дерева связаны с детской игрушкой-волчком, являясь его маховым колесиком. Но это, разумеется, слишком далекая параллель.

Проколки (4 экз.) — представительная серия ко-

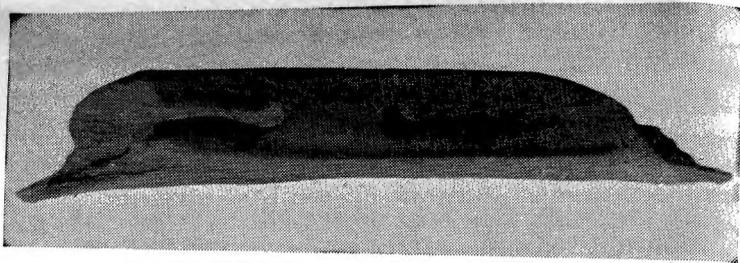

Рис. 32. Чохское поселение. Раскопки 1982 г. Слой С. Обломок костяной флейты

стояных орудий. Типологическим разнообразием они не отличаются. Сходство между ними наблюдается в характере исходной заготовки (расщепленная вдоль трубчатая кость), пропорциях рабочей части и обработке последней. Само острие от начала сужения до конца имеет длину примерно 3 см. Сечение конечной части круглое. Один целый экземпляр имеет длину 10,5 см (рис. 30, 2). Рукояткой этого орудия служила проксимальная часть заготовки с сохранившимся эпифизом.

Большинство костяных орудий мезолита и неолита не очень показательны для целей типологической датировки. Нельзя считать, например, обоснованным использование костяных проколов простейшего типа для хронологической классификации памятников, как это иногда делают [Кигурадзе, 1976]. Другое дело, когда речь идет о сложных орудиях, характеризующихся сочетанием многих разнообразных признаков, например о жатвенных орудиях. Эти изделия имеют значительно более короткую историю, чем проколки, и на всех территориях своего распространения обнаруживают несравненно более быстрые темпы эволюции. Жатвенные орудия хронологически диагностичны и очень часто этноспецифичны (последнее характерно не только для древности, но и для нашего времени). В связи с этим интересно сопоставить жатвенный нож из Чоха с серпами энеолитического поселения Гинчи и раннеземледельческих памятников Закавказья [Мунчаев, 1982, с. 146—147]. Сравнение показывает совпадение основных типологических показателей шулавери-шомутепинских и гинчинских орудий (изогнутость формы, использование в качестве вкладышей крупных пластин, а иногда и двустороннеобработанных форм) при одинаковом отличии

их от чохских изделий. Такая картина не случайна. Она отвечает соотношению других категорий сравниваемых памятников и является выражением хронологических различий между ними. Вполне закономерно, что в неолитическом инвентаре Чоха мы имеем жатвенные орудия с прямым лезвием и вкладышами в виде геометрических микролитов и пластинок. Энеолитические же памятники (Гинчи, группа памятников энеолита Закавказья) демонстрируют уже более развитую форму и более совершенные способы оснастки этого орудия. Характером исходного сырья эти различия объяснять нельзя, так как неолитические и энеолитические обитатели Восточного Кавказа обладали одним и тем же набором сырьевого материала.

Палеоботанические остатки

В гл. I мы рассмотрели палинологические и некоторые палеоботанические данные в связи с проблемой палеогеографической ситуации Чохского поселения. Культурный слой С доставил и другие растительные остатки. Речь идет о такой чрезвычайно важной категории материала, как обуглившиеся зерна злаков. Они представляют нам решающие факты для суждений о характере хозяйства людей, оставивших данное поселение.

Указанные растительные остатки получены благодаря контрольным промывкам выборки культурного слоя. Первоначально такая промывка была произведена на Чохском поселении во время наших раскопок 1981 г. Г. Н. Лисицыной. В этом же и в последующем году работа по выявлению палеоботанических остатков была продолжена нами. Методика промывок состояла в следующем. В широкий таз высыпается некоторое количество (2—3 кг) грунта выборки культурного слоя. Затем сюда заливается вода так, чтобы ее уровень был несколько выше массы промываемого материала. При помешивании находящегося в тазу грунта на поверхность воды всплывают обуглившиеся растительные остатки (если они в образце имеются). Всплывшие зерна зачерпываются вместе с водой в кружку и процеживаются через марлю, сложенную в три-четыре слоя. Полученный материал оставляется открыто до полной просушки на расстеленной марле. Затем он маркируется и упаковывается для лабораторных исследований.

Образцы для промывки брались нами по горизонтам, квадратам и очагам (кострищам) отдельно. Для вертикального членения палеоботанических остатков культурный слой был условно разделен на две равные части, обозначенные как горизонт I (верхний) и горизонт II (нижний).

В 1981 г. для промывки выбирались наиболее перспективные участки слоя (очаги, кострища, золистые участки), имевшие, однако, достаточно широкий разброс по площади раскопа. В результате было получено несколько десятков обуглившихся зерновок злаков и сорняков. Эти материалы были полностью обработаны Г. Н. Лисицыной. В ходе этой работы нам были переданы результаты предварительных определений, которые приведены в табл. 5.

В 1982 г. нами был получен более значительный по количеству палеоботанический материал, происходящий не только из слоя С, но и из нижележащих мезолитических слоев. На этот раз образцы для промывки из слоя С брались уже в шахматном порядке с большим охватом раскапываемой площади. Данный материал нами также был передан Г. Н. Лисицыной, которая готовила специальную работу, посвященную палеоботаническому изучению чохских находок в связи с проблемой становления производящего хозяйства на Кавказе. Внезапная смерть Г. Н. Лисицыной прервала эту многообещающую работу. Вероятно, исследователи-палеоботаники еще обратятся к чохским материалам. Пока же мы располагаем определениями только по слою С и только из раскопа 1981 г.

Переходя к анализу палеоботанических данных, отметим, что сохранность зерен плохая и это в ряде случаев вызывало затруднения в определениях. Сложность анализа связана также с тем, что неолитический слой С перекрывают фрагментарные остатки эпохи бронзы (горизонт С₁). Поэтому, делая на основании палеоботанических данных те или иные заключения, мы будем основываться главным образом на той части материала, которая происходит из очагов. Момент случайности в отношении последней, как нам кажется, исключен. Из этого не следует, что остальной материал, особенно из горизонта II, обязательно является смешанным. Каким-либо точных фактов, свидетельствующих об этом, мы не имеем, но из осторожности не исключаем возможности попадания сюда инородных включений.

Таблица 5
Палеоботанические остатки из слоя С
(раскоп 1981 г.)

Семейство, род, вид растения	Горизонт II			Горизонт I			Горизонты I, II
	кв. к=7-8	очаг № 2	очаг № 1	кв. л=6=7	кв. и=6	кв. к=7=8	
Пшеница (Triticum sp.)		+					
Пшеница «двузернянка» (Tr. dicoccosum Schrank.)						+	+
Пшеница «однозернянка» (Tr. monococcosum L.)		+					
Пшеница «мягкая карликовая» (Tr. aestivo-compositum L.)	+						+
Ячмень (Hordeum sp.)			+				+
Ячмень пленчатый (H. vulgare L. polystichum)	+	+	+		+		
Ячмень голозерный (H. vulgare var. nudum)			+		+		
Овес (Avena sp.)	+	+			+		+
Костер (Bromus sp.)	+						
Просо (Panicum sp.) (?)				+			
Куколь (Agrostema sp.)	+						
Щавель (Rumex sp.)					+		
Бобовые (Leguminosae)				+	+		
Осоковые (Cyperaceal)	+						
Виноград (Vitis vinifera L.) (?)	+						
Дуб (Quercus sp.)	+						
Ясень (Froxinus sp.)							
Граб (Carpinus sp.)							
Клен (Acer sp.)							
Боярышник (Crataegus sp.)	+						
Розоцветные (Rosaceae)							

Исходя из вышеотмеченного, абсолютно достоверными для неолитического слоя Чоха нужно считать следующие определенные до вида разновидности злаков: пшеница «двузернянка», пшеница «однозернянка», ячмень пленчатый, ячмень голозерный (рис. 33—35). Та-

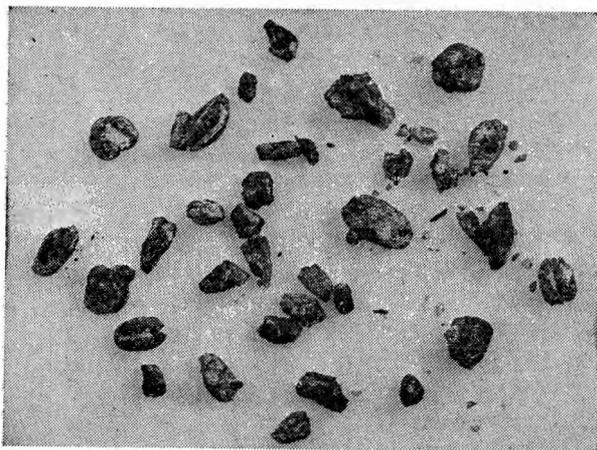

Рис. 33. Чохское поселение. Раскопки 1981 г. Слой С. Карбонизированные зерна: пшеница без видового определения — *Triticum* sp., пшеница «однозернянка» — *Triticum monocossum* L., ячмень пленчатый — *Hordeum vulgare* L.

ковы данные, полученные из промывок заполнения очагов № 1 и 2. Насколько полно они отражают реальную картину состава использовавшихся злаков, судить трудно. Представляется, что сюда должны были входить и сорняки. Действительно, в нижнем горизонте мы имеем остатки таких растений, как овес, костер, куколь, бобовые и другие, которые в раннеземледельческих комплексах обычно сопровождают культурные злаки.

Морфологическое описание палеоботанического материала находится вне нашей компетенции. Но определить здесь кратко место названных злаков в истории сложения земледелия и растениеводства, а также сравнить их комплекс с набором первоначально окультуренных растений соседних территорий представляется возможным.

Пшеницы однозернянки и двузернянки относятся к одним из наиболее рано доместифицированных видов. Они известны для памятников VIII—VII тысячелетий до н. э. (Али-Кош, Чайоню-тепеси и др.) [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 91; Андрианов, 1978, с. 34]. К этому же времени относятся и самые древние находки многорядных ячменей (Али-Кош, Хаджилар) [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 91]. В VI тысячелетии до н. э. названные

Рис. 34. Чохское поселение. Раскопки 1981 г. Слой С. Карбонизированные зерна: пшеница «карликовая» — *Triticum aestivo-compositum*, пшеница «двузернянка» — *Triticum dicoccum* Schrank., ячмень без видового определения — *Hordeum* sp.

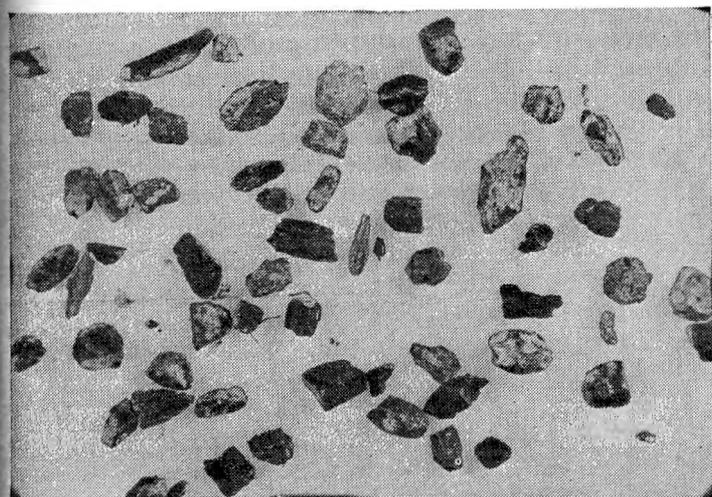

Рис. 35. Чохское поселение. Раскопки 1982 г. Слой С. Карбонизированные зерна: овес — *Avena* sp., костер — *Bromus* sp.

виды представлены уже во всех раннеземледельческих памятниках Передней Азии. Известны они, естественно, и в закавказских памятниках типа шулавери-шомутепе. Поэтому кажется закономерным обнаружение указанных злаков в неолитическом слое Чохского поселения.

Более интересно сопоставление Чохского поселения с памятниками других территорий по наличию мягкой карликовой пшеницы (*Triticum aestivo-compositum* L.). Весьма существенно, что карликовые и мягкие пшеницы в закавказских раннеземледельческих памятниках распространены несравненно шире, чем в различных памятниках Ближнего Востока. При этом исследователи не находят оснований для допущения интродукции данной культуры в Закавказье, так как «в составе растительных фитоценозов этой области присутствуют исходные виды, участвовавшие в ее формировании» [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 43]. К тому же мягкая и карликовая пшеницы найдены здесь «в комплексе с другими представителями рода *Triticum*, среди которых имеются виды, до сих пор не встреченные ни на одном из исследованных древнеземледельческих памятников Ближнего Востока» [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 43].

Когда речь идет о местном введении в культуру тех или иных разновидностей злаков шулавери-шомутепинских памятников, конечно, не имеют в виду, что это происходило непосредственно в зоне распространения данных поселений, т. е. в равнинной степной части Закавказья. В этом процессе не могли не играть свою роль предгорные области и горно-степные зоны восточной части Большого Кавказа, а также районы Армянского нагорья. Установлено, например, что карликовые пшеницы — типично нагорные виды [Андрианов, 1978, с. 38]. Горное происхождение имеют, впрочем, и многие другие разновидности посевных культур. Об этом много писал Н. И. Вавилов. Его выводы подтверждаются и новейшими исследованиями [Бахтеев, Янушевич, 1981, с. 298].

Таким образом, Чохское поселение представляет нам набор наиболее ранних для Кавказа (да и для территории СССР) domesticiрованных злаков. Возникает, естественно, вопрос об их происхождении. Для его решения имеются факты как чисто археологические, так и геоботанические. Совокупность всех находок неолитического слоя говорит об автохтонности культуры данного

поселения. Мы не видим здесь каких-либо опознаваемых черт заимствований или инокультурных влияний. Более того, тут имеет место несомненная генетическая связь с нижележащими мезолитическими слоями. Это дает основание допускать самостоятельную местную domestикацию растений, имеющих хозяйственное значение. О биологических предпосылках этого явления мы будем говорить в гл. III, здесь лишь отметим, что они опираются на признание территории Дагестана значительным очагом концентрации генов культурных растений.

Растительные остатки из культурных слоев дают часто возможность определить и некоторые стороны древнейшего земледелия. Это относится к выяснению характера посевов, наличия или отсутствия целенаправленной селекции, водообеспечения засеваемых участков. Материалы Чохского поселения не позволяют ответить на эти вопросы в полной мере. Однако на основании имеющихся данных можно сделать более или менее вероятные предположения. Так, совместное нахождение во всех показательных образцах пшеницы и ячменя, скорее всего, говорит о практиковании смешанных посевов. В районах традиционного земледелия Дагестана такие посевы можно было наблюдать еще в сравнительно недавнее время.

Вопрос о характере увлажнения засевавшихся участков можно решить более определенно. Район расположения Чохского поселения и в настоящее время относится к территории с обеспеченной богарой. Если учесть, что время функционирования памятника, по данным палинологии, отличалось от современности большей влажностью, станет ясно, что необходимости в искусственном орошении не было. К тому же участки, располагающиеся на горных склонах, концентрируют больше влаги по сравнению с равнинными землями. Объясняется это тем, что осадки, выпадающие на горные склоны, большей частью стекают к более пологим участкам, которые являются наиболее благоприятными и для ранних этапов склонового земледелия. Правда, некоторые исследователи, и среди них авторитетный палеоботаник Х. Хельбек, считают, что введение в культуру многорядного ячменя было возможно только в условиях поливного земледелия, при котором исходная форма двухрядного ячменя продуцирует domesticiрованный вид многорядного пленчатого ячменя [Helbaek, 1969]. Однако все больше фактов свидетельствует о том, что многорядный ячмень

был окультурен одновременно с двухрядным и оба они произошли от дикого ячменя *H. Spontaneum* C. Koch sp. Vacht. [Бахтеев, Янушевич, 1981].

Возвращаясь к общему описанию палеоботанических остатков Чоха, следует отметить, что у нас нет оснований для суждений о решительном предпочтении древними земледельцами той или иной из представленных культур. По этому поводу мы уже указывали на маловероятность возделывания здесь различных видов хлебных злаков в чистом виде. Отсюда же следует предположение об отсутствии в это время сложившихся в результате целенаправленной селекции разновидностей культурных злаков. Последнее закономерно, учитывая, что речь идет о начальном этапе доместикации зерновых культур. Об этом же говорит и наличие в рассматриваемой коллекции достаточно большого количества зерен сорных растений.

В заключение необходимо сказать несколько слов об остатках проса и винограда. Они определены гипотетично и отмечены: первый вид — для горизонта I, второй — для обоих условных горизонтов. Если новые материалы подтвердят в дальнейшем их связь с наиболее ранними земледельческими памятниками Дагестана, то это будет надежным аргументом в пользу их местного, кавказского происхождения. Такой вывод уже напрашивается из сравнительного изучения палеоботанических материалов Закавказья. В отношении винограда, например, указывалось, что «чрезвычайно важным моментом в истории хозяйства племен, населявших Кавказ и особенно Закавказье, является раннее введение в культуру, во всяком случае уже в V тысячелетии до н. э., винограда» [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 44]. Что касается проса, то для Месопотамии, например, эта культура является вторичной [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 52]. Эти данные мы привели, чтобы показать, что проса и виноград для слоя С Чоха, возможно, и не являются случайными. Но поскольку они не найдены в условиях, исключающих их механическое попадание в слой (например, в заполнении очагов), то до получения новых данных ими приходится оперировать осторожно.

Палеозоологические остатки

Основная часть палеозоологического материала Чохского поселения происходит из раскопок 1955—1957 гг.

Все костные остатки в свое время были изучены и изданы [Верещагин, 1959], поэтому мы их не будем подробно анализировать. Это трудно сделать еще из-за нерасчетности материалов по вертикали. Остеологическая коллекция Чоха рассматривалась всегда как нечто единое, без разделения по выделявшимся тогда культурным слоям. Тем не менее в ее изучении имелись некоторые очень интересные стороны, которые не получили сразу правильного истолкования из-за общего удреждения датировок культурных слоев памятника. Это касается прежде всего данных, свидетельствовавших о наличии у обитателей поселения одомашненных животных. Так, в табл. 6, составленной по Н. К. Верещагину, мы не находим овцы домашней (*Ovis cf. aries*), лошади (*Equus caballus subfossilis*) и быка (*Bos taurus*), определенных тем же Н. К. Верещагиным по материалам 1955 г. [Котович, 1955]. Все три вида животных представлены единичными обломками костей — от 1 до 3. Наличие остатков домашних животных противоречило датировке слоев верхним палеолитом и мезолитом. Очевидно, поэтому эта часть фаунистических остатков была признана целиком инородной для культурных слоев поселения и, подобно керамике, исключалась из рассмотрения. Отчасти это было правильно, учитывая обнаружившиеся уже в наших раскопках остатки эпохи бронзы, перекрывающие неолитический слой. Но подобное вычленение механических примесей к материалам *in situ* (кстати, более предполагаемых, чем реальных) больше запутало интерпретацию культурных отложений, чем способствовало «очищению» комплексов. И это касается не только палеозоологических остатков.

Подавляющее большинство описываемых в табл. 6 костей принадлежит муфлонообразным баранам. Причем на материалах 1955 г. наряду с ними выделялись и домашние козы и овцы [Котович, 1955]. Это, видимо, не было случайным. В. Г. Котович приводил следующее замечание Н. К. Верещагина, относящееся к определенному им для Чоха виду диких баранов: «По имеющемуся материалу (астрагалы, фаланги) нельзя утверждать категорически, что мы имеем дело с дикой, а не с одомашненной формой». Сам В. Г. Котович по этому поводу писал: «Разумеется, это предварительное крайне осторожное суждение не может послужить основой для важных и ответственных выводов, но его не следует упускать из виду, определяя перспективы будущих ра-

бот в этом направлении» [Котович, 1982, с. 131]. Подобные предположения оказались правильными. Об этом говорит материал раскопок 1980—1982 гг.

Таблица 6

Палеозоологические остатки из раскопок
1955—1957 гг.
(по Н. К. Верещагину)

Семейство, род, вид	Количество костей
Средний хомяк (<i>Mesocricetus auratus</i>)	5
Водяная полевка (<i>Arvicola terrestris</i>)	5
Заяц русак (<i>Lepus europaeus</i>)	1
Рысь (<i>Felis lynx</i>)	1
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	5
Благородный олень (<i>Gervus elaphus</i>)	1
Дикий козел (<i>Capra sp. cf. aegagrus</i> aut <i>S. cylindricornis</i>)	8
Муфлонообразный баран (<i>Ovis Gmelini</i>)	302
<i>Capra</i> aut <i>ovis</i> (ближе не определимые)	7202
Мелкие обломки трубчатых костей, преимущественно <i>Artiodactyla</i>	712

В результате новых раскопок из слоя С было получено достаточно большое количество мелких, в различной степени определимых, костей. Подавляющее большинство представлено зубами (как отдельными, так и в виде обломков челюстей), что отражает неблагоприятные для сохранения кости условия слоя.

Стратиграфическая позиция новых палеозоологических находок более определенная, примесь материала из нижележащих слоев в них исключена. К сожалению, мы не можем с такой же уверенностью исключить возможность попадания в данный материал костных остатков более позднего времени. Сложность анализа усугубляется невозможностью выделения в пределах культурного слоя закрытого субкомплекса со сколько-нибудь значительным содержанием фаунистических находок. В аналогичной ситуации с растительными остатками, например, значительно легче, так как там есть несомненный материал, происходящий из заполнения очагов и позволяющий верифицировать остальные, рассредоточенные в слое находки. В данном же случае, по нашему мнению, решающее значение для выводов будет иметь статистика. Элемент случайности будет тем меньше, чем

большим количеством материала будут представлены те или иные виды животных. Точными цифрами по раскопкам 1980—1982 гг. мы, к сожалению, не располагаем, так как определения только предварительные, но количественное соотношение различных групп известно.

В описываемой остеологической коллекции Н. М. Ермолова определяет следующие виды животных:

Козел безоаровый (коза домашняя?)
(*Capra aegagrus* или *S. hircus*)
Овца домашняя (*Ovis cf. aries*)
Корова
Благородный олень (*Cervus elaphus*)
Медведь (*Ursus sp.*)
Барсук (*Meles meles*)

В приведенном списке представлены два домашних, три диких и один проблематичный вид животных. Прежде всего следует отметить, что качественный состав фауны слоя очень хорошо согласуется с тем ландшафтом (преимущественно широколиственные леса, соседствующие с открытыми пространствами), который восстанавливается по палеоботаническим данным. Это особенно видно по более показательным для таких заключений диким животным. Последние, по-видимому, составляли основу охотничьего промысла древних обитателей Чохского поселения. Для того чтобы составить ясное представление об удельном весе охоты в обеспечении общины мясной пищей, данных недостаточно. Но несомненно преобладание костей домашних животных (если не включать сюда проблематичные материалы) над дикими.

Наибольшим количеством костных остатков представлены козел безоаровый или коза домашняя (*Capra aegagrus* или *S. hircus*) Н. К. Верещагин выделял отдельно и безоарового козла, и домашнюю козу [Котович, 1955]. Это определение, как кажется, ближе к истине. Так же обстоит дело с дикими баранами (*Ovis Gmelini*) и домашними овцами (*Ovis cf. aries*).

Затруднения в определениях костей животных мезолитическо-неолитического времени известны. И здесь, и на любом другом памятнике они объясняются одними и теми же причинами. Главными из них являются: сильная измельченность костного материала, препятствующая детализованным определениям; слабая разработанность чисто биологических признаков одомашнива-

ния на ранних этапах domestikации; сравнительная малочисленность материала [Бибикова, 1981, с. 300]. Об этом мы говорим с целью показать, что определение костей *Ovis* и *Capra* в качестве только диких или только домашних может быть не совсем точным. В связи с этим очень важно, что неподалеку от Чохского поселения совместное нахождение костей домашних овец и коз с остатками муфлонообразных баранов и безоаровых козлов отмечается для памятника периода средней бронзы (Верхнегунбское поселение), не говоря уже об энеолитических и раннебронзовых поселениях Дагестана. Безоаровые козлы дошли даже до наших дней [Котович и др., 1973, с. 20—21]. Исходя из этого, мы синтезируем определения фаунистических остатков Чоха по Н. К. Верещагину с данными неолитического слоя С по Н. М. Ермоловой. Подобное совмещение не противоречиво по сути. Из него следует признание для слоя С одомашненных овец и коз наряду с дикими формами, послужившими для них исходными, — безоаровыми козлами и муфлонообразными баранами.

Кости коровы и диких животных представлены в инвентаре неолитического слоя единичными экземплярами. Что касается костей коровы, то не исключено их механическое попадание в данный слой из вышележащего маловыразительного горизонта С₁, где найдены, кстати, и остатки лошади. Однако полной уверенности в этом нет. Сомнения могли бы подкрепляться тем, что рассматриваемый слой демонстрирует слишком ранний этап становления производящего хозяйства, чтобы содержать остатки домашнего крупного рогатого скота. Однако мы слишком мало знаем о механизме этого явления в различных очагах domestikации животных. Правда, достоверно известно, что крупный рогатый скот содержался уже раннеолитическими обитателями территории Сирии (Барка) и Анатолии (ранние слои Чатал-гююка) [Шнирельман, 1980, с. 287, 296]. Выше нами отмечалось, что кости домашнего быка были обнаружены и в позднеолитическом памятнике Малин-карат в Дагестане.

В заключение нельзя не упомянуть, что среди костного материала наибольшее количество приходится на молодняк. Подобный факт рассматривается в археологических работах как дополнительное (а иногда как единственное) указание на одомашнивание животных или (в зависимости от хронологической позиции памятника) занятие скотоводством. В нашем случае нет необ-

ходимости подкреплять тезис о наличии в слое С остатков домашних животных данным аргументом. Для этого имеются более определенные палеозоологические данные. Но все же характерно наличие здесь и этого традиционно выделяемого признака.

Горизонт С₁

В ходе предыдущего изложения мы не раз ссылались на наличие перекрывающего неолитический слой С маловыразительного культурного горизонта С₁ эпохи бронзы. Он не связан и с отдельной литологической единицей толщи отложений памятника и приурочен к контакту слоев С и В. Основанием для выделения данного горизонта послужили остатки каменной стены, расположенные в квадратах с-6-9. Основание этой стены приходилось на урсвень +40—45 см от подошвы неолитического слоя. Камни преимущественно средней величины образуют на указанных квадратах прямую линию, параллельную скальному выступу у восточного края территории поселения. Площадь, ограничиваемая этой стеной и скальным выступом, составляет около 12 кв. м. С севера эту площадь ограничивала скала борта ущелья, с юга — участок более древней дугообразной стены неолитического жилища.

Судя по сохранившимся остаткам, описываемая стена была однорядной, имела грубую кладку без обмазки и скрепляющего раствора. Некрупные размеры лежащих в основании камней, их преимущественно вертикальная позиция и узость стены говорят о небольшой высоте сооружения. Последняя вряд ли превышала здесь 100—130 см. В настоящее время кладка сохранилась на 1—2 яруса. Для сравнения отметим, что на этом же участке поселения стена неолитического жилища имеет до 6 ярусов кладки.

На вопрос, каково хронологическое место и функциональное содержание описываемого сооружения, должен был бы стветить комплекс связанных с ним археологических находок. Однако раскопки данного горизонта не позволили составить сколько-нибудь существенной коллекции находок. А тот немногочисленный материал, который имеется, не может рассматриваться как бесспорно закрытый комплекс. Причиной тому является невозможность выделения в данном сооружении архео-

логических признаков пола. Последний приходится устанавливать по уровню нижнего ряда камней стены, что является достаточно приблизительным. К тому же нельзя исключать, что при возведении описанной стены нижележащей неолитический слой мог быть в данном участке несколько нарушен и вследствие этого могло произойти частичное перемещение материала по вертикали.

Охарактеризуем кратко материал, связанный с горизонтом С₁. Он состоит из 15 кремней, нескольких мелких обломков керамики и небольшого количества костей животных. Подавляющее большинство кремней являются отщепами. Изделий со вторичной обработкой всего три, но они весьма показательны. Это удлиненные отщепы с крупной плоской двусторонней обработкой, отдаленно напоминающие распространенные в эпоху бронзы вкладыши серпов. Возможно, они являются незаконченными изделиями, из которых предполагалось получить двустороннеобработанные наконечники стрел. Но как бы то ни было, эти предметы дают возможность для более или менее определенных хронологических привязок. Очень интересно, что на двух из указанных изделий имеются несомненные признаки вторичного использования исходной заготовки. Поверхность, обработанная двусторонней плоской ретушью, в отличие от участков, не затронутых ею, имеет свежий, непатинированный вид. В свете указанных находок и выяснения их стратиграфической позиции становятся понятными и два других двустороннеобработанных кремневых изделия, обнаруженные в слое С еще до выявления поздней стены.

Фрагменты керамики данного горизонта очень мелкие и по внешним признакам не отличаются от этой категории находок из слоя С. Среди костей животных выделяются зубы лошади и трубчатые кости, возможно крупного рогатого скота.

Конкретным археологическим признаком для датировки описываемого культурного горизонта могут служить только двустороннеобработанные изделия. Эти предметы, как нам представляется, указывают на эпоху бронзы, хотя подобные вещи и даже двустороннеобработанные наконечники стрел с черешком публикуются нередко в комплексах, относимых к неолиту Кавказа [Формозов, 1965, с. 56; Небиеридзе, 1972, табл. IX и др.].

Для определения хронологических рамок горизонта

С₁ имеет значение и наличие примерно в 1 км от Чохского поселения могильника эпохи бронзы. В каменных склепах этого могильника, датированного временем каякентско-хорочаевской культуры, были обнаружены, в частности, переоформленные скребки вторичного использования с плоской ретушью с брюшка и двустороннеобработанные кремневые изделия [Мунчаев; 1955, с. 32]. Эти предметы изготовлены из разновидности кремня, естественные выходы которой на Турчидагском плато неизвестны. Единственным местом сосредоточения этого материала в ближайшей округе было Чохское поселение, куда в свое время данное сырье тоже было доставлено издалека. Отсюда следует, что люди, оставившие могильник, знали местоположение Чохского поселения, посещали его и добывали из культурных слоев последнего кремль. Нечто подобное имело место не только в других древних памятниках Кавказа, но и в новейшее время, в частности во время последней войны, когда вместо спичек употребляли кремль с кресалом.

Находки горизонта С₁ свидетельствуют о том, что люди в эпоху бронзы не только посещали место расположения Чохского поселения, но и использовали данную площадку. Использование это, судя по указанным данным, было эпизодическим. Примитивное сооружение не имеет признаков жилища и не соответствует характеру домостроительства Дагестана в эпоху бронзы ни по каким показателям. Скорее всего, мы имеем дело с загоном или оградой для временного содержания скота. В эпоху бронзы в Дагестане уже практиковалось отгонное скотоводство. Известно и большое количество памятников, связанных с сезонным выпасом скота на летних высокогорных пастбищах. Все эти памятники представляют собой, по существу, более или менее приспособленные для загона пещеры, гроты, навесы и просто скальные выходы [Гаджиев, 1980 б, с. 12]. Так, по-видимому, было и в описываемом здесь случае.

логических признаков пола. Последний приходится устанавливать по уровню нижнего ряда камней стены, что является достаточно приблизительным. К тому же нельзя исключать, что при возведении описанной стены нижележащий неолитический слой мог быть в данном участке несколько нарушен и вследствие этого могло произойти частичное перемещение материала по вертикали.

Охарактеризуем кратко материал, связанный с горизонтом С₁. Он состоит из 15 кремней, нескольких мелких обломков керамики и небольшого количества костей животных. Подавляющее большинство кремней являются отщепами. Изделий со вторичной обработкой всего три, но они весьма показательны. Это удлиненные отщепы с крупной плоской двусторонней обработкой, отдаленно напоминающие распространенные в эпоху бронзы вкладыши серпов. Возможно, они являются незаконченными изделиями, из которых предполагалось получить двустороннеобработанные наконечники стрел. Но как бы то ни было, эти предметы дают возможность для более или менее определенных хронологических привязок. Очень интересно, что на двух из указанных изделий имеются несомненные признаки вторичного использования исходной заготовки. Поверхность, обработанная двусторонней плоской ретушью, в отличие от участков, не затронутых ею, имеет свежий, непатинированный вид. В свете указанных находок и выяснения их стратиграфической позиции становятся понятными и два других двустороннеобработанных кремневых изделия, обнаруженные в слое С еще до выявления поздней стены.

Фрагменты керамики данного горизонта очень мелкие и по внешним признакам не отличаются от этой категории находок из слоя С. Среди костей животных выделяются зубы лошади и трубчатые кости, возможно крупного рогатого скота.

Конкретным археологическим признаком для датировки описываемого культурного горизонта могут служить только двустороннеобработанные изделия. Эти предметы, как нам представляется, указывают на эпоху бронзы, хотя подобные вещи и даже двустороннеобработанные наконечники стрел с черешком публикуются нередко в комплексах, относимых к неолиту Кавказа [Формозов, 1965, с. 56; Небиеридзе, 1972, табл. IX и др.].

Для определения хронологических рамок горизонта

С₁ имеет значение и наличие примерно в 1 км от Чохского поселения могильника эпохи бронзы. В каменных склепах этого могильника, датированного временем каякентско-хорочаевской культуры, были обнаружены, в частности, переоформленные скребки вторичного использования с плоской ретушью с брюшка и двустороннеобработанные кремневые изделия [Мунчаев; 1955, с. 32]. Эти предметы изготовлены из разновидности кремня, естественные выходы которой на Турчидагском плато неизвестны. Единственным местом сосредоточения этого материала в ближайшей округе было Чохское поселение, куда в свое время данное сырье тоже было доставлено издалека. Отсюда следует, что люди, оставившие могильник, знали местоположение Чохского поселения, посещали его и добывали из культурных слоев последнего кремль. Нечто подобное имело место не только в других древних памятниках Кавказа, но и в новейшее время, в частности во время последней войны, когда вместо спичек употребляли кремль с кресалом.

Находки горизонта С₁ свидетельствуют о том, что люди в эпоху бронзы не только посещали место расположения Чохского поселения, но и использовали данную площадку. Использование это, судя по указанным данным, было эпизодическим. Примитивное сооружение не имеет признаков жилища и не соответствует характеру домостроительства Дагестана в эпоху бронзы ни по каким показателям. Скорее всего, мы имеем дело с загоном или оградой для временного содержания скота. В эпоху бронзы в Дагестане уже практиковалось отгонное скотоводство. Известно и большое количество памятников, связанных с сезонным выпасом скота на летних высокогорных пастбищах. Все эти памятники представляют собой, по существу, более или менее приспособленные для загона пещеры, гроты, навесы и простоскальные выходы [Гаджиев, 1980 б, с. 12]. Так, по-видимому, было и в описываемом здесь случае.

**ЧОХСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА
НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ**

Постановка в широком плане проблемы возникновения производящего хозяйства на Кавказе сильно затруднена недостатком и отрывочностью археологического материала. Однако вниманием исследователей этот чрезвычайно важный вопрос не обойден. В общих и частных работах его касались почти все археологи, занимавшиеся и занимающиеся неолитом и энеолитом Кавказа. Наметилось уже и два подхода к его решению. Первый определился и получил свое развитие благодаря работам А. А. Формозова [1965; 1972; 1977]. Согласно ему, земледелие и скотоводство появляются на Кавказе в позднем неолите под непосредственным воздействием передовых ближневосточных культур. Выражением этого влияния, по мнению А. А. Формозова, составляющего целый этап в кавказско-ближневосточных связях, считается наличие в инвентарях западнокавказских неолитических памятников таких изделий, как сегменты гелуанского типа с краевой двусторонней ретушью и орудия, называемые пластинками с выделенной головкой. Для энеолитических памятников Западной Грузии к ним добавляются мотыжки сочи-адлерского типа [Формозов, 1965]. Высказанное первоначально в предположительной форме, это заключение в последующих работах А. А. Формозова без дополнительной аргументации приводилось уже как окончательное. На слабости данной точки зрения уже указывалось в литературе [Мунчаев, 1975, с. 71]. Подробно говорится об этом и в следующей главе данной работы.

Иной подход к вопросу определился у ряда археологов, работавших и работающих на Кавказе. Исходным для них явилось положение о благоприятности биологического фона Кавказа для достаточно раннего и относи-

тельно самостоятельного возникновения здесь первоначальных форм земледелия и скотоводства. Говорилось и о том, что зачатки последних уходят в местный мезолит (см., например, [Котович, 1964; 1974; Соловьев, 1967; Гаджиев, 1974; 1980]). Это направление было поддержано В. М. Массоном [1971, с. 136, 137]. Основываясь на типологии каменного инвентаря и некоторых других моментах, он поставил восточнокавказский памятник Чох в один ряд с известными ближневосточными стоянками и поселениями, отражающими переход от присваивающего хозяйства к производящему.

К выводу о том, что «Кавказ представляет собой один из древнейших очагов развития производящего хозяйства», пришел в результате изучения всего комплекса материалов, относящегося к древнейшему земледелию и скотоводству, и Р. М. Мунчаев [1975, с. 78]. Он допускает, что «эта область могла стать одним из центров возникновения земледелия и скотоводства» и что «в сложности производящей экономики на Кавказе, и в особенности на Южном Кавказе, решающая роль принадлежала, видимо, не внешним импульсам, а местным факторам» [Мунчаев, 1975, с. 77, 131]. В этом же плане высказывались К. Х. Кушнарева и О. М. Джапаридзе [1978, с. 270].

Всесторонне обосновать указанные положения, конечно, было затруднительно из-за скудости источников, отсутствия хорошо стратифицированных памятников, неразрешенности проблемы хронологии кавказского неолита. Но считать на этом основании, что для приведенных выше сценок нет никаких фактических данных [Формозов, 1972, с. 20], было чересчур категорично. Теперь таких фактов уже немало. Были некоторые из них и раньше. Так, Н. К. Верещагин допускал наличие в изучаемом им остеологическом материале Чоха остатков одомашненных животных (овца), Г. Ф. Коробкова определила исследованную ею выборку кремневых пластинок из чохских комплексов как вкладыши жатвенных орудий, в инвентаре верхних слоев Чоха имелись терочки и сланцевая основа жатвенного ножа. Аналогичные, но менее выразительные факты проявлялись и в других регионах Кавказа. Что касается Чоха, то представляемые им факты и раньше можно было считать достаточным для допущения существования производящих форм хозяйства у его жителей. Однако утвердившаяся в литературе сугубо типологическая датировка верхних

слоев Чоха мезолитом препятствовала такому допущению.

Попыткой объяснить возникающее противоречие и был вывод В. Г. Котовича о сложении в мезолите Дагестана элементов производящего хозяйства [Котович, 1982, с. 127—138]. Исходя из этого и опираясь на наличие соответствующих фактов из поздненеолитических памятников Северо-Восточного Кавказа (Малин-карат и др.), В. Г. Котович в своей последней работе, вышедшей в свет уже после смерти автора, пришел к выводу об оправданности постановки вопроса «о возможности отнесения горного Дагестана, как, по-видимому, и некоторых других частей Кавказа, к числу тех горных областей, где протекала „неолитическая революция“ — чрезвычайно длительный и сложный процесс зарождения и постепенного вызревания элементов производящей экономики в недрах высокоспециализированного охотничье-собирающего хозяйства» [Котович, 1982, с. 138]. В этой же работе (с. 164) констатировалось, что «в раннем неолите земледелие уже сложилось в Дагестане в самостоятельную отрасль хозяйства, существовавшую наряду с охотой и, вероятно, скотоводством». Такой вывод, конечно, надо признать сильно опережающим фактическую базу. Ссылка на «накопленные к настоящему времени археологические материалы» [Котович, 1982, с. 163] не служит его подкреплению, ибо с 1974 г., когда В. Г. Котович [1974, с. 58] все еще говорил о сложении земледелия и скотоводства в Дагестане в позднем неолите, до конца жизни этого ученого не появилось никаких новых материалов, проливающих дополнительный свет на данную проблему. Но общая, во многом интуитивная, тенденция изменения взглядов В. Г. Котовича была верной, хотя даже после новых исследований Чоха принять цитированный выше вывод в полной мере затруднительно.

Принципиально важными для решения проблемы становления производящего хозяйства на Кавказе были начатые Г. Н. Лисицыной исследования, основывавшиеся на палеоботаническом методе. Обобщение уже имеющегося материала из древнейших земледельческих памятников Кавказа дало очень важные результаты, во многом корректирующие заключения исследователей, оперирующих только археологическими остатками. Основные выводы изучения палеознотоботанических остатков с территории Кавказа сводились к установлению то-

го, что становление земледелия происходило здесь исключительно на базе аборигенных растений, и допущению возможности с появлением новых данных значительного удревнения времени возникновения на Кавказе производящего хозяйства [Лисицына, 1974, с. 54; Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 43]. Эти работы полностью подтвердили и существенно конкретизировали взгляды Н. И. Вавилова, который, в частности, писал: «Входя в основную область видообразования пшениц, ячменя, ржи, льна, Кавказ, благодаря разнообразным условиям, горному характеру, древней культуре, в особенности в Закавказье и Дагестане, выработал чрезвычайно разнообразие экотипов, представляющих собой разительные контрасты при сопоставлении их в одних и тех же условиях... Многие из эндемичных кавказских видов пшениц, ржи, диких и культурных плодовых не вышли за пределы начальной родины... Земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий» [Вавилов, 1957, с. 121]. Конкретное рассмотрение этого вопроса применительно к Дагестану еще будет проведено нами в данной главе.

Решение на основе палеоботанических данных проблемы становления производящего хозяйства на Кавказе поднимает на новый уровень материал, полученный раскопками Чохского поселения в 1980—1982 гг. Он демонстрирует сложение в раннем неолите Дагестана целого комплекса качественно новых явлений, характеризующих изменения бытовой, хозяйственной и общественной жизни обитателей этого региона. На уровне неолитического слоя памятника появляются: первые (древнейшие для Кавказа) искусственные жилища, керамика, культурные злаки, домашние животные, примитивные сельскохозяйственные орудия, изделия для переработки растительных продуктов. Имеются, таким образом, очевидные свидетельства перехода обитателей горного Дагестана от присваивающего к производящему хозяйству. Указанные материалы до сих пор не освещались сколько-нибудь широко в литературе, есть лишь предварительные сообщения и публикации тезисного характера [Амирханов, 1982а; 1982б; 1982в; 1983]. В данной работе археологические остатки всех культурных слоев Чохского поселения получили всестороннее освещение. Уместно будет поэтому остановиться здесь на их интерпретации с точки зрения заданной в настоящей главе темы. Рассмотрение это будет включать следующий круг во-

просов: предпосылки становления производящего хозяйства на Северо-Восточном Кавказе; время возникновения примигивного земледелия и одомашнивания животных; характер и составляющие нового хозяйства; масштабы и последствия перехода к экономике производящего типа.

Считается общепризнанным, что для перехода к производящим формам хозяйства необходимо наличие двух взаимосвязанных факторов — социального и природного. Группу предпосылок, связанных с социальным фактором, бывает трудно распознать и выделить на конкретных, чисто археологических фактах. Определение этих предпосылок дается обычно в общих исторических или социологических формулировках. В. М. Массон относит к этим предпосылкам «достаточно высокий уровень техники, высокоразвитую экономику присваивающего типа в различных ее вариантах, зачатки положительных знаний, значительную плотность населения, затруднявшую расширение освоенной территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались прежними методами» [Массон, 1971, с. 133].

Но как определить, например, степень развитости общественных отношений и экономики для времени предшествующего возникновению земледелия и скотоводства на основе каменного инвентаря? Между верхнепалеолитическими культурами различных регионов существуют порою значительные технико-типологические различия, притом что инвентарь всех их служил целям лишь присваивающего хозяйства. Охота и собирательство в полной мере обеспечивали жизнь людей и в тех регионах, где в верхнепалеолитическое время продолжали господствовать мустьерские традиции изготовления орудий [Григорьев, 1977]. Изделия, составившие основу первых сельскохозяйственных приспособлений (пластины и пластинки, мотыгообразные орудия, терочки и др.), были широко распространены еще в домезолитическое время, не говоря уже о неолите. На этом основании была даже выдвинута гипотеза об «усложненном собирательстве» в эпоху верхнего палеолита [Рогачев, 1973]. Для территорий, на которых переход к производящей экономике не совершился самостоятельно, эти факты характерны даже в большей степени, чем для районов первоначальной domestikации злаков и животных.

Что касается специализации присваивающего хозяйства, то, исходя из посылок, на которых она устанавли-

вается, можно с полным основанием говорить о чрезвычайно высокой степени специализации охоты уже в мустьерское время. Вспомним, что в фауне стоянки Староселье в Крыму 98,4% приходится только на один вид животных — дикого осли [Формозов, 1958, с. 55]. Можно привести десятки подобных примеров, но из этого не следует следовать, что мустьерские обитатели Крыма были близки к одомашниванию дикого осли или люди из Дольни Вестоницы в Чехословакии — к приручению мамонтов, так как специализация присваивающего хозяйства сама по себе лишь одна и при этом отнюдь не главная сторона целого комплекса социальных и биологических предпосылок перехода к производящей экономике.

Лучшим источником для решения вопроса о степени развитости социальной организации первобытных коллективов являются материалы жилищ и поселений. С этой точки зрения вряд ли какая-либо другая территория может сравниться с Русской равниной [Рогачев, 1970]. Для верхнего палеолита этой территории известны поселения, занимающие много сотен квадратных метров (Костенки I, например), и жилища разных типов и форм: углубленные и наземные, большие, малые и комбинированные, с обособленными ямами и без таковых, долговременные и кратковременные. Само наличие крупных долговременных поселений свидетельствует об относительной оседлости их обитателей, а система взаимосвязанных жилищ (это наиболее ярко проявляется в Костенках I) — об устоявшихся и достаточно прочных общественных регламентациях. Если добавить к этому и достаточно высокий уровень духовной культуры, устанавливаемый на основании произведений первобытного искусства, то станет ясно, что с социальной точки зрения население Русской равнины, да и Европы в целом, было подготовлено к усвоению производящего хозяйства за много тысячелетий до того, как это произошло в действительности. Причина данного несоответствия — отсутствие биологической основы для перехода к качественно новому типу хозяйства. Правда, переход не был очень ранним и в областях с благоприятными для этого биогеографическими условиями. Но как бы то ни было, наличие исходного биологического материала было большим преимуществом этих областей, заключающим в себе потенциальную возможность замены одной формы хозяйства другой, несравненно более продуктивной и перспективной. Нельзя не согласиться поэтому с

В. М. Массоном в том, что «ни кризис охоты, ни относительное перенаселение, ни самые совершенные орудия труда в тогдашних условиях не могли сами по себе привести к сложению производящей экономики. Важнейшей предпосылкой и условием неолитической революции был природный фактор» [Массон, 1971, с. 136].

На проблеме природного фактора перехода к земледелию и скотоводству в горном Дагестане мы остановимся специально. Но прежде чем перейти к этому, необходимо заметить, что предпосылки рассматриваемого явления на территории Восточного Кавказа имелись в не меньшей степени, чем в любом другом регионе, будь то Ближний Восток, Юго-Восточная Азия или Японский остров. До совершения перехода к земледелию и скотоводству человек жил на одной и той же территории Центрального Дагестана непрерывно на протяжении не крайней мере двух тысячелетий. В течение этого времени сохранялась преемственность поколений. Это следует из того, что в рамках указанного этапа чохская археологическая культура не преобразилась сколько-нибудь существенно. Основной формой жизнеобеспечения неизменно была охота, главным образом на поддающихся одомашниванию муфлонообразных баранов и безоаровых козлов. Десятки веков активных контактов со стадами этих копытных на одной и той же ограниченной рамками плато территории должны были закрепить у людей знание поведения животных, топографии и растительного покрова местности обитания. В эпоху мезолита и раннего неолита на Восточном Кавказе происходили и значительные по масштабам климатические и ландшафтные изменения, которые послужили, на наш взгляд, стимулятором ломки старого хозяйственного уклада и замены его новым.

Природные факторы перехода к производящему хозяйству заключаются в количественном и качественном состоянии биологических и растительных ресурсов, используемых человеком, и характере климата данного региона. По существу, эти факторы оказывали благоприятное или неблагоприятное воздействие на все стороны общественного развития на всех этапах человеческой истории. Рассмотрение их в общем плане позволяет говорить об оптимальных регионах, где переход к новым формам хозяйства мог осуществиться раньше, и экстремальных регионах, где этот процесс был невозможен из-за постоянного изобилия либо острого дефицита пище-

вых ресурсов. То же самое выясняется и при рассмотрении данной проблемы с точки зрения климатологии или палеогеографии. Однако подобный обобщенный подход дает только самые приблизительные контуры изучаемого явления. Несравненно более плодотворен анализ конкретных данных применительно к конкретной изучаемой территории. Исходя из последнего и решая обусловленную характером археологического материала Чохского поселения проблему сложения производящего хозяйства на Восточном Кавказе, необходимо рассмотреть здесь следующие вопросы: а) обладали ли ландшафты Дагестана комплексом признаков, характеризующих классические районы становления земледелия и скотоводства? б) произрастали ли здесь в естественном состоянии предки основных злаковых культурных растений и обитали ли поддающиеся одомашниванию виды диких животных? в) благоприятствовал ли климат для перехода к постоянному возделыванию злаков? Вопросы эти лежат вне чисто археологической или — шире — даже исторической сферы. Ответы на них можно получить лишь при обращении к данным соответствующих научных дисциплин. Частично ответы эти даны, и на них довольно часто ссылаются. Однако малочисленность археологических материалов, которые могли бы наполнить ботанико- и биогеографические данные историческим содержанием, приводит нередко к игнорированию последних. Материалы Чохского поселения, как нам представляется, благодаря своей разносторонности создают благоприятную возможность для приведения в соответствие естественнонаучных данных по рассматриваемой проблеме с данными археологическими.

Исследователь любой эпохи при общем обзоре Кавказа обнаруживает своеобразие исторического развития небольшой территории Дагестана, а точнее, горной ее части, называемой Центральным или Внутренним Дагестаном. Если в самых общих чертах рассмотреть основные этапы развития его культуры в ретроспективе, начиная с эпохи железа, то мы увидим следующее. В период распространения в центральной и западной частях Северного Кавказа раннескифской и кобанской культур в горах Дагестана бытует самостоятельная автохтонная культура или несколько культур. На позднем и среднем этапах эпохи бронзы территория горного Дагестана характеризуется культурой, не представленной ни в Закавказье, ни в Предкавказье (каякентско-хорочаевская

культура, могильник Гинчи, Верхнегубинское поселение). На ранних этапах эпохи бронзы, когда в центральной и западной частях Северного Кавказа господствует майкопская культура, на территорию Дагестана до самых глубинных горных районов внедряется куро-араксская культура. В эпоху энеолита материальная культура Северо-Западного Кавказа характеризуется чертами, унаследованными от неолита Каменноостской пещеры, а Центровальний Дагестан характеризует земледельческо-скотоводческое поселение Гинчи, в материалах которого есть указания на южные связи. В не меньшей степени своеобразна культура горной части Дагестана и в эпохи мезолита и неолита.

Из приведенного обзора следует, что, несмотря на ограниченность территории Дагестана в масштабах Северного Кавказа и тем более Кавказа в целом, в развитии его материальной культуры господствовали местные своеобразные элементы. А если наблюдаются сколь-нибудь заметные связи с культурами соседних регионов, то в них преобладает закавказское, точнее, южнокавказское направление. Существенно, что при сопоставлении культур Южного Закавказья с археологическими культурами Западного Закавказья обнаруживается почти такое же различие, как между восточной (Дагестан) и западной частями Северного Кавказа.

Основная причина указанных отличий, как нам представляется, заключается в географических особенностях сравниваемых регионов. И действительно, какое бы районирование мы ни взяли — физико-географическое, геоморфологическое [Лилиенберг, Ибрагимов, 1979, с. 58], зоогеографическое [Верещагин, 1959], ботаническое [Гроссгейм, 1948], выясняется, что Внутренний Дагестан или выделяется в качестве отдельного района с показателями, близкими к переднеазиатским в большей степени, чем к центрально- и западнокавказским, или включается в провинцию, характеризующуюся теми же чертами, что и переднеазиатский регион. Если суммировать наиболее существенные ботанико- и биогеографические, геоморфологические и орографические признаки территории Внутреннего Дагестана и тех регионов, с которыми Дагестан сближается (Южное Закавказье, Переднеазиатские нагорья и др.), то они подойдут под определение средневысоких аридных гор и предгорий. С точки зрения аридности Внутренний Дагестан также выделяется в отдельную провинцию. Отличительной чер-

той этой провинции является то, что среди аридных гор СССР она занимает наименьшую площадь (всего 9180 кв. км) и характеризуется «минимальными показателями аридности и значениями континентальности климата» [Агаханянц, 1981, с. 207]. Аридные горы, как известно, являются активными очагами видообразования. Причем к древности это относится в не меньшей мере, чем к современности, так как процессы аридизации в Евразии уходят по крайней мере в эпоху плейстоцена. Поступательное усиление аридности и вызванная ею ксерофитизация наиболее активно выступают в качестве рычагов флорогенеза в засушливых областях средиземноморского типа (сюда относится и Внутренний Дагестан), где выделяются ограниченные территории, которые биогеографы называют центрами морфогенетического «взрыва» или видообразовательными «вулканами». В этой связи, говоря о Внутреннем Дагестане, специалисты отмечают, что «орографическое обособление провинции вызвало аутохтонную трансформацию вовлеченного в подъем генофонда. Внутренний Дагестан считается важнейшим центром образования ксерофитной флоры Кавказа» [Агаханянц, 1981, с. 51, 204].

Исключительное место Центрального Дагестана в указанном процессе станет еще более зримым, если учесть, что территория, о которой идет речь, занимает лишь 0,2% общей площади Кавказа. При этом сложение ксерофитной флоры шло здесь по «переднеазиатскому пути». Достаточно сказать, что во флоре только одной Ботлихской котловины, занимающей небольшую часть Внутреннего Дагестана, переднеазиатские виды составляют 30% [Львов, 1976]. Исходными формами их образования служили переднеазиатские виды, которые, как считается, мигрировали на Восточной Кавказ еще в плиоцене. Очевидно, поэтому же и среди эндемиков горного Дагестана больше всего видов, родственных переднеазиатским, а уже затем кавказским и восточносредиземноморским [Агаханянц, 1981, с. 205]. Все отмеченное с очевидностью указывает на то, что в широком смысле природно-географические условия Дагестана и Передней Азии ничем существенным не отличаются друг от друга. В то же время рассмотренные факты показывают ошибочность имеющих иногда в археологической литературе место взглядов на Кавказ как на единообразную территорию и различающих, в лучшем случае, Северный Кавказ и Закавказье.

Дальнейшая конкретизация биологических предположений становления производящего хозяйства на Восточном Кавказе предполагает прежде всего рассмотрение качественного состава флоры данного района с точки зрения вопроса о произрастании или непроизрастании здесь в древности злаков, введенных впоследствии в культуру. Для выяснения данного вопроса существует два самостоятельных метода, каждый из которых имеет свои достоинства. Первый метод — ботанико-географический, основывающийся на введенном Н. И. Вавиловым понятии о «центрах концентрации генов». Он предполагает изучение распространения культурных и диких растений в современности и выяснение этой картины в древности путем актуализации. Второй метод — археологический. При этом методе выяснению того, какие растения произрастали на данной территории в древности, служат законсервированные в культурных слоях палеоботанические находки и палинологические данные, имеющие привязку к конкретному археологическому памятнику, а следовательно, и к человеческой деятельности. Применительно к Дагестану и Чохскому поселению мы располагаем возможностями обоих этих методов. Палеоботанические находки нами уже были охарактеризованы в гл. II. Остановимся ниже на методе ботанико-географическом, или «дифференциальном ботанико-географическом» по Н. И. Вавилову [1965а, с. 367].

Многолетние исследования выдающегося советского ученого Н. И. Вавилова и сотрудников возглавлявшегося им Всесоюзного института растениеводства позволили в 20—30-х годах нашего века создать учение о центрах происхождения культурных растений. Этому предшествовали 180 экспедиций, охвативших многие страны мира и практически все регионы СССР. В ходе экспедиций был собран огромный материал, с накоплением которого уточнялись отдельные положения вавиловского учения.

Первый вариант схемы центров происхождения культурных растений был создан Н. И. Вавиловым в 1926 г. [Вавилов, 1965б, с. 9—107]. Вскоре в схему были внесены серьезные изменения и дополнения. В 1932 г. было сформулировано положение о возможности выделения «семи основных самостоятельных очагов происхождения культурных растений», которым соответствуют семь «вероятных очагов самостоятельного возникновения земледельческой культуры» [Вавилов, 1932, с. 7]. Через три

года были внесены уточнения, позволившие говорить о «восьми самостоятельных областях введения в культуру различных растений» [Вавилов, 1960а, табл. II, с. 29]. Согласно этому районированию выделялся, в частности, переднеазиатский очаг, куда включались территории Малой Азии, все Закавказье, Иран и горный Туркменистан.

Наибольшую стройность схема получила в последней работе Н. И. Вавилова, вышедшей в 1940 г. [Вавилов, 1965 в, с. 157—176]. Здесь мы видим градицию пространственных терминов для более точного выражения значимости той или иной территории в общей схеме и большую дифференциацию включаемых в эту схему регионов. Широкие территории, выступающие родиной культурных растений, обозначаются здесь понятием «центр», а входящие в них более узкие районы называются «очагами».

В окончательном виде в схеме Н. И. Вавилова выделяется семь основных географических центров происхождения культурных растений. Переднеазиатский очаг в ней переименован в юго-западноазиатский центр, куда включаются Анатолия, Кавказ, Иран, Афганистан, Средняя Азия и Северо-Западная Индия. В пределах этого центра выделены три очага, имеющие самостоятельное значение: а) кавказский; б) переднеазиатский с территориями внутренней Сирии, Анатолии, Палестины, Иордании, Ирана, Северного Афганистана и Средней Азии; в) северо-западноиндийский, охватывающий Пенджаб, Северную Индию, Белуджистан, Южный Афганистан и Кашмир [Вавилов, 1965 в, с. 166—168].

Итак, в схеме Н. И. Вавилова первичные области происхождения культурных растений оказались приуроченными к горным районам преимущественно с открытыми степными ландшафтами. Это противоречило существовавшим тогда у археологов представлениям о происхождении земледелия в плодородных речных долинах. Будучи в курсе археологических аспектов данной проблемы, Н. И. Вавилов писал: «Невольно исследователь растительных культур подходит вплотную к проблеме автономии и взаимоотношений человеческих культур. Мы не сомневаемся в том, что, детально изучив очаги формообразования важнейших культурных растений, ботаник в состоянии внести существенные поправки в представления историков и археологов. Автономные очаги генов культурных растений явятся и вероятными

автономными очагами человеческой культуры. На растительных объектах вопрос об автономии культур решается более точно, чем при помощи обычных археологических документов» [Вавилов, 1965 г. с. 119].

Н. И. Вавилов посвятил Кавказу, в частности Дагестану, где он не один раз проводил экспедиции, немало строк. Он намеревался написать о Кавказе особый раздел книги, обобщающей его научные поиски. О том, какие части Кавказа его интересовали больше всего и каким должно было быть содержание этого раздела, позволяет судить следующий дошедший до нас авторский план [Вавилов, 1962, с. 12]: Философия Кавказа. — Исторический этюд. — Население. — Эндемы. — Дикая и культурная флора. — Растительные ресурсы. — Экологическая схема Кавказа. — Родина пшеницы, ржи, винограда и многих плодовых. — Ленкорань. — Дагестан. — Горная Армения. — Карабах. — Грузия. — Осетия. — Условия путешествия. — Разгадка загадок.

Специальный интерес Н. И. Вавилова к Кавказу был связан главным образом с изучением пшениц. Не сразу в его построениях Кавказ занял свое окончательное место. В одной из первых работ по изучению проблемы возникновения культурных пшениц Н. И. Вавилов выделял в качестве главных, первичных очагов формирования генов культурных пшениц Эфиопию и ограниченную область, «примыкающую к южному подножию восточного Гиндукуша и западных Гималаев» [Вавилов, 1965 д, с. 128]. Однако уже тогда было обращено внимание на Закавказье, где к этому времени стали выявляться специфические формы и виды пшениц, например «персидская» пшеница, названная Н. И. Вавиловым *Triticum persicum*, и пшеница Тимофеева — *Triticum timopheevi*. Это давало основание видеть на Кавказе «третий мировой очаг» концентрации генов пшениц, хотя, как полагал исследователь, имеющихся материалов недостаточно для того, чтобы считать данный центр первичным [Вавилов, 1965д, с. 129].

Несколько позже, дифференцируя пшеницы по группам и связывая происхождение последних с конкретными территориями, ученый отмечал, что твердая пшеница имеет основную базу в Эфиопии, мягкая — на Гималаях и Гиндукуше, а однозернянка — в Анатолии и на Кавказе [Вавилов, 1965е, с. 250]. В следующей специальной работе эндемичными для Кавказа были признаны уже несколько видов пшениц. Кроме названных выше «пер-

сидской» пшеницы и пшеницы Тимофеева к таковым были отнесены: *Triticum vulgare compositum* Tum. (*T. vavilorianum* Jakubs.) — ветвистая пшеница (эндем Армении), *Triticum Compactum* Host. — карликовая пшеница (основной очаг разнообразия — Афганистан, Армения), *Triticum macha* Decarg. et Men. — пшеница-маха (эндем Западной Грузии), *Triticum dicocum* (Srank.) Schübl. Subsp. *asiaticum* stol. — эммер, полба или двузернянка (эндем Грузии, Армении, Северного Ирана и Анатолии), *Triticum monocossum* L. — культурная однозернянка (основной очаг разнообразия — горный Карабах, Западная Грузия и Северо-Восточная Турция) [Вавилов, 1960 б, с. 13—15]. Таким образом, с кавказским очагом здесь связываются представители всех трех групп пшениц: мягких, твердых и однозернянок. Дальнейшее уточнение этой картины шло уже в плане конкретизации отдельных деталей. Например, отмечалась характерность диких форм пшениц двузернянок и большого числа эндемичных видов *Aegilops* для Армении и Нахичевани [Вавилов, 1960а]. Это уточнение продолжалось позднее другими исследователями [Декаприлевич, 1942; Менабде, 1948; Якубцинер, 1956], и шло оно по пути развития общих идей Н. И. Вавилова.

Н. И. Вавилов оценивал значение Кавказа как отдельного очага происхождения культурных растений следующим образом. «По пшенице и ржи, как это выяснено сравнительными и углубленными цитогенетическими и иммунологическими исследованиями, это наиболее важный мировой очаг происхождения видов. То же относится к ряду европейских плодовых» [Вавилов, 1965з, с. 168]. Выше мы отмечали, что к приведенной здесь оценке значения Кавказа Н. И. Вавилов пришел не сразу. Наиболее показательна в этом смысле история выделения «персидской» пшеницы и поиски ее родины.

Впервые этот вид был выделен Н. И. Вавиловым в лабораторных условиях при изучении коллекционных сборов. Впоследствии предпринимались специальные поиски для выявления ареала ее произрастания. Предположительной родиной данного вида считался Иран, куда и отправилась в 1916 г. экспедиция Н. И. Вавилова. Прогнозы, однако, не оправдались. О результатах этой экспедиции было сделано, в частности, такое замечание. «Кончены сборы. Мы нашли очень много черноколосых мягких пшениц, но ни одной настоящей разыскиваемой нами „персидской пшеницы“. Загадка „персидской пше-

ницы“ разгадана была уже много позже. Основной областью ее возникновения оказался высокогорный Дагестан» [Вавилов, 1962, с. 36].

Дагестан особо привлекал внимание Н. И. Вавилова и как район высокоинтенсивного горного террасного земледелия в связи с одним из главных тезисов ученого о том, что «основные очаги древнейшего высокогорного земледелия приурочены в общем к основным мировым очагам земледелия». По этому поводу подчеркивалось, что «в Дагестане посевы ячменя и озимой пшеницы достигают до 2500 м». «Наши исследования земледельческих поселков Дагестана и состава культур,— писал Н. И. Вавилов,— показывают несомненную древность земледелия и в этой стране, во всяком случае, существующую здесь много столетий и характеризующуюся особыми эндемичными сортами ячменя, пшеницы, льна и бобов» [Вавилов, 1936, с. 75].

При сравнительном сопоставлении различных центров раннего земледелия Дагестан рассматривался в одном ряду с «наиболее горными» из них. Для этого приводились основания как чисто ботанические, так и культурно-исторические и этнографические. По ботаническим показателям ячменей Дагестан сравнивался с Эфиопией. Указывалось, что ячмени этих двух регионов отличаются крупнозернистостью, хотя там и тут земледелие было неполивным [Вавилов, 1936, с. 80]. Сходство Дагестана с Перу и Боливией заключалось в форме интенсивного земледелия с идеальным использованием рельефа гор. «Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане»,— писал об этом Н. И. Вавилов [1936, с. 80].

Все эти горные страны рассматривались обобщенно и с точки зрения этнографических особенностей земледелия, подчеркивающих их историко-культурную автономность. Интересно такое замечание. «Самое использование одних и тех же культурных растений различно у разных народов в разных высокогорных районах. Так, Абиссиния, возделывающая в значительном количестве лен, не знает его как волокнистое или масличное растение, а использует его исключительно как хлебное растение, приготовляя из высушенных семян питательную муку, необходимое питание при длительных путешествиях. В горном Дагестане лен также используется не для масла и волокна, а для приготовления из него своеобразной жидкой массы, смешиваемой с салом и используемой

для питания. Наоборот, как известно, горные районы Передней Азии используют лен преимущественно как масличное растение» [Вавилов, 1936, с. 81]. Вместе с тем оказывается, что горные районы с древним земледелием независимо от степени географической удаленности друг от друга обладают определенными чертами сходства агрикультуры. В качестве примера отмечается распространенность в указанных районах смешанных посевов, в частности хлебных злаков с бобовыми.

Говоря об органичной связи некоторых рано введенных в культуру злаков с территорией Кавказа, мы останавливались в основном на пшеницах. Рассмотрение с этой точки зрения некоторых других культур: льна, бобовых, плодовых и ячменя—привело бы нас в целом к тем же выводам, которые следуют из изучения пшениц. Сошлемся в качестве примера на географию ячменя в Дагестане. К концу 30-х годов нашего столетия здесь было выявлено 30 форм ячменя, что составляло 60,5% всех форм, обнаруженных на территории СССР. В то же время площадь под ячменем в Дагестане составляла лишь 0,4% всей посевной ячменной площади страны. В связи с этим указывалось, что «по числу обнаруженных форм ячменя Дагестан стоит на первом месте среди всех районов, областей и республик СССР» [Берг, 1929, с. 111].

Таким образом, ботанико-географические и морфогенетические данные свидетельствуют не только о том, что на территории Дагестана и значительной части Кавказа произрастали дикие предки окультуренных злаков, но и о том, что эти дикие формы были введены в культуру здесь самостоятельно. Материалы неолитического слоя Чохского поселения дают археологическое подтверждение этому выводу, сформулированному, по существу, еще в 30-х годах, но долгое время недооценивавшемуся некоторыми археологами.

Вопрос о биологических предпосылках одомашнивания животных на рассматриваемой территории уже затрагивался нами попутно с анализом остеологических остатков из Чохского поселения. В вышедшей относительно недавно монографии В. А. Шнирельмана, посвященной происхождению скотоводства, анализируемый здесь вопрос решается исходя из заданного тезиса о том, что «на Северный Кавказ земледельческо-скотоводческий комплекс в основном проник значительно позже, чем в Закавказье» [Шнирельман, 1980, с. 71]. Автор ссы-

ляется при этом на археологические работы более чем тридцатилетней давности. Видна в этой, в целом очень солидной, работе и неверная, как нами было показано, тенденция делить Кавказ биогеографически на две противопоставляемые части: Закавказье и Северный Кавказ.

В капитальном труде Н. К. Верещагина «Млекопитающие Кавказа», к которому часто обращается автор, территория Дагестана отнесена как раз к переднеазиатской области, в которую включается и Закавказье, но не целиком, а только восточная его часть. Не случайно поэтому собранные В. А. Шнирельманом таблицы видовых составов животных в раннеголоценовых памятниках Кавказа вопреки приведенным интерпретациям их не позволяют резко отграничить дагестанские материалы (Чох) от восточнокавказских (Зуртакети). Поэтому, допуская, что доместикация коз и овец могла вестись в Закавказье [Шнирельман, 1980, с. 71], нельзя отрицать эту возможность и для Северо-Восточного Кавказа.

На нынешнем уровне знаний считается установленным, что исходными формами для домашних овец и коз явились муфлоны (*Ovis orientalis*) и безоаровые козы (*Capra aegagrus*). В отношении этих видов В. А. Шнирельман пишет, что в остеологических остатках Чоха кости безоаровых коз не отличимы от костей кавказского тура, а костей муфлона не встречено вовсе [Шнирельман, 1980, с. 68]. Тут вкралась неточность. Во-первых, в материалах Чоха имеются кости муфлонообразных баранов, и не в малом количестве. Это видно, кстати, и из приводимой в указанной книге таблицы [Шнирельман, 1980, с. 299, табл. 10]. Во-вторых, неотличимость костей безоаровых коз от кавказского тура не свидетельствует о том, что здесь существовал лишь один из этих видов. В равной степени возможно, что могли иметься и оба указанных вида. Так, по-видимому, и было в действительности, поскольку во множестве археологических памятников энеолита и бронзового века Дагестана зафиксированы костные остатки и безоаровых коз, и дагестанских туров. Оба эти вида сохранились даже до наших дней. Специалистами установлено при этом, что ареал безоаровых коз не подвергся здесь существенным изменениям с глубокой древности вплоть до настоящего времени [Котович и др., 1973, с. 24]. Что касается тура (*Bos primigenius*), который является диким предком домашнего крупного рогатого скота, то известно, что Кав-

каз полностью входил в состав обширной области его первичного обитания [Шнирельман, 1980, с. 49—50].

Таким образом, на рассматриваемой территории не имелось ни био- и ботанико-географических, ни культурно-исторических препятствий для зарождения производящего хозяйства. Однако наличия данных предпосылок, по-видимому, было недостаточно. Необходим был импульс, который должен был привести в движение потенциально сложившийся механизм. И стимулятором указанного процесса послужил, вероятно, климатический фактор. Остановимся на этом несколько подробнее.

Последовательность климатических изменений от начала накопления отложений Чохского поселения до раннеэнеолитического времени, по палинологическим данным разреза памятника, предстает в следующем виде. В период накопления стерильной в археологическом отношении толщи двух нижних слоев господствовал соответствующий позднеледниковью сухой и холодный климат. Заселение Турчидагского плато в это время было невозможно или сильно затруднено. Примерно 10 тысяч лет назад ландшафт приледникового характера сменяется здесь условиями сухой горной степи. Климат смягчается, но не сильно, а лишь до прохладного. С самого начала этого этапа плато заселяется людьми или, по крайней мере, периодически посещается ими. Державшиеся почти на протяжении двух тысячелетий, указанные условия сменяются около 8 тысяч лет назад теплыми и влажными. Это сопровождается вертикальным перемещением ландшафтных зон, существенным обогащением и частичной сменой растительности, появлением ограниченных территорий, занятых широколиственными лесами (дуб, граб, ясень и т. п.). Как видим, в хронологических рамках существования одной и той же культуры, связанной с одной и той же территорией, дважды происходит резкая ломка климата. Сначала неблагоприятные условия природы должны были активизировать обитателей плато в поисках путей и форм жизнеобеспечения. Наступивший вслед за этим плювиальный и теплый период еще более ускорял этот процесс и одновременно представлял возможность для оптимального использования имеющихся ботанических и биологических ресурсов. И если судить по материалам Чохского поселения, возможности эти были здесь действительно использованы.

Аналогичная последовательность климатических яв-

лений, предшествующих начальному этапу становления производящего хозяйства и частично совпадающих с ним, отмечается и для районов Ближнего Востока. Так, в Восточной Анатолии растительность с доминированием дуба начинает распространяться приблизительно 10 500 лет назад, примерно в это же время возникает лесной покров и в Западной Сирии [Zeist, Woldring, 1978, с. 272, 274]. Обширные заросли дуба, как отмечают исследователи, сосуществовали с травянистой растительностью, в том числе с дикими злаками. Эти ландшафты изобиловали и дикими животными [Eginč, 1980, с. 80].

Климатические изменения раннего голоцена Ближнего Востока и Восточного Кавказа совпадают по тенденциям, характеру и последовательности составляющих их фаз. Во временном же соотношении они асинхронны. На Кавказе эти изменения несколько запаздывают по сравнению с Ближним Востоком. Причина данного несоответствия может заключаться в том, что районы Анатолии, Леванта и некоторых других прилегающих к ним территорий находятся в зоне господства средиземноморских климатических процессов, тогда как на характер климата областей Восточного Кавказа последние не оказывали столь ощутимого воздействия. Нельзя не отметить в связи с этим, что становление производящего хозяйства на Восточном Кавказе отстает по времени от Ближнего Востока почти настолько же, насколько запаздывают указанные выше процессы перестройки ландшафтов. Вероятность неслучайного характера этого совпадения достаточно велика.

Наше заключение о времени доместикации злаков и животных в горном Дагестане основывается на датировке неолитического слоя С Чохского поселения. Исходя из палинологических данных, подробно охарактеризованных нами в предыдущих главах, это время определяется как начало — первая половина VI тысячелетия до н. э., что соответствует раннему неолиту. Более ранних аналогичных памятников на Кавказе пока неизвестно. К указанному времени в развитии чохской культуры наступает момент, характеризующийся сложением комплекса новых признаков. Существенно как раз наличие совокупности примет, отражающих качественное изменение общественных и экономических условий в жизни обитателей поселения. Возникновение искусственных жилищ, керамики, примитивных орудий, связанных с

земледелием, культурных злаков и домашних животных — явления взаимосвязанные и взаимообусловленные. Эта сопряженность новаций и особенно факт устойчивой оседлости свидетельствуют о том, что переход к производящему хозяйству здесь уже произошел. Если имелась возможность весьма продолжительно обитать на одном и том же месте и пользоваться ресурсами ограниченной среды условиями оседлой жизни территории, то новые формы хозяйства составляли, вероятно, достаточно значительную долю в экономике данного коллектива. Правда, относительная оседлость известна и в мезолите и в палеолите. Но в эти эпохи требованиям быта населения горных стран, в том числе и Кавказа, вполне удовлетворяли естественные убежища: пещеры, гроты, скальные навесы, рассматривавшиеся как периодически обживаемые временные «дома». Точно так же было и на мезолитической стадии чохской культуры. На уровне же неолитического слоя появляются уже искусственные жилища, и этот факт в сочетании с другими названными выше чертами очень показателен.

Особенно значительно в связи с последним наличие карбонизированных зерен культурных злаков, происходящих из заполнения основного очага жилища, и костных остатков одомашненных животных. Из приведенного в гл. II анализа этих материалов достаточно хорошо видно их большое значение в качестве конкретных данных, характеризующих собой палеоботаническую и зоологическую стороны неизвестного прежде на Кавказе раннего этапа доместикации растений и животных. Тем не менее недостаток материалов для конкретных исторических реконструкций не перестает ощущаться и сейчас. Поэтому мы вынуждены пока ограничиваться лишь указанием на сам факт окультуривания разновидностей пшеницы и ячменя, одомашнивания овец, коз и, с некоторой долей сомнения, крупного рогатого скота. Говорить здесь о составе стада обитателей поселения или форме земледелия довольно рискованно. Нельзя преувеличивать и степень качественных сдвигов на пути развития производящего хозяйства. Какую бы деталь археологического инвентаря мы ни взяли — характер поселения, архитектуру жилища, строительную технику, особенности каменного инвентаря, в первую очередь орудий, связанных с возделыванием растений, типов и форм керамики, — везде обнаруживаем признаки предельной простоты, иногда даже примитивности. И дело, конечно, в

данном случае не в застойном характере культуры, ибо совершенно иная и вполне отвечающая своему времени картина наблюдается в не раз уже приводившемся нами для сравнения Гинчинском энеолитическом поселении в Дагестане. Речь должна идти, вероятно, о том, что мы наблюдаем лишь первые шаги свершившегося перелома, который выразился в переходе от присваивающего к производящему хозяйству.

Каковы были в нашем случае конкретные формы этого перехода и какова роль исходных для доместикиций растений и животных по отдельности в механизме данного процесса? Достаточно ясный ответ на этот вопрос, конечно, затруднителен. Наиболее возможным кажется, что окультуривание диких злаков несколько предшествовало одомашниванию животных или, во всяком случае, играло более значительную роль в составе элементов, на базе которых произошел переход к новой форме экономики. По-видимому, именно возделывание растений привело к стабильной оседлости, так как приручение животных и даже их интенсивное разведение сами по себе не ведут обязательно к постоянному закреплению людей в рамках поселения вместе с окружающей последнее экономической территорией. Периодическое же возделывание растений, кроме того что приводит к оседлости, создает и предпосылки для стационарного содержания животных.

Вопрос о значении той или иной отрасли хозяйства для общественного развития населения горного Дагестана в первобытности нельзя решать только на основании количественного сравнения продукции растениеводства и животноводства. Известно, что даже в XIX в. товарной отраслью хозяйства горного Дагестана было скотоводство, хотя общественные отношения и главные стороны уклада жизни людей определялись занятием земледелием. Доминирующая роль земледелия нашла отражение во всех сферах духовной культуры: фольклоре, декоративно-прикладном искусстве, народном календаре, традиционных праздниках и даже в самой психологии людей. Эти стороны данного вопроса достаточно хорошо известны и продолжают успешно разрабатываться в этнографическом дагестановедении [Османов, 1974; Агларов, 1974; Булатова, 1982; Магомедова, 1982; Лугуев, 1982 и др.]. Думается, что с точки зрения воздействия на социальный прогресс земледелие в горном Дагестане играло решающую роль и на начальном эта-

пе его возникновения, фиксируемом в неолитическом слое Чохского поселения. Дальнейшее выражение этого процесса известно по материалам раннеэнеолитического поселения Гинчи, где отмечается уже развитая ступень земледельческо-скотоводческого хозяйства с сохранением доли охоты, унаследованной от предшествующего времени [Гаджиев, 1980а].

Мы не обладаем, к сожалению, достаточной полнотой данных для выяснения географических рамок, исторических масштабов и последствий рассматриваемого применительно к Внутреннему Дагестану перехода к производящему хозяйству. Территорией, которая была затронута указанным процессом, при строгом подходе следует считать пока еще во многом гипотетичный в своих границах ареал чохской археологической культуры, т. е. значительную часть Центрального, или «известнякового», Дагестана. Для предположений о более широком распространении данного явления в раннем неолите Восточного Кавказа имеет большое значение тот факт, что имеющая истоки в местном неолите энеолитическая культура Дагестана обнаруживает достаточно близкие аналогии с раннеземледельческими памятниками Центрального и Южного Закавказья. Определенные черты сходства с керамикой последних можно найти и в материалах самого Чохского поселения. Не менее показательным и совпадением такого важного признака, как круглопланная архитектура жилищ, отличающаяся на сравниваемых территориях лишь степенью своей развитости.

Отмеченные и другие наблюдения позволяют сделать предварительное заключение о том, что в горной части Восточного Кавказа имеется пласт памятников, предшествующий по времени шулавери-шомутепинской группе раннеземледельческих поселений. Выяснение того, является ли Чох подтверждением этого, или чохская археологическая культура характеризует территорию только Внутреннего Дагестана, целиком зависит от накопления новых материалов из горной части Восточного Кавказа, прежде всего с его южных склонов. Но когда бы и как бы ни решился этот вопрос, очевидно, что материалы Чоха служат подтверждением самостоятельного значения Кавказа в переходе от присваивающего к производящему хозяйству, охватившем в раннем голоцене значительные области Южной Азии. Как определять в связи с этим данную территорию — «очагом» в пределах юго-западноазиатского центра по Н. И. Вавилову [1965в,

с. 166—168] или «центром», как предлагают Г. Н. Лисицына и Л. В. Прищепенко [1977, с. 40],— вопрос не принципиальный. Существо дела состоит в утверждении самостоятельного статуса Кавказа в разворачивании «неолитической революции», и чохская культура представляет недостававшие материалы для археологической аргументации вывода, сделанного уже ранее на основе ботанико-географических исследований.

За явлением, характеризующим переход от присваивающего к производящему хозяйству, в археологической литературе прочно утвердилось название «неолитическая революция». Этот термин используется для территорий, на которых становление экономики нового типа произошло самостоятельно, а последствия перехода были необратимыми и обусловившими невиданные ранее темпы общественного прогресса, которые приводят в классических районах неолитической революции к сложению ранних цивилизаций. Данный путь развития, однако, не везде был таким стремительным. В частности, на Северо-Восточном Кавказе непродуктивность и ограниченность благоприятных для возделывания земель, низкая и не всегда обеспеченная урожайность, связанная с отсутствием орошения, не позволили довести уже совершившийся переход к производящему хозяйству до его масштабного и всестороннего завершения. Природные условия, которые были наиболее благоприятными для зарождения земледелия, оказались тесными для полного раскрытия возможностей производящей экономики. Поэтому «неолитическая революция», если рассматривать ее не только как результат, но и как процесс, носила в горных районах специфический и затяжной характер. Пожалуй, самым выразительным следствием ее явилось создание поистине впечатляющей системы террасного земледелия, являющейся максимально целесообразной формой адаптации сельского хозяйства к условиям гор. Этот путь развития был примерно одинаковым для всех горных очагов первоначального земледелия как на Кавказе, так и в Южной Азии и Америке.

Параллельно со становлением своеобразной системы земледелия развивались и новые общественные отношения. Исследователь террасного земледелия дагестанский этнограф М. А. Агларов справедливо указывает, что борьба за создание возделываемых площадей в условиях гор индивидуализирует труд. Антропогенное воздействие

выражается тут не только в изменении рельефа склонов, но нередко в целенаправленных мерах, рассчитанных на формирование самой почвы. Поле зачастую само превращается в продукт труда [Агларов, 1974, с. 64]. Это должно было вести к постепенному дифференцированию собственности и в конечном счете к становлению частной собственности семей на обрабатываемые ими террасные земли. Радикальный характер изменений, связанных со становлением производящего хозяйства, приводил к существенным изменениям общественных отношений в горных областях так же, как и в оптимальных районах плодородных речных долин. Несмотря на своеобразие форм и различие масштабов их проявления, изменения эти и там и тут были однонаправленными.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЧОХСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ АРЕАЛОВ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА КРУГОКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Выделение чохской культуры было связано с утверждением концепции археологической культуры палеолита. Поскольку Чохское поселение большинством исследователей рассматривалось как преимущественно верхнепалеолитическое, то и выделяемая по его материалам культура строилась на основе палеолитоведческих разработок.

Наиболее ранние и успешные попытки систематизации и обобщения верхнепалеолитических материалов Кавказа принадлежат С. Н. Замятнину [1935], А. А. Формозову [1959; 1965] и Н. О. Бадеру [1961; 1964]. Первые два исследователя рассматривали верхний палеолит Кавказа как единый культурный пласт, своеобразие которого заключается в его ориньякоидности и вытекающих из этого некоторых других чертах. Иное понимание культуры этой эпохи представлено в работах Н. О. Бадера. Поздний палеолит Кавказа впервые расчленяется здесь на группы культурно тождественных, территориально обособленных памятников. Эти группы были положены в основу выделения трех верхнепалеолитических археологических культур: закавказской (имеретинская по Г. П. Григорьеву), чохской и губской. При этом отмечалось, что чохская культура продолжает существовать и в мезолитическое время. Ее типологическое обоснование базировалось главным образом на острогах чохского типа; для мезолитического этапа в качестве культуруопределяющего приводился также и тип асимметричных трапеций [Бадер, 1970, с. 94].

Производимый нами пересмотр материалов памятника не означает, разумеется, отрицания самой чохской археологической культуры, однако из него следует

принципиальное переосмысление ее историко-культурной сущности и хронологической позиции.

На уровне современных разработок имеется возможность существенно углубить и дополнить типологическую характеристику данной культуры, выделив специфические типы кремневых изделий, особенности техники обработки, а также устойчивое сосуществование в комплексах орудий, которые в таком сочетании не встречаются в памятниках других культур. Сквозными для чохской культуры на всех этапах ее существования являются такие своеобразные типы, как острога чохского типа (в четырех вариантах), ножи с дистальным наклонным ретушированным обушком, низкие удлиненные асимметричные «тупоугольные» треугольники, нуклеусы архаических форм (дисковидные, подлеваллуазские). Все эти изделия нами подробно описаны при характеристике материала поселения. Своеобразный колорит данной культуре придают и трапеции — всегда высокие, иногда асимметричные, с прямыми или слегка выгнутыми боковыми сторонами. Яркой особенностью техники первичного раскалывания является наличие архаических форм нуклеусов.

Археологическая культура должна иметь определенную территорию своего распространения и хронологические рамки. Методика ее выделения предполагает существование нескольких территориально ограниченных памятников со сколько-нибудь значительным диапазоном времени их синхронного функционирования. Чохская культура отвечает этому требованию. Само Чохское поселение содержит три разновременных комплекса. С ними объединяется и инвентарь стоянки Козьма-нохо. Этот памятник расположен примерно в 40 км к западу от Чоха и представляет собой однослойную стоянку открытого типа. Изучался он в те же годы, что и Чохское поселение, В. Г. Котовичем. Стационарные исследования носили лишь разведочный характер. Несколькими зачистками культурного слоя была установлена стратиграфия и получена коллекция археологического материала, насчитывающая около 200 кремневых изделий. Керамика здесь обнаружена не была. Среди кремневых орудий имеются типы [Котович, 1964, с. 168, рис. 36, 12—15, 17—18], которые выше определены нами как диагностические для чохской культуры. К ним относятся своеобразные низкие удлиненные асимметричные тупоугольные треугольники и особенно ост-

рия чохского типа (вариант 4). Остальной материал по всем своим показателям также близок к чохскому. На этом основании рассматриваемый памятник был в свое время справедливо отнесен В. Г. Котовичем к мезолиту и поставлен в один ряд с соответствующим культурным горизонтом Чоха. Впоследствии Н. О. Бадер прямо включил Козьма-нохо в выделенную им же чохскую культуру [Бадер, 1964]. Таким образом, эта стоянка дает нам вторую точку для установления территории распространения рассматриваемой культуры.

Говоря о качественном составе исходного сырья мезолитических слоев Чоха, мы указывали на широкое использование (особенно в нижних горизонтах) светло-серого полупрозрачного кремня. Ближайшие к Чохскому поселению естественные выходы последнего находятся за пределами Турчидагского плато, примерно в 30—40 км к востоку от Чоха, на территориях современных Левашинского и Акушинского районов. Анализ материала показывает, что обитатели Чохского поселения сохраняли традиционные связи с районом добычи сырья на протяжении всего мезолита и в неолите. Представляется, что использование указанной территории на протяжении столь продолжительного времени вряд ли могло ограничиваться лишь эпизодическими рейдами за кремневым сырьем. За примерно два с половиной тысячелетия чохская культура должна была оставить здесь более существенные следы. Даже если предположить, что в то время на этой территории существовала и другая культура, трудно представить ее полностью изолированной от влияний или контактов с соседней.

Приведенными данными исчерпываются, к сожалению, возможности для очертания ареала чохской культуры. Какова была истинная площадь ее распространения? Ответ на этот вопрос зависит от успеха будущих исследований. Но уже сейчас мы знаем определенно, что она не занимала всей территории Дагестана. Мезолитические и неолитические памятники предгорной и равнинной полосы резко отличаются от комплексов чохской культуры, о чем дальше мы еще будем говорить. Этот факт позволяет нам в дополнение к очерченной выше на основании конкретных данных минимальной границе чохской культуры наметить теоретически и максимальный ареал. Последний должен был включать в себя Центральный (известняковый) Дагестан с горно-степными ландшафтами нескольких его плато, богатством и

стабильностью фауны стадных копытных, обилием источников воды и естественных убежищ. Другими словами, чохская культура — это культура горного Дагестана.

Для относительной и абсолютной датировок комплексов Чохского поселения мы располагаем кроме чисто археологических признаков данными геоморфологии, стратиграфии и палинологии. Они подробно освещены в соответствующей главе данной работы, здесь можно их кратко суммировать. Археологические остатки Чохского поселения связаны с отложениями, соответствующим делювию первой надпойменной террасы р. Бакдакули. Терраса датируется временем 15 тыс. лет до н. э. Нижний культурный слой залегает не непосредственно на цоколе террасы, а отделен от последнего двумя довольно мощными слоями склоновых отложений без культурных остатков. Этот факт дает довольно основательный нижний хронологический репер. Ясно, что наиболее ранний слой памятника должен быть заметно моложе возраста самой террасы. Уточнению этой разницы во времени служат данные спорово-пыльцевого анализа. Палинологический спектр двух мезолитических слоев Чохского поселения составляет единую фазу, которая четко сопоставляется со спектром растительного покрова Западного Прикаспия в период послехвалынской (мангышлакской) регрессии Каспийского моря, т. е. приблизительно 10—9 тыс. лет назад. Согласно этим же данным, третья фаза спорово-пыльцевой диаграммы разреза отложений Чохского поселения соотносится с картиной растительности времени новокаспийской трансгрессии. Возраст осадков последней радиоуглеродными датировками определен в 8 тыс. лет. Отсутствие разрыва в осадконакоплении памятника подтверждает эту последовательность стратиграфически. А все вместе хорошо согласуется с археологическими датировками культурных комплексов поселения, их технико-типологическим и структурным изменением от нижнего слоя к верхнему.

Таким образом, хронологические рамки чохской культуры охватывают приблизительно два — два с половиной тысячелетия и покрывают время от конца последнего оледенения до начала атлантического века. На этом протяжении данная культура проходит через два этапа своего развития. Этапы эти разделяет рубеж 6 тыс. лет до н. э.

До указанной границы мы фиксируем довольно моно-

тонное, спокойное развитие культуры в пределах мезолита. Кремневый инвентарь и техника обработки если и изменяются от нижнего до верхнего мезолитических слоев, то не столь значительно, чтобы говорить о качественных преобразованиях. Совсем другая картина в неолитическом слое. На уровне последнего появляются принципиально новые категории орудий (керамика, жатвенные ножи, зернотерки), возникает домостроительство, проявляются признаки коренного изменения формы хозяйства (культурные злаки, кости домашних животных). К этому же времени относятся и существенные климатические изменения, вызвавшие перестройку горных ландшафтных поясов. Но, несмотря на все эти значительные изменения, полной трансформации культуры еще не происходит. Инвентарь неолитического слоя сохраняет при всем этом ясные признаки генетической преемственности от нижележащих мезолитических слоев. На эти моменты мы не обращали внимания при описании археологического материала. Коротко говоря, признаки преемственности проявляются в основных, специфических для данной культуры типах кремневых орудий (острия чохского типа, ножи с ретушированным дистальным наклонным обушком, удлинённые асимметричные тупоугольные треугольники, а также отдельные разновидности высоких трапеций) и в некоторых не менее своеобразных элементах техники обработки изделий (например, архаического типа нуклеусы подлеваллуазской и дисковидной форм). Конечно, количественные и качественные вариации от слоя к слою наблюдаются и в кремневом инвентаре, в том числе и в составе культуроопределяющих типов. Но эти изменения несопоставимы по масштабу с инновациями неолитического слоя. Дать исчерпывающий ответ на вопрос, какие факторы способствовали достаточно быстрому внедрению столь значительных новшеств, пока затруднительно. Бесспорно лишь, что исключить роль местной мезолитической почвы в сложении нового комплекса признаков неолитического этапа чохской культуры невозможно.

Одной из самых сложных и трудноразрешимых является проблема происхождения той или иной археологической культуры первобытности. Чохская культура в этом отношении не является исключением. Раньше, когда культурные слои Чоха относили к верхнему палеолиту и мезолиту с хронологическим охватом примерно от 15 до 7 тыс. лет до н. э., данная проблема так остро не

стояла. Наличие почти неизвестного тогда нижнего слоя и степень исследованности памятника позволяли допустить зарождение этой культуры здесь же — в горном Дагестане в недрах позднего палеолита. Это как будто подтверждалось и необычайно ярким технико-типологическим своеобразием комплексов Чоха. При этом сам памятник рассматривался в кругу верхнепалеолитических и мезолитических памятников Кавказа [Котович, 1964, с. 161]. Вместе с тем была предпринята попытка проследить типологические параллели мезолитическим (по старой стратиграфии) комплексам Чоха в синхронных материалах Восточного Прикаспия [Амирханов, 1977в]. Выявленное при таком сопоставлении сходство тогда объяснялось нами предположительно конвергентностью развития. Произведенные теперь значительные передатировки культурных слоев Чохского поселения заставляют вернуться к этому вопросу.

Современный уровень исследования каменных индустрий позволяет подойти к проблеме соотношения памятников таких, казалось бы, отдаленных территорий, как южная часть прикаспийского Туркменистана и Дагестан, которые разделены Каспийским морем. К необходимости такого сопоставления вела логика предшествующих исследований в этом направлении.

Работы по изучению каменного века Туркменистана [Борисковский, 1947; Окладников, 1951; 1953; 1956а; 1956 б; Марков, 1966] и исследования в Дагестане [Котович, 1957; 1961; 1964] имели большое значение как для освещения древнейшей истории этих регионов, так и для решения вопросов, связанных с взаимоотношением культур больших и зачастую весьма обширных территорий. Благодаря этим работам были изучены комплексы раннего палеолита и интересные нас мезолитические памятники. Так, в Юго-Восточном Прикаспии были открыты стоянки Дам-дам-чешме 1, Дам-дам-чешме 2, Джебел, Кайлю, Каскыр-Булак и др.

Уже первые анализы указанных восточнокаспийских комплексов привели исследователей к двум весьма важным выводам: о культурном единобразии памятников этого района и о вхождении данного круга памятников в каспийский вариант финальнопалеолитической и мезолитической культуры [Борисковский, 1947, с. 8; Окладников, 1951, с. 104]. Последующими изысканиями и открытием новых памятников к востоку от Туркменистана (Узбекистан, Таджикистан) эти выводы были еще более

обоснованы и подтверждены [Окладников, 1966; Ранов, 1965].

Наряду с этим сравнительно недавно была сделана попытка разделения материалов Восточного Прикаспия на два варианта, один из которых («прибалаханский») представляет местную культуру (слой 4 «низ» — 7 Дам-дам-чешме 2, мезолитические комплексы Джебела и Каскыр-Булака), а другой — специфический вариант зарзийской культуры (слой 4 «верх» Дам-дам-чешме 2, Ходжа-Су, Дам-дам-чешме 1 и др.) [Коробкова, 1968, с. 15—16; 1970, с. 21—24]. Для комплексов первой группы, связанных с южнокаспийскими памятниками типа Гари-Камарбанд, было признано характерным наличие крупных высоких «симметричных или слегка асимметричных трапеций с прямыми или выпукло-вогнутыми боковыми краями и нередко ретушированным верхним краем», треугольников, приближающихся к равнобедренным, сочетание нуклеусов призматических и конических с нуклеусами дисковидной формы, высокие пропорции изделий и пластинчатая техника раскалывания кремня при незначительном компоненте микролитоидности. В качестве специфических форм, сближающих вторую группу памятников с зарзийской культурой, отмечены острия типа перочинного ножа, скребки нуклеидной и концевой форм и скребки округлых очертаний, проколки с выделенным жалцем, микропластинки с притупленной спинкой, геометрические «микролиты в виде низких, приземистых удлиненных очертаний сегментов и асимметричных вытянутых треугольников с крутой затупливающей ретушью» [Коробкова, 1970, с. 21].

Однако ряд причин заставляют быть осторожными в разделении восточнокаспийских памятников на две культурно обособленные группы. Это подразделение должно быть подкреплено более строгим типологическим анализом. Очевидно, что при сопоставлении инвентарей двух разных памятников не могут быть поставлены на один уровень столь распространенные орудия, как нуклеидные и концевые скребки, скребки овальной формы, острия типа перочинного ножа и т. п., с одной стороны, и асимметричные трапеции с прямым или выпукло-вогнутым краем, равнобедренные треугольники и т. п. — с другой. Если говорить о типологической стороне процедуры, то объединение нескольких памятников в единый узкий культурный массив (археологическую

культуру) может производиться только на основе совпадения всех или большинства культуроопределяющих типов. В противном случае мы приходим к нивелировке цены различных групп орудий внутри инвентаря и лишаем себя твердых оснований выделения более широких, чем тип, категорий анализа археологического материала. А это заставляет прибегать к таким не определенным еще для каменного века понятиям, как «вариант культуры», «локальная культура», «техническая традиция» (в данном случае «зарзийская техническая традиция»). В этом смысле наиболее поражает то, что в группе памятников типа Дам-дам-чешме 1, выделенной Г. Ф. Коробковой как «зарзийская», отсутствуют острия зарзийского типа, считающиеся наиболее симптоматичными для зарзийской культуры. Между тем в наиболее богатом комплексе (слой 4 «верх» Дам-дам-чешме 2) этой группы имеются типы, определяющие культурное лицо памятников «балаханского» круга [Коробкова, 1970, с. 22].

Далее, сопоставляемые друг с другом комплексы должны быть статистически сравнимыми и желательно равноценными. Рассматриваемые же комплексы Восточного Прикаспия зачастую не являются таковыми. Это также делает возможным многозначное объяснение культурной сущности указанных памятников и увеличивает риск ошибки в интерпретации. Кстати, в данном случае так и произошло. Сначала мезолитические комплексы слоя 4 «верх» Дам-дам-чешме 2, Ходжа-Су и Кайлю были объединены с нижними слоями Гари-Камарбанд [Коробкова, 1968, с. 15—16], а потом, как указывалось, эти же памятники были отнесены к зарзийскому варианту, а с Гари-Камарбандом и Хоту объединены слой 4 «низ» — 7 Дам-дам-чешме 2, мезолитические слой Джебела и Каскыр-Булак [Коробкова, 1970, с. 22].

Таким образом, прежнее положение о культурном единобразии известных в настоящее время мезолитических памятников Юго-Восточного Прикаспия, точно так же как и взгляд о вхождении их в кавказско-переднеазиатскую зону развития культур, не может считаться пересмотренным окончательно.

Вернемся теперь к Кавказу. Здесь следует отметить прежде всего, что и сами кавказские культуры обнаруживают между собой большие типологические различия. Сравним для примера чохскую культуру с наиболее представительной закавказской мезолитической культу-

рой Западной Грузии [Черетели, 1973]. Последняя является производной от верхнепалеолитической имеретинской (закавказской по Н. О. Бадеру) археологической культуры и сохраняет основные черты предшествующего времени. Основные из них сводятся к наличию в инвентарях вытянутых суженных сегментов, острий с притупленным краем и закругленным (а иногда заостренным с брюшка) ретушью основанием, прямоугольников преимущественно на микропластинках, низких удлиненных асимметричных треугольников (но не в тупоугольном варианте, как в чохских комплексах). Рассматриваемой культуре совершенно чужды типы, определяющие культурную специфику мезолита горного Дагестана — острия чохского типа, различные варианты высоких трапеций, нуклеусы архаических форм и др.

Конечно, в мезолитических комплексах горного Дагестана и Западного Закавказья есть и много общего, наблюдаемого в технике раскалывания и вторичной обработке орудий, в наборе категорий орудий и в тенденциях развития. По этим показателям могли бы быть объединены все памятники Кавказа данной эпохи. А дальнейшие поиски аналогий, основанных на указанных общих чертах, привели бы на юг — в Переднюю Азию. К этой кавказско-переднеазиатской верхнепалеолитической и мезолитической зоне на равных основаниях примыкают и памятники Юго-Восточного Прикаспия. Более важен вопрос о памятниках этой обширной территории, обнаруживающих тесные типологические параллели. Мы уже указывали на выделение для мезолита Туркменистана «зарзийского варианта». Близкие аналогии (небесспорные, на наш взгляд) с зарзийской культурой отмечались и для финального палеолита Кавказа [Бадер, 1966, с. 142—143]. Тем более интересно рассмотрение раннеголоценовых памятников Юго-Восточного Прикаспия в сравнении с кавказскими.

Из приведенного выше краткого сравнения мезолитических материалов Северо-Восточного Кавказа и Западного Закавказья в какой-то мере видно, что более перспективной для сопоставления с туркменскими памятниками является чохская культура. Детальное изучение приводит к заключению, что между чохскими и хронологически сравнимыми культурными слоями туркменских пещер больше общих черт, чем между последними и памятниками других культур Кавказа. Заметим, что из западнотуркменских стоянок для сопоставления с Чохом

использовались данные по комплексам Дам-дам чешме 2 и Джебела, исследованные обстоятельнее других и доставившие статистически значимые серии кремневого инвентаря.

Сравнение комплексов Чоха, Дам-дам-чешме 2 и Джебела дает нам сходство двух уровней:

1) сходство уже отмеченных выше общих черт, присущих всем индустриям кавказско-переднеазиатской зоны;

2) более тесное сходство, наблюдаемое в специфических категориях кремневых изделий. Здесь наблюдается близость или совпадение таких форм, которые составляют культурное своеобразие групп сравниваемых комплексов. К ним относятся: крупные асимметричные трапеции и их мелкие подобию, выполненные в той же технике; симметричные или почти симметричные трапеции с более или менее вогнутыми боками; узкие высокие, близкие к прямоугольной форме трапеции с прямыми или вогнутыми боковыми сторонами — «поперечно-лезвийные наконечники стрел»; нуклеусы архаических форм (например, дисковидные); незначительный процент микролитовидности пластинчатых заготовок. Интересно, что типологическая сторона сходства сопоставляемых памятников основывается главным образом на трапециевидных формах. Для финального палеолита и мезолита Кавказа и Передней Азии формы эти довольно специфичны и характерны кроме чохских и восточнокаспийских комплексов для памятников Южного Прикаспия на приморской территории Ирана. Речь идет об уже упоминавшихся пещерах Гари-Камарбанд и Хоту [Сооп, 1951, с. 68—76, с. 254—256].

Причин, обусловивших указанное выше сходство, может быть две: конвергентность развития индустрий сопоставляемых регионов или наличие у них единой культурной подосновы. Соображения о конвергентном характере сходства сводятся в основном к тому, что трапециевидные формы, которые находятся в центре производимых нами сравнений, имеют довольно широкое территориальное распространение и встречаются в разных вариациях от Японии [Кава, 1968, рис. 2, с. 243] до Западной Европы (известные гарденуазские стоянки Франции). Еще большую распространенность и единообразие получают эти формы в неолитическое время. Что касается конкретных аналогий из более близких территорий, то трапециевидные формы каспийских памятни-

ков Магриба [Camps, 1968, рис. 1, с. 94] очень похожи на таковые из Гари-Камарбанда. На юге территории СССР такие или близкие к ним орудия можно найти на Южном Урале и частично в Крыму. (Сравнение некоторых трапецевидных форм североиранских и крымских памятников см. [САН, 1970, рис. 15, с. 119].)

Широкий ареал, относительная определенность нижнего хронологического рубежа возникновения (конец верхнего палеолита) и приуроченность стоянок с микролитами рассматриваемых форм в основном к морским и озерным побережьям свидетельствуют, таким образом, в пользу конвергентности в объяснении сходства некоторых черт инвентарей прикаспийских памятников Туркменистана, Северного Ирана и Дагестана (чохская культура). Более убедительны, однако, данные о неслучайном характере близости мезолитических культур очерчиваемого нами ареала, который можно назвать условно южнокаспийским. Во-первых, они объединяются между собой на основании не одного, а нескольких своеобразных типов трапечей. Во-вторых, несмотря на приведенные только что соображения о возможности конвергентного возникновения некоторых разновидностей трапечей, южнокаспийская область оказывается все же окруженной территорией, для культур которой рассматриваемые изделия не характерны. Последние ни в какой мере не отражают специфику натуфийской, кебарийской (в обоих ее вариантах) и зарзийской эпипалеолитических культур, даже если эти изделия единично встречаются в отдельных памятниках. И в-третьих, сходство сопоставляемых нами памятников не ограничивается только трапециями. Об этом уже говорилось выше.

Итак, очевидное сходство мезолитических комплексов южнокаспийской области объясняется, вероятнее всего, наличием общей для них культурной подосновы. Возникают вопросы: на какой территории находились корни этой общности и каково тогда, в частности, происхождение чохской культуры? На эти вопросы сейчас можно дать лишь предположительные ответы. Исходя из всего отмененного, представляется, что наиболее вероятной территорией формирования культурного субстрата южнокаспийского ареала является район, расположенный между горами Эльбурс и Каспийским морем на севере современного Ирана. Именно здесь находятся наиболее ранние из рассмотренных нами памятников — пещеры Хоту и Гари-Камарбанд. Нижние культурные

слои Хоту датированы радиоуглеродным методом временем 11860 ± 840 лет назад [Сооп, 1952]. Выяснение того, существуют ли здесь более ранние памятники, будет целиком зависеть от новых исследований. Что же касается чохской культуры, то, по данным спорово-пыльцевого анализа отложений Чохского поселения, она в своей начальной стадии не древнее Хоту и Гари-Камарбанда.

Носители этой культуры поселились в горах лишь после конца последнего ледникового похолодания. Результаты палинологического исследования указывают на то, что самый нижний слой Чоха формировался, когда уже сложился растительный покров, характерный для времени мангышлакской регрессии Каспийского моря. Возможно, что именно эта регрессия, наиболее значительная в истории Каспийского моря, и была причиной значительных подвижек населения с юга на север вдоль восточного и западного побережий. Указанной регрессии сопутствовал резкий экологический кризис. Уровень моря снизился не менее чем на 50 м [Варушенко и др., 1980; Леонтьев, Чекалина, 1980]. Происходила существенная перестройка ландшафтов, общей тенденцией которой была существенная ксерофитизация растительности.

Комплекс этих природных, гидрографических, ботанико-географических и биогеографических изменений, конечно же, не мог не вызвать и соответствующих изменений в образе жизни и расселении людей. Но почему мы считаем, что в это время в горный Дагестан проникла культура, связанная своим происхождением не с самим дагестанским побережьем или предкавказскими степями, а именно с Южным Прикаспием? Типологические основания для данного заключения уже приводились. Существенным дополнением к этому является то, что мезолитические и неолитические памятники, расположенные начиная от предгорий Северо-Восточного Кавказа до Северного Прикаспия, входят в другой культурный ареал, который так же условно, как и охарактеризованный выше южнокаспийский, можно назвать каспийско-предкавказским или для краткости северокаспийским. Остановимся далее на этом вопросе.

Открытие и исследование памятников заключительного этапа каменного века степей Восточного и Северного Прикаспия связано прежде всего с именами Т. М. Минаевой [1929; 1955], Е. И. Крупнова [1949],

И. В. Сеницына [1933]. Результаты этих работ были отчасти обобщены Т. М. Минаевой [1955]. На примере местонахождения Ястак-Худук она охарактеризовала основные черты неолитических и предположительно неолитических памятников прикаспийских степей, очертила их примерный ареал и отметила основные направления культурных связей входящих в этот ареал памятников. Рассмотрим здесь вкратце выводы Т. М. Минаевой.

Инвентарь указанных памятников состоит в основном из кремневых изделий и обломков керамики. Кремневые орудия представлены мелкими разновидностями сегментов и трапеций, остриями, проколками, наконечниками стрел, скребками и некоторыми другими предметами. Сегменты обработаны по дуге чаще крутой, иногда краевой двусторонней ретушью. Среди трапеций встречаются экземпляры, имеющие двустороннюю плоскую ретушь. Наконечники стрел известны в нескольких вариантах. В Ястак-Худуке, например, найдены такие их разновидности, как листовидные, листовидные с шипом, с полукруглой и угловой выемкой у основания, треугольные с прямым основанием. По нынешним представлениям, снесение подобных двустороннеобработанных наконечников стрел к неолитическому (хотя и позднему) времени было ошибочным.

Каменный инвентарь включал в себя изделия и из иных, чем кремль, пород. Так, в Ястак-Худуке были обнаружены часть топора со сверлиной, долота, «точила», терочки и другие. Часто эти предметы имели тщательную подшлифовку. В этой категории вещей, как нам кажется, тоже есть орудия, относящиеся к более позднему, чем неолит, времени и объединяющиеся по хронологическим рамкам своего бытования с отмеченными выше наконечниками стрел с плоской двусторонней ретушью.

Керамика здесь представлена сосудами разнообразных форм ручной лепки с примесями толченых ракушек и с орнаментацией в виде зубчатого штампа, параллельных вертикальных зигзагов, конических полых ямочек, треугольников, поясков. Кроме того, на Ястак-Худуке обнаружены бронзовые наконечники стрел скифского типа и более поздний археологический материал. Этот поздний компонент отмечается и на ряде других сходных с Ястак-Худуком памятниках, распространенных, по заключению Т. М. Минаевой, от Божиганских песков до Астрахани.

Относительно культурных связей неолитических памятников степей Восточного и Северного Прикаспия указывалось, что они «по кремневому инвентарю сближаются со стоянками кельтеминарской культуры к югу от Казахстана, в Хорезме» [Минаева, 1955, с. 53]. Одновременно подчеркивалось резкое отличие керамики сравниваемых регионов. Впоследствии иную и правильную, на наш взгляд, оценку культурных особенностей рассматриваемых материалов дал А. А. Формозов. Основываясь на геометрических орудиях с двусторонней краевой ретушью и на таком признаке, как наличие в тесте керамики толченой ракушки, он высказал мнение об определенной связи памятников степного Прикаспия с неолитом горной Кубани [Формозов, 1965, с. 62—63]. Вопросы объяснения устанавливаемого сходства, а следовательно, и времени его сложения специально не рассматривались, но и относительно их были приведены суждения, подкрепляющие концепцию автора.

В 60-х и 70-х годах в литературу вошли материалы целого ряда новых прикаспийских памятников [Сеницын, 1960; Грехова, 1960; Любин, 1966а; Праслов, 1971; Мелентьев, 1975; 1977]. Они происходили из Карачаевской Черкесии, Ергеней, Сарпинской низменности, прибрежных районов Калмыкии и районов, окружающих северную часть Каспийского моря. Наиболее значительным в новых открытиях было выявление памятников более ранних, чем известные ранее неолитические [Праслов, 1971; Мелентьев, 1977]. В это же время утвердился и более строгий подход к типологическому анализу индустрий. Была определена основная категория изделий, придающая своеобразие памятникам Северо-Западного и Северного Прикаспия — мелкие геометрические микролиты в виде низких сегментов и трапеций с двусторонней краевой ретушью. Сегменты этого типа, как и техника ретуши, которой они обработаны, вошли в литературу под названием «гелуанские». Данный тип является культуроопределяющим для натуфийских эпипалеолитических памятников Леванта [Neuville, 1951] и сопровождается там обычно изделиями, называемыми «пластинки с выделенной головкой». Последние представляют собой орудия на пластинах или пластинках с симметричными парными ретушированными выемками у дистального или проксимального конца заготовки.

На территории СССР гелуанские сегменты раньше всего были отмечены в неолитических памятниках За-

падного Кавказа [Формозов, 1962; 1965; 1973; Любин, 1966а; Небиеридзе, 1972]. Исходя из того, что в других районах они неизвестны, А. А. Формозов сделал вывод о распространении их на Кавказ с Ближнего Востока. А это, в свою очередь, давало основания для заключения о настолько существенном ближневосточном влиянии, что в результате его вместе с формами натуфийской культуры на Западный Кавказ были принесены и навыки производящего хозяйства [Формозов, 1965]. В данном допущении с самого начала имелось противоречие, заключающееся в хронологическом несоответствии между натуфийской культурой и неолитом Западного Закавказья. Однако данная точка зрения была воспринята большинством исследователей и укоренилась в общих и частных работах по неолиту Кавказа. Опубликованные в 1964 г. материалы Чахатской пещеры (Грузия), в инвентаре мезолитического слоя которой имелись сегмент гелуанского типа [Бердзенишвили, 1964, табл. 1, 9] и пластинка с двустороннеретушированными выемками у конца [Бердзенишвили, 1964, табл. IV, 6], почему-то не принимались в расчет.

Гелуанские сегменты и пластинки с выделенной головкой фигурировали в другой связи при расчленении неолита причерноморского побережья Западной Грузии на два локальных варианта. Их наличие или отсутствие в тех или иных комплексах было признано одним из основных аргументов в пользу разделения культуры этого района на варианты типа Одиши, Гурианта, Анасеули II, для которых указанные орудия не характерны, и Кистрик, Нижняя Шиловка, где они представлены значительными сериями.

В 60—70-х годах стали, как отмечалось, обращать особое внимание на гелуанские сегменты в памятниках прикаспийских степей. На точку зрения А. А. Формозова по этому поводу мы уже указывали. Позднее к поискам аналогий в кавказских материалах обратился и А. Н. Мелентьев. Он допускал возможность как бы паритетных контактов кавказских племен эпохи неолита с населением так называемой сероглазовской культуры, выделенной им для Северного Прикаспия [Мелентьев, 1975, с. 115]. Данный вывод подкреплялся наличием в инвентарях прикаспийских памятников предположительно кавказского обсидиана.

Специфический прием двусторонней краевой ретуши на пластинках и микролитах был установлен между тем

для прикаспийских памятников, открытых позже и датированных А. Н. Мелентьевым мезолитом. Получалось, таким образом, что обработанные гелуанской ретушью изделия, в том числе и сегменты, в «сероглазовских» мезолитических памятниках появляются раньше, чем на Кавказе. В связи с этим встала необходимость переориентировок культурных аналогий. Теперь отмечалось лишь общее сходство прикаспийских памятников с кавказскими и указывалось на более тесную, даже генетическую, связь с Ближним Востоком [Мелентьев, 1977, с. 105]. Таким образом, получалось, что культуры Ближнего Востока влияли на неолит Закавказья и в равной (если не в большей, согласно А. Н. Мелентьеву) мере на мезолит Северного Прикаспия. И процессы эти, судя по вышеописанным построениям, протекали независимо друг от друга.

Нам представляется, что решение рассмотренных выше вопросов можно перевести в другую плоскость. Речь пойдет в связи с этим о навесе Сатанай (Губский навес № 7). Этот памятник расположен на Северо-Западном Кавказе в 9 км к западу от станции Баракаевской Мостовского района Краснодарского края на р. Губс (приток р. Белой). Своеобразный материал навеса Сатанай в свое время дал повод для предварительного выделения губской археологической культуры [Бадер, 1965]. В отношении датировки памятника исследователи говорят о рубеже верхнего палеолита и мезолита [Формозов, 1965; Бадер, 1965; Аутлев, Амирханов, 1977]. Именно этот памятник содержит в своем инвентаре и гелуанский сегмент [Формозов, 1965, с. 50, рис. 20, 2], и пластину с выделенной головкой. Навес Сатанай — наиболее ранний на территории СССР комплекс, содержащий предметы указанных форм. Он синхронен тем из ближневосточных памятников, в которых рано появляются гелуанские сегменты.

Орудия, о которых идет речь, встречены в инвентаре навеса Сатанай в единичных экземплярах. Это не имеет решающего значения для рассматриваемого вопроса, так как единичность специфических изделий не то же самое, что единичность распространенных форм. Но даже если они и случайны, то все равно сам факт их наличия может свидетельствовать об их конвергентном возникновении. Таким образом, оправдываются сомнения относительно ближневосточного происхождения гелуанских сегментов и пластин с выделенной головкой в некоторых

памятниках кавказского Причерноморья [Мунчаев, 1975, с. 71]. Поиски истоков этих форм для данной территории приводят теперь на Северо-Западный Кавказ. Логичнее допустить их распространение в пределах самого Кавказа примерно на 200 км с севера на юг, чем протягивать связи на многие тысячи километров к Восточному Средиземноморью. Это тем более вероятно, что факты, документирующие сообщение людей через перевалы Западного Кавказа, известны для разных периодов каменного века, начиная с эпохи мустье [Любин, 1965, с. 71].

Из указанной выше постановки вопроса следует два вывода. Первый касается необходимости исключить гелуанские сегменты и пластины с выделенной головкой из аргументации в пользу продвижения производящих форм хозяйства с Ближнего Востока на причерноморские районы Западного Кавказа. Второй имеет отношение к выделению локальных вариантов в причерноморском неолите. Как уже указывалось, Л. Д. Небиеридзе разделяет неолитические памятники Западного Закавказья на две относительно обособленные в культурном и территориальном отношении локальные группы. Повторим, что инвентари одной из них характеризуются наличием гелуанских сегментов и пластинок с выделенной головкой. Для второй группы они не типичны. Исходя из ближневосточного происхождения указанных орудий, Л. Д. Небиеридзе приходит к распространенному выводу, что «в западнокавказской неолитической культуре выделяется ряд признаков, большую часть которых она унаследовала от местного мезолита... а другую часть от древнейших культур Передней Азии...» [Небиеридзе, 1972, с. 117]. Лейтмотивом же сопоставлений причерноморских неолитических материалов с северокавказскими является указание на сходство между ними, объясняемое, как обычно, заимствованием северокавказскими племенами прогрессивных ближневосточных элементов культуры у западнокавказского населения.

Л. Д. Небиеридзе тоже не принимает во внимание тот факт, что предметы, на которых обосновывается это положение, известны в северокавказском неолите в более раннее время, чем в Причерноморье. Имеется в виду местонахождение Овечка в Карачаево-Черкесии [Любин, 1966а], не говоря уже о навесе Сатанай. Нам же представляется более реальным выводить истоки западнокавказских памятников с микролитами, обработанными «гелуанской» ретушью, из северо-западнокав-

казского мезолита. Вариант культуры Кистрик — Нижняя Шиловка в том виде, в каком мы его знаем, является скорее всего результатом смешения северокавказских и западнокавказских мезолитических и неолитических традиций. Северо-западнокавказский компонент здесь, во всяком случае, явно присутствует. Не случайно, видимо, и территориальное группирование памятников с гелуанскими микролитами и без них. Так, первые расположены близко к Сочи-Адлерскому району, где переход с Северного Кавказа в Закавказье (и наоборот) был легко возможен по географическим условиям и осуществлялся почти во все известные эпохи. Напротив, памятники второго варианта расположены значительно восточнее — в Гурии и Мегрелии.

Сатанайские и некоторые другие материалы заставляют по-иному посмотреть и на проблему мезолитических памятников степей Западного и Северного Прикаспия. Думается, прав А. Н. Мелентьев, исключая автохтонное (северокаспийское) происхождение местной мезолитической культуры. Однако вряд ли правомочно выводить ее с Ближнего Востока от памятников зарзыйского типа и устанавливать между ними «этногенетическую близость». В качестве доказательства существования этой близости приводятся такие факты сходства сравниваемых материалов, как «высокая микролитонность индустрии в целом, массовое употребление геометрических вкладышей, в том числе и сегментов низких удлиненных пропорций, нередко обработанных при этом специфическим способом: двусторонней ретушью по дуге изделия. Общая черта — большое количество пластин со скошенными концами и пластин с ретушью по продольным краям со стороны брюшка» [Мелентьев, 1977, с. 105]. Из всех этих признаков для основного вывода А. Н. Мелентьева имеют значение, на наш взгляд, орудия, близкие к сегментам гелуанского типа. Остальные черты доказываемого сходства очень общи и типичны для мезолитических памятников разных регионов, особенно для районов классического развития культур каменного века. В частности, они в полной мере характерны для мезолита Кавказа. Указание о том, что пластины, обработанные ретушью с брюшка, не характерны для Кавказа, не совсем верно. Такие изделия встречаются в памятниках триалетской культуры [Габуния, 1975, табл. 7, 8], в мезолитическом слое пещеры Шау-Легет в Северной Осетии [Любин, 1966б]. Часто этот тип орудий слу-

жит хронологическим показателем более поздних в пределах мезолита индустрий. В то же время орудия, о которых идет речь, не являются диагностическими для культурной специфики зарзийских памятников. На них нельзя поэтому опираться при установлении генетического единства северокаспийских и ближневосточных памятников.

Существенным аргументом против проведения рассматриваемых параллелей является и отсутствие промежуточных звеньев, связывающих два сравниваемых региона. Передвижение на север носителей зарзийской культуры должно было оставить следы вдоль восточного или западного побережий Каспийского моря. Они неизвестны. Правда, высказывалась подробно проанализированная нами выше точка зрения о существовании в прикаспийском Туркменистане «локального варианта» культуры, имеющего генетические связи с памятниками типа Зарзи. Мы пытались показать ее недостаточную убедительность. А. Н. Мелентьев, как видно из его работ, также не придерживается этого взгляда. Во всяком случае, он нигде не ссылается на восточнокаспийские комплексы как на указание продвижения зарзийцев на север Прикаспия. Это неудивительно, ибо для установления близости с зарзийской культурой Г. Ф. Коробкова основывается для Туркменистана на одних формах орудий, А. Н. Мелентьев для Северного Прикаспия — на других, а Н. О. Бадер [1966, с. 142] для Кавказа — на третьих. Причиной тому является, во-первых, недостаточная четкость в определении специфических особенностей зарзийской культуры и, во-вторых, обобщенный зачастую подход к типологическим сопоставлениям.

В настоящее время нет данных, которые говорили бы и о западнокаспийском пути продвижения на север населения с традициями зарзийской культуры. Остается снова обратиться к Кавказу так же, как это делалось первоначально в отношении неолитических памятников прикаспийских степей. К этому приводит не столько логика рассуждений по методу исключения, сколько сам конкретный материал. И наиболее надежный ориентир в этих сравнениях — опять-таки микролиты с двусторонней краевой ретушью, особенно сегменты, изготовленные в этой технике. Появились к тому же и новые материалы, дополняющие наши знания по данному вопросу. Остановимся кратко на них.

В 1977 г. в центральной части Ставропольского края

нами было открыто мезолитическое местонахождение Томузловка. Оно расположено в 1,5 км к востоку от хутора Жуковского Новоселицкого района и приурочено к небольшому мысу, вытянувшемуся от края водораздела к р. Томузловка. Здесь на ограниченной площади была собрана значительная коллекция кремневых орудий (около 3 тыс. предметов), происходящая из разрушенного культурного слоя. Сырьем для орудий служил кремнь черного, серого и темно-красного цвета. Особое значение имеет наличие в инвентаре отщепов из черного и черного с коричневыми прожилками обсидиана. Ближайшее отсюда месторождение обсидиана находится в Баксанском ущелье Кабардино-Балкарской АССР.

подавляющее большинство изделий Томузловки представляют собой заготовки и производственные отходы. Имеются и серии различных орудий. Среди них наиболее интересны сегменты со своеобразной техникой ретуши, трапеция, небольшой равнобедренный треугольник. Дуга сегментов обработана чередующейся ретушью. Те их части, которые примыкают к основаниям, обработаны со спинки, а вершина — полукрутой ретушью с бруска. По существу, это гелуанская техника ретуширования, приспособленная к узким и тонким исходным заготовкам. По указанным сегментам, трапециям, мелким равнобедренным треугольникам, а также по общим показателям инвентаря Томузловки обнаруживает значительную близость к мезолитическим памятникам Северного Прикаспия.

Томузловка — не единственный памятник Предкавказья, который может рассматриваться в данном контексте. Аналогичный инвентарь содержит еще одно местонахождение — Дубовка, расположенное в 30—40 км к западу от первого. Оно было открыто в 1979 г. В. Г. Петренко. Памятники, о которых идет речь, связаны с территорией, которая считалась полосой, ограничивающей кавказские памятники от прикаспийских. Местонахождения Томузловки и Дубовки как бы заполняют этот пространственный разрыв и служат, таким образом, еще одним веским позитивным аргументом в пользу мнения о северокавказских, а не ближневосточных истоках мезолита Северного и Северо-Западного Прикаспия.

Из всего сказанного следует вывод, что в мезолите и неолите в пределах кругокаспийской области существовали два культурных ареала. Первый, называемый ус-

ловно южнокаспийским, включает в себя территории, примыкающие к морю с юго-запада, юга и юго-востока. Второй, определяемый условно как северокаспийский, охватывал пространства степей Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия. В эти ареалы входили две группы культур, различных по своему происхождению. Массив памятников северокаспийского ареала имел генетические истоки на Северном Кавказе, а культуры южнокаспийского ареала связаны, по-видимому, своими корнями с прибрежными районами Южного Прикаспия.

Место стыка этих ареалов пока еще трудно определить с достаточной четкостью. В западной части кругокаспийской области граница между ними, вероятнее всего, проходит примерно на дагестанском побережье. Основания для такого допущения дают неопубликованные пока материалы сборов В. И. Марковина на песчаных выдувах в районе с. Алмало, несколько севернее г. Махачкала. Неясно пока, в каком соотношении с памятниками северокаспийского ареала находятся неолитические местонахождения предгорного Дагестана: Буйнакск, Тарнаир и некоторые другие [Марковин, 1957; В. И. Марковин, Мунчаев, 1957; Марковин, 1959; Котович, 1964], тогда как существенное отличие их от чохской культуры, на наш взгляд, несомненно. Западная, северная и восточные границы рассматриваемого ареала достаточно размыты. Отмечалось распространение в эпоху неолита северокаспийских элементов культуры вверх по течению Волги [Минаева, 1955] и на территорию Волго-Уральского междуречья [Мелентьев, 1977]. Нельзя, по-видимому, исключить и направление продвижения предкавказско-северокаспийских традиций в сторону Южной Украины.

Необходимо остановиться кратко и на вопросе о судьбах мезолитических культур кругокаспийской области в последующее время. Чохская культура, как было показано в настоящем исследовании, в первой половине VI тысячелетия до н. э. приобретает комплекс качественно новых явлений и вступает в неолитический этап своего развития. Определяющими в этой трансформации выступают факторы внутреннего развития. Ареал культуры, судя по имеющимся к настоящему времени данным, не изменяется. Черты самобытности не исчезают. Они сохраняются и развиваются.

Дальнейшая история культуры, представленной па-

мятниками Южного Прикаспия (Гари-Камарбанд, Хоту), не столь отчетлива. Эта территория оказалась в VII и на рубеже VI тысячелетия до н. э. в сфере кардинальных изменений в экономике и культуре, связанных с последствиями возникновения и первых шагов развития производящего хозяйства. Процессы эти прямо затронули, хотя и в затухающей форме, территорию Юго-Восточного Прикаспия. Новая, неолитическая, волна культурного влияния повторяла путь продвижения мезолитических обитателей южных побережий Каспийского моря в Закаспий. Что касается самих мезолитических индустрий Туркменистана, то отзвуки их дошли до Южного Урала [Окладников, 1956а, с. 218]. Сравнительно недавние исследования надежно установили наличие тесных культурных параллелей восточнокаспийскому мезолиту в комплексах янгельской культуры Южного Урала [Матюшин, 1961; 1969; 1976]. В сложении же джейтунской неолитической культуры местный мезолитический субстрат не сыграл решающей роли [Массон, 1971].

Становление неолита северокаспийского ареала на основе местного мезолита выступает достаточно ясно из приводившегося выше подробного рассмотрения материалов. Культурную преемственность этих эпох в степях, ограниченных Кавказом и Каспийским морем, подтверждают и новые открытия. О некоторых из них мы уже говорили. Необходимо упомянуть в этой связи и о стоянке Джангар в Калмыкии [Кольцов, 1982, с. 102—105]. В отличие от других ранее известных местонахождений археологические остатки залегают здесь в сохранившемся культурном слое на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности. В этом большая ценность стоянки по сравнению с другими многочисленными местонахождениями соседних районов. Будучи однослойным, он позволяет верифицировать оценки неолита прикаспийских степей, датировавшиеся ранее по материалам, полученным с развееванных площадей. Оценки эти с небольшими поправками в целом оправдываются. В инвентаре Джангара широко представлены сегменты и трапеции, обработанные иногда двусторонней краевой ретушью, мелкие треугольники, ногтевидные скребки и другие орудия. Найдено здесь и большое количество фрагментов керамики. Исследователь памятника поначалу был склонен датировать этот комплекс ранними этапами неолита. На наш взгляд, больше оснований

относить его к финалу неолита, т. е. ближе по времени к энеолиту, чем мезолиту. Однако памятник еще исследуется, и возникающие вопросы, видимо, впоследствии разъяснятся. Заслуживает внимания предварительное указание на наличие в составе остеологической коллекции стоянки костей домашних животных [Кольцов, 1982, с. 103].

Примеры с местонахождением Томузловка и поселением Джангар позволяют надеяться на обнаружение новых памятников, которые позволят уточнить, а может быть, и изменить некоторые из утвердившихся представлений о развитии культуры Северо-Западного Прикаспия и Предкавказья в мезолите и неолите.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чохское поселение — единственный многослойный памятник на Восточном Кавказе, содержащий одновременно мезолитические и неолитические культурные слои. Одно это уже подчеркивает его ключевое значение для решения многих важных проблем первобытной истории данного региона. Обширные раскопки и комплексное изучение его дали богатые и в некоторых отношениях уникальные пока для Кавказа материалы. Историко-сравнительное изучение последних на широком фоне синхронных культур соседних территорий подводит нас к выяснению характера материальной культуры, хозяйства, историко-культурной ситуации и природного окружения в мезолите и неолите горного Дагестана. Значительный хронологический размах культурных отложений дает возможность рассмотреть эти явления в динамике.

На основании разносторонних данных Чохского поселения вырисовывается многоплановая картина развертывания исторического процесса на Северо-Восточном Кавказе в мезолите и неолите. На рубеже ледникового времени — плейстоцена и современного геологического периода — голоцена (примерно 10 тыс. лет назад) происходит одна из наиболее значительных в истории Каспийского моря регрессий. Уровень моря опускается до 50 м от абсолютного нуля. Это время характеризуется резкой аридизацией климата. В кругокаспийской области образуются обширные пространства полупустынных и пустынных ландшафтов. Столь значительный экологический перелом неизбежно должен был привести к изменениям и в расселении людей. Естественно, что в таких условиях горные районы с их разнообразной природной зональностью были более подходящими для обитания. К тому же ледниковые условия, исключавшие прежде сколько-нибудь основательное заселение гор, сменились здесь к началу голоцена на сухие и умеренно прохладные, т. е. стали достаточно благоприятными,

учитывая имевшееся богатство фауны и особенно стадных копытных.

Как показывают палинологические данные Чохского поселения, именно в это время Центральный Дагестан был заселен людьми с культурой, имевшей много общих черт с населением южной половины кругокаспийских побережий. С этого рубежа, по-видимому, нужно начинать отсчет времени окончательного, не прерывавшегося уже впоследствии заселения людьми Центрального Дагестана (так же как среднегорий и высокогорий Восточного Кавказа в целом) и начало стабильного поступательного развития культуры данного региона. К указанной хронологической границе следует относить и развертывание процессов сложения субстратовых этнических групп, местных языковых ареалов и особенностей материальной культуры. В протекании этих процессов уже на первых этапах должны были сказываться специфические особенности, связанные с относительной географической изоляцией рассматриваемой территории, а следовательно, и доминированием внутренних факторов исторического развития над внешними. Подтверждением этого является сама чохская археологическая культура, характеризующаяся яркими самобытными чертами.

На первом, мезолитическом этапе своего существования, охватывающем примерно VIII—VII тысячелетия до н. э., она развивается очень спокойно и как бы замедленно. Инфильтрации и сколько-нибудь значительные нововведения не отмечаются, изменение отдельных форм каменных орудий происходит в виде плавной эволюции. Темпы исторического развития резко меняются на рубеже VII и VI тысячелетий. В это время начинается новокаспийская трансгрессия, связанная с наступлением атлантического времени. Происходит существенная перестройка ландшафтов, вызванная потеплением климата и увеличением влажности. На платообразных горах Центрального Дагестана с высотными отметками 1600—1900 м распространяется растительный покров, включающий совершенно невозможные в предшествующий период и отсутствующие, кстати, в настоящее время участки широколиственных лесов (дуб, граб, ясень и т. п.). Качественно новые изменения претерпевает в это же время и культура обитателей горного Дагестана. Появляется целый комплекс признаков, отражающих коренной перелом в хозяйственной деятельности и образе жизни людей. Новшества эти проявляются в существ-

венном обогащении орудий труда и предметов быта, указывающих на наступление новой исторической эпохи — неолита. На уровне неолитического слоя Чохского поселения мы фиксируем хотя и примитивные, но долговременные искусственные жилища, сосуды из обожженной глины, зернотерки, редкие и очень архаичные земледельческие орудия. Найдены здесь также обуглившиеся зерна окультуренных злаков и кости одомашненных животных. Эти факты свидетельствуют о начальном этапе перехода от присваивающего к производящему хозяйству и установлении прочного оседлого быта.

Несмотря на столь существенные изменения, чохская культура и на неолитическом этапе сохраняет специфические черты, унаследованные от предшествующего времени. Последние наблюдаются прежде всего в единичных для мезолитических и неолитического слоя культуруопределяющих типах кремневого инвентаря и особенно в первичной и вторичной обработке камня. Что касается новых, неолитических элементов культуры, то и они не находят прямых аналогий в более или менее одновременных материалах смежных территорий. Сравнивая их с аналогичными данными более отдаленных регионов, например Ближнего Востока, можно заключить, что сближающие их черты (тип жилища и поселений, разновидности земледельческих орудий и утвари) носят конвергентный и стадиальный характер. Они одинаково свойственны для памятников, демонстрирующих собой начальные этапы неолитической революции в пределах ограниченных территорий, где этот процесс протекал в основном на местной культурно-исторической и природно-географической базе.

В данной связи следует отметить, что определенная близость к неолитическому инвентарю Чохского поселения отмечается и в материалах раннеземледельческих памятников Закавказья. Но сходство завуалировано хронологической дистанцией между ними. Иное дело, когда с памятниками круга шулавери-шомутепе мы сравниваем поселение энеолита горного Дагестана — Гинчи. Сходство основных показателей различных категорий инвентарей наблюдается здесь со всей очевидностью. Между тем отличия Чохского поселения от Гинчи не менее очевидны и по сути своей отражают разницу между неолитом и энеолитом любой территории, где эти эпохи выделяются отдельно. Хронологический разрыв между Чохом и Гинчи подчеркивают и разделяю-

щие их поздненеолитические ругуджинские памятники Центрального Дагестана. Все сказанное служит подтверждением тому, что Чохское поселение можно рассматривать как указание на наличие в пределах горной части Восточного Кавказа пласта памятников, предшествующего по времени раннеземледельческим памятникам Закавказья и составляющего историко-культурную подоснову последних.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, 1981.— *Абрамова Г. А.* Палинологический анализ четвертичного морского террасового комплекса Западного Прикаспия.— Спорово-пыльцевой анализ при геоморфологических исследованиях. М., 1981.
- Агаханянц, 1981.— *Агаханянц О. Е.* Аридные горы СССР. М., 1981.
- Агаширинова, 1978.— *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин. М., 1978.
- Агларов, 1974.— *Агларов М. А.* Переход к террасному земледелию и особенности общественного строя ранних земледельцев-горцев. Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тезисы докладов). Л., 1974.
- Александрова, 1974а.— *Александрова М. В.* К методике изучения палеолитических поселений (по материалам мустьерской стоянки Сухая Мечетка).— Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974.
- Александрова, 1974б.— *Александрова М. В.* Древнейшие нижнепалеолитические жилища и поселения.— Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974.
- Амирханов, 1975.— *Амирханов Х. А.* Новые исследования Чохской стоянки.— АО 1974 года. М., 1975.
- Амирханов, 1977а.— *Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий. Автореф. канд. дис., 1977.
- Амирханов, 1977б.— *Амирханов Х. А.* О возможности существования позднепалеолитического жилища под скальным навесом в Чохской стоянке (Дагестан).— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 47. М., 1977.
- Амирханов, 1977в.— *Амирханов Х. А.* Типологические параллели поздним комплексам Чохской стоянки в мезолите Восточного Прикаспия.— Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
- Амирханов, 1982а.— *Амирханов Х. А.* Некоторые итоги изучения неолитического слоя Чоха в 1980—1981 гг.— Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения (тезисы докладов). М., 1982.
- Амирханов, 1982б.— *Амирханов Х. А.* Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе).— Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа (тезисы докладов). Ереван, 1982.
- Амирханов, 1982в.— *Амирханов Х. А.* Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане.— Природа. 1982, № 5.
- Амирханов, 1983.— *Амирханов Х. А.* Начало земледелия в Дагестане.— Природа. 1983, № 2.

Андреанов, 1978.— *Андреанов Б. В.* Земледелие наших предков. М., 1978.

Анучин, 1884.— *Анучин Д. Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г.— *Известия Русского географического общества.* Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884.

Аутлев, Амирханов, 1977.— *Аутлев П. У., Амирханов Х. А.* Костяной инвентарь стоянки Сатанай (Губского навеса № 7).— *Сборник трудов по археологии Адыгеи.* Майкоп, 1977.

Бадер, 1961.— *Бадер Н. О.* О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа.— *СА.* 1961, № 4.

Бадер, 1965.— *Бадер Н. О.* Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.— *СА.* 1965, № 4.

Бадер, 1966.— *Бадер Н. О.* Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока.— *Археология Стараго и Нового Света.* М., 1966.

Бадер, 1970.— *Бадер Н. О.* Мезолит.— *Каменный век на территории СССР.* М., 1970.

Бахтеев, Янушевич, 1981.— *Бахтеев Ф. Х., Янушевич З. В.* Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтепе I и Ярымтепе II в Северном Ираке.— *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

Бжания, 1966.— *Бжания В. В.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии.— *СА.* 1966, № 1.

Берг, 1929.— *Берг В.* География ячменя в Дагестане.— *Труды всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству.* Т. III. М., 1929.

Бердзешвили, 1964.— *Бердзешвили Н. З.* Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцитела. Тб., 1964.

Бибигов, 1936.— *Бибигов С. Н.* Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции в 1935 г.— *СА.* 1936, № 1.

Бибигов, 1962.— *Бибигов С. Н.* Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы.— *СА.* 1962, № 3.

Бибигова, 1981.— *Бибигова В. И.* Животноводство в Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э. (по материалам Халафского поселения Ярымтепе II).— *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

Борисковский, 1947.— *Борисковский П. И.* Палеолитические местонахождения в Туркмении.— *КСИИМК.* Вып. XVIII. М., 1947.

Булатова, 1982.— *Булатова А.* Сириус и Орион в сельскохозяйственном календаре некоторых народов горного Дагестана.— *Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980—1981 гг. (тезисы докладов).* Махачкала, 1982.

Вавилов, 1932.— *Вавилов Н. И.* Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932.

Вавилов, 1936.— *Вавилов Н. И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий.— *Природа.* 1936, № 2.

Вавилов, 1957.— *Вавилов Н. И.* Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.—Л., 1957.

Вавилов, 1960а.— *Вавилов Н. И.* Ботанико-географические основы селекции (учение об исходном материале в селекции).— *Избранные труды.* Т. II. М.—Л., 1960.

Вавилов, 1960б.— *Вавилов Н. И.* Научные основы селекции пшеницы.— *Избранные труды.* Т. II. М.—Л., 1960.

Вавилов, 1962.— *Вавилов Н. И.* Пять континентов. М., 1962.

Вавилов, 1965а.— *Вавилов Н. И.* Пути советской селекции.— *Избранные труды.* Т. V. М.—Л., 1965.

Вавилов, 1965б.— *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений.— *Избранные труды.* Т. V. М.—Л., 1965.

Вавилов, 1965в.— *Вавилов Н. И.* Учение о происхождении культурных растений после Дарвина.— *Избранные труды.* Т. V. М.—Л., 1965.

Вавилов, 1965 г.— *Вавилов Н. И.* Мировые очаги сортовых богатств (генов) культурных растений.— *Избранные труды.* Т. V. М.—Л., 1965.

Вавилов, 1965д.— *Вавилов Н. И.* Географическая локализация генов пшениц на земном шаре.— *Избранные труды.* Т. V. М.—Л., 1965.

Вавилов, 1965е.— *Вавилов Н. И.* Линнеевский вид как система.— *Избранные труды.* Т. V. М.—Л., 1965.

Варушенко и др., 1980.— *Варушенко А. Н. и др.* Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене — голоцене.— *Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене.* М., 1980.

Векилова, 1957.— *Векилова Е. А.* Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий.— *МИА* № 59. М., 1957.

Верещагин, 1959.— *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959.

Волкова, Чиликина, Ярулина, 1979.— *Волкова Н. Н., Чиликина Л. Н., Ярулина Н. А.* Карта растительности. М., 1979.

Габуня, 1975.— *Габуня М. К.* Триапетская мезолитическая культура. Тб., 1975 (на груз. яз.).

Гаджиев, 1974.— *Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана.— *Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тезисы докладов).* Л., 1974.

Гаджиев, 1980а.— *Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана.— *Северный Кавказ в древности и средневековье.* М., 1980.

Гаджиев, 1980б.— *Гаджиев М. Г.* Древнейшие поселения горного Дагестана.— *Древние и средневековые археологические памятники Дагестана.* Махачкала, 1980.

Гвоздовер, 1961.— *Гвоздовер М. Д.* Палеолитическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ в 1959—1960 гг.— *ВА.* Вып. 7. М., 1961.

Гвоздовер, 1964.— *Гвоздовер М. Д.* Палеолитические памятники Нижнего Дона.— *САИ (A1-5).* М.—Л., 1964.

Гвоздовер и др., 1974.— *Гвоздовер М. Д. и др.* Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе.— *Древняя история народов юга Восточной Сибири.* Вып. 1. Иркутск 1974.

Гиммельрейх, Соловьев, 1979.— *Гиммельрейх В. А., Соловьев Д. В.* Осадки, температура воздуха. Направление ветра.— *Атлас Дагестанской АССР.* М., 1979.

Гладких, 1974.— *Гладких М. И.* Малые жилища в позднем палеолите Восточной Европы.— *Реконструкция древних общественных отношений по материалам жилищ и поселений.* М., 1974.

Грехова, 1960.— *Грехова Л. В.* Памятники неолита Восточного Предкавказья.— *Тр. ГИМ.* Вып. 37. М., 1960.

Григорьев, 1970.— *Григорьев Г. П.* Верхний палеолит.— *Каменный век на территории СССР.* 1970.

- Григорьев, 1972.— *Григорьев Г. П.* О методике установления локальных различий в палеолите.— Упехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972.
- Григорьев, 1977.— *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки.— Палеолит мира. Т. 1. Л., 1977.
- Гроссгейм, 1948.— *Гроссгейм А. А.* Растительный покров Кавказа. М., 1948.
- Декапрелевич, 1942.— *Декапрелевич Л. Л.* Грузинский очаг формообразования пшеницы.— Сообщения АН ГССР. Т. III, № 7. Тб., 1942.
- Джавахишвили, 1973.— *Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тысячелетий до н. э. Тб., 1973.
- Ефименко, Борисковский, 1957.— *Ефименко П. П., Борисковский П. И.* Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.).— МИА № 59. М., 1957.
- Замятнин, 1935.— *Замятнин С. Н.* Новые данные по палеолиту Закавказья.— СЭ. М.— Л., № 2.
- Замятнин, 1950.— *Замятнин С. Н.* Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг.— Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. II. М.— Л., 1950.
- Замятнин, 1957.— *Замятнин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья.— Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. Л., 1957.
- Замятнин, Акритас, 1957.— *Замятнин С. Н., Акритас П. Г.* Раскопки грота Сосруко в 1955 г.— УЗ КВНИИ. Вып. XIII. Нальчик, 1957.
- Исламмагомедов, 1967.— *Исламмагомедов А. И.* Поселения. Жилища.— Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
- Кетрару, 1965.— *Кетрару Н. А.* Исследование гротов Северо-Запада Молдавии.— Охрана природы Молдавии. Вып. 8 Кишинев, 1965.
- Кигурадзе, 1976.— *Кигурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тб., 1976.
- Кольцов, 1982.— *Кольцов П. М.* Результаты археологических разведок 1976—1980 гг. на территории Калмыцкой АССР.— Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982.
- Коробков, 1965.— *Коробков И. И.* Нуклеусы Яштуха.— МИА № 131. М., 1965.
- Коробкова, 1968.— *Коробкова Г. Ф.* Культура Средней Азии эпохи мезолита и неолита.— Проблемы археологии Средней Азии (тезисы докладов и сообщений). Л., 1968.
- Коробкова, 1970.— *Коробкова Г. Ф.* Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии.— КСИА. Вып. 122. М., 1970.
- Котович, 1955.— *Котович В. Г.* Отчет о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции. Рукописный фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. 3, ед. хр. 2224.
- Котович, 1956.— *Котович В. Г.* Отчет о работе первого горного отряда ДАЭ в 1956 г. Рукописный фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. 3, ед. хр. 2333.
- Котович, 1957.— *Котович В. Г.* Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане.— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. III. Махачкала, 1957.
- Котович, 1959.— *Котович В. Г.* Некоторые итоги изучения каменного века в Дагестане.— Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.
- Котович, 1961.— *Котович В. Г.* Археологические работы в горном Дагестане.— МАД. Т. II. Махачкала, 1961.
- Котович, 1964.— *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
- Котович, 1974.— *Котович В. Г.* Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана.— Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тезисы докладов). Л., 1974.
- Котович, 1982.— *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
- Котович и др., 1973.— *Котович В. М., Марковин В. И., Хехнева Т. Д.* Древние и современные ареалы диких копытных на территории Дагестана.— МАД. Т. III. Махачкала, 1973.
- Крайнов, 1938.— *Крайнов Д. А.* Пещерная стоянка Замиль-коба № 1.— Труды ГИМ. Вып. VIII. М., 1938.
- Краснов, 1969.— *Краснов Ю. А.* Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии.— КСИА. Вып. 118. М., 1969.
- Крупнов, 1949.— *Крупнов Е. И.* Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИИМК. Вып. XXVII. М., 1949.
- Куфтин, 1941.— *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тб., 1941.
- Кушнарера, Джапаридзе, 1978.— *Кушнарера К. Х., Джапаридзе О. М.* Рец. на: *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.— СА. 1978, № 1.
- Кушнарера, Чубинишвили, 1970.— *Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
- Лапин, 1974.— *Лапин В. В.* Об основной тенденции в развитии жилой архитектуры.— Реконструкция древних общественных отношений по материалам жилищ и поселений. Л., 1974.
- Леонтьев, Чекалина, 1980.— *Леонтьев О. К., Чекалина Т. И.* Колебания уровня Каспийского моря в голоцене.— Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона. М., 1980.
- Лилиенберг, Ибрагимов, 1979.— *Лилиенберг Д. А., Ибрагимов Д. М.* Среднегорный Дагестан.— Региональная геоморфология Кавказа. М., 1979.
- Лисицына, 1974.— *Лисицына Г. Н.* Культурные растения и их роль в развитии производящей экономики на территории Кавказа.— Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (Тезисы докладов). Л., 1974.
- Лисицына, Прищепенко, 1977.— *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Лугуев, 1982.— *Лугуев С.* О празднике первой борозды у лакцев в XIX в.— Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980—1981 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1982.
- Любин, 1965.— *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий.— МИА № 131. М., 1965.
- Любин, 1966а.— *Любин В. П.* Неолитическая стоянка на Овечке (Карачаево-Черкесия).— Труды Карачаево-Черкесского НИИИЯЛ (серия историческая). Вып. V. Ставрополь, 1966.
- Любин, 1966б.— *Любин В. П.* Первые сведения о мезолите горного Кавказа (Осетия).— МИА № 131. М., 1966.

- Любин, 1968.— *Любин В. П.* Исследования палеолита в горах Западного Кавказа.— АО 1967 года. М., 1968.
- Любин, 1978а.— *Любин В. П.* К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите.— Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Любин, 1978б.— *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1978.
- Магомедова, 1982.— *Магомедова М. А.* Летние календарные обряды и праздники даргинцев во II половине XIX—начале XX в.— Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980—1981 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1982.
- Марков, 1966.— *Марков Г. Е.* Грот Дам-дам-чешме 2 в Восточном Прикаспии.— СА. 1966, № 2.
- Марковин, 1957.— *Марковин В. И.* Археологические находки с территории Тарнаира.— КСИИМК. Вып. 67. М., 1957.
- Марковин, 1959.— *Марковин В. И.* Неолитическая стоянка близ Махачкалы.— МАД. Т. I. Махачкала, 1959.
- Марковин, Мунчаев, 1957.— *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Неолитическая стоянка близ г. Буйнакса.— КСИИМК. Вып. 67. М., 1957.
- Матюшин, 1961.— *Матюшин Г. Н.* Стоянка Мурат на озере Узункуль.— СА. 1961, № 1.
- Матюшин, 1969.— *Матюшин Г. Н.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита.— СА. 1969, № 4.
- Матюшин, 1976.— *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Массон, 1971.— *Массон В. М.* Поселение Джейтун (МИА № 180). Л., 1971.
- Мелларт, 1982.— *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
- Мелентьев, 1975.— *Мелентьев А. Н.* Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия).— КСИИМК. Вып. 141. М., 1975.
- Мелентьев, 1977.— *Мелентьев А. Н.* Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры).— КСИИМК. Вып. 149. М., 1977.
- Менабде, 1948.— *Менабде В. Л.* Пшеница Грузии. Тб., 1948.
- Милановский, Хаин, 1963.— *Милановский Е. Е., Хаин В. Е.* Геоморфологическое строение Кавказа. М., 1963.
- Минаева, 1929.— *Минаева Т. М.* Кремневая индустрия Нижнего Поволжья.— Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 36 Ч. I. Саратов, 1929.
- Минаева, 1955.— *Минаева Т. М.* Стоянка с микролитическим инвентарем на черных землях.— КСИИМК. Вып. 59. М., 1955.
- Мунчаев, 1954.— *Мунчаев Р. М.* Отчет Дагестанской археологической экспедиции 1954.— Архив ИА АН СССР. Р-1, д. 1136.
- Мунчаев, 1975.— *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев, 1982.— *Мунчаев Р. М.* Энеолит Кавказа.— Энеолит СССР (Археология СССР). М., 1982.
- Мунчаев, Мерперт, 1981.— *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- Нариманов, 1966.— *Нариманов И. Г.* Древнейшая земледельческая культура Азербайджана.— ДСА VII МКДП.
- Нариманов, 1982.— *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI—IV тысячелетия до н. э.) Автореф. докт. дис. Тб., 1982.
- Нариманов, Махмудов, 1967.— *Нариманов И. Г., Махмудов Ф. Р.* Энеолитические памятники на Мугани.— Известия АН Аз. ССР. Серия истории, философии и права. 1967, № 2.
- Небиеридзе, 1972.— *Небиеридзе Л. Д.* Неолит Западного Закавказья. Тб., 1972.
- Окладников, 1951.— *Окладников А. П.* Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова.— ТЮТАКЭ. Т. 2. Ашх., 1951.
- Окладников, 1953.— *Окладников А. П.* Изучение памятников каменного века в Туркмении.— Известия АН Туркменской ССР. Ашх., 1953.
- Окладников, 1956а.— *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении.— ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашх., 1956.
- Окладников, 1956б.— *Окладников А. П.* Древнейшее прошлое Туркменистана.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашх., 1956.
- Окладников, 1966.— *Окладников А. П.* Верхнепалеолитическое и мезолитическое время.— Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М., 1966.
- Османов, 1974.— *Османов М. О.* Географическая среда и производящие формы хозяйства (по этнографическим данным).— Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тезисы докладов). Л., 1974.
- Паничкина, 1950.— *Паничкина М. З.* Палеолит Армении. Л., 1950.
- Праслов, 1968.— *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и нижнего Дона. Л., 1968.
- Праслов, 1971.— *Праслов Н. Д.* Памятники каменного века Южных Ергеней.— КСИИМК. Вып. 126. М., 1971.
- Ранов, 1965.— *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Душ., 1965.
- Рогачев, 1970.— *Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища и поселения.— Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- Рогачев, 1973.— *Рогачев А. Н.* Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине.— Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Рычагов, 1977.— *Рычагов Г. И.* Плейстоценовая история Каспийского моря.— Автореф. докт. дис. М., 1977.
- Синицын, 1933.— *Синицын И. В.* Древние памятники приморских районов Калмыцкой области.— Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. VI. Саратов, 1933.
- Синицын, 1960.— *Синицын И. В.* Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия.— Труды Саратовского музея краеведения. Вып. 3. Саратов, 1960.
- Соловьев, 1967.— *Соловьев Л. Н.* Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа.— Материалы по археологии Абхазии. Тб., 1967.
- Тушабрамишвили, 1969.— *Тушабрамишвили Д. М.* Итоги работ археологической экспедиции в Квирильском ущелье в 1969 г.— Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тб., 1969.
- Формозов, 1954.— *Формозов А. А.* Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР.— СА. Вып. XXI. М., 1954.

- Формозов, 1958.— *Формозов А. А.* Пещерная стоянка в Староселье. М., 1958.
- Формозов, 1959.— *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Формозов, 1962.— *Формозов А. А.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.— МИА № 102. М., 1962.
- Формозов, 1963.— *Формозов А. А.* Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе.— СА. 1963. № 4.
- Формозов, 1965.— *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Формозов, 1972.— *Формозов А. А.* К истории древнейшего скотоводства на юге СССР.— Труды Московского общества испытателей природы. Т. XLVIII. М., 1972.
- Формозов, 1973.— *Формозов А. А.* О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа.— КСИА. Вып. 137. М., 1973.
- Формозов, 1977.— *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. Т. XLVIII. М., 1972.
- Церетели, 1973.— *Церетели Л. Д.* Мезолитическая культура Причерноморья Грузии. Тб., 1973 (на груз. яз.).
- Черныш, 1959.— *Черныш А. П.* Поздний палеолит Среднего Приднестровья. М., 1959.
- Шнирельман, 1980.— *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Шукин, 1926.— *Шукин И. С.* Очерки геоморфологии Кавказа. Ч. 1. Большой Кавказ.— Труды НИИГ МГУ. Вып. 2. М., 1926.
- Якубинер, 1956.— *Якубинер М. М.* К истории культуры пшеницы в СССР.— Материалы по истории земледелия. Т. II. М.—Л., 1956.
- Aurenche, 1981.— *Aurenche O.* La maison orientale. L'architecture du Proche Orient ancien des origines au milieu du quatrième millénaire. Т. 2. P., 1981.
- Bohmers, 1960.— *Bohmers A.* Statistique et graphique dans l'études matériels lithiques préhistoriques.— Antiquités nationales et internationales. Fasc. III et IV. 1960, Septembre—Décembre.
- Bordes, 1961.— *Bordes F.* Typologie du paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.
- Bordes, Fitte, 1964.— *Bordes F., Fitte P.* Microlithes du Magdalénien supérieur de la Gar de Couze (Dordogne).— Diputation provincial de Barcelona. Instituta de prehistoria y arqueologia.
- САН, 1970.— The Cambridge Ancient History. Vol. 1. P. 1. Prolegomena and History. Cambridge, 1970.
- Camps, 1968.— *Camps G.* Le Capsien supérieur. Etat de la question.— Le préhistoire. Problèmes et tendances. P., 1968.
- Coon, 1951.— *Coon C. S.* Cave Explorations in Iran, 1929. Philadelphia, 1951.
- Coon, 1952.— *Coon C. S.* Excavations in Hotu Cave.— PAPS. Vol. 96, № 3.
- Heinzelin, 1962.— *Heinzelin J. de.* Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles, 1962.
- Helbaek, 1969.— *Helbaek H.* Plant Collecting, Dry-Farming and Irrigation Agriculture in Prehistoric Deh Luran.— *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969.
- Erinç, 1980.— *Erinç S.* Human Ecology in Southeastern Anatolia.— Prehistoric Research in Southeastern Anatolia. I. Istanbul, 1980.
- Ikawa, 1968.— *Ikawa F.* Some Aspects of Paleolithic, Cultures in Japan.— Le préhistoire. Problèmes et tendances. P., 1968.
- Kozłowski, 1980.— *Kozłowski S. K.* Bemerkungen zum Mesolithicum in der Tschechoslowakei and in Österreich.— Veröffentlichung des Museums für Uhr- und Frühgeschichte. B. 14—15. Potsdam, 1980.
- Laplace, 1964.— *Laplace J.* Essai de typologie systématique. Ferrara, 1964.
- Leroi-Gourhan и др., 1966.— *Leroi-Gourhan A.* и др. Le préhistoire. P. Martin, Bar Josef, 1979.— *Martin G., Bar Josef O.* Ein Gev III.— Paléorient. P., 1979.
- Neuville, 1951.— *Neuville R.* Le paléolithique et le mésolithique du Désert de Judée (Archives de l'Institut de paléontologie humaine. Mémoire 24). P., 1951.
- Sonneville-Bordes, 1960.— *Sonneville-Bordes D. de.* Le paléolithique supérieure en Périgord. Bordeaux, 1960.
- Sonneville-Bordes, Perrot, 1965.— *Sonneville-Bordes D. de, Perrot J.* Lexique Typologique du paléolithique. III. Outils composite Perroirs.— BSPF. 1955, t. 52, f. 1—2
- Sonneville-Bordes, Perrot, 1954.— *Sonneville-Bordes D. de, Perrot J.* Lexique typologique du paléolithique supérieure. Outillage lithique: I. Grattoirs, II. Outils solutréens.— BSPF, 1954, vol. LI, f. 7.
- Tixier, 1963.— *Tixier J.* Typologie de l'épipaléolithique en Maghreb. P., 1963.
- Zeist, Woldring, 1978.— *Zeist W. van., Woldring H.* A Postglacial pollen Diagram from Lake Van in East Anatolia.— Review of Paleobotany and Palynology. Amsterdam. 1978, № 26.

- АО — Археологические открытия. М.
 БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.
 ГИМ — Государственный исторический музей
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.—Л.
 МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии. Л.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
 НИИИЯЛ — Научно-исследовательский Институт истории, языка и литературы
 РФ ИА АН СССР — Рукописный фонд Института археологии АН СССР
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников
 СЭ — Советская этнография. М.
 ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
 УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик.
 BSPF — Bulletin de la société préhistorique Française. P.
 PAPS — Proceedings of the American Prehistory Society. Philadelphia.

**Электронная библиотека
 Института истории,
 археологии и этнографии
 Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

- мест. — местонахождение
 мог. — могильник
 пещ. — пещера
 пос. — поселение
 сел. — селение
 ст. — стоянка
 ущ. — ущелье
- Айн-Гев III, пос. 107
 Акушинский р-он (Дагестан-
 ская АССР) 75, 184
 Али-Кош, пос. 146
 Алмало, сел. 202
 Америка 180
 Анасеули II, мест. 196
 Анатолия 154, 169, 170, 176
 Армянское нагорье 148
 Архинда, ст. 134
 Астрахань, г. 194
 Афганистан 169, 171
- Бакдакули, р. 14, 16, 17, 26,
 68, 126, 185
 Баксан, ущ. 201
 Баракаевская, станция 197
 Барка, пос. 154
 Белая, р. 197
 Белуджистан 169
 Ближний Восток 6, 105, 106,
 136, 148, 164, 176, 196, 197,
 207
 Боливия 172
 Большой Кавказ, горн. сист.
 136, 148
 Ботлихская котловина 167
 Буйнакск, мест. 202
- Верхнегунибское поселение 154,
 166
 Внутренний Дагестан 166, 167,
 179
 Волга, р. 202
 Волго-Уральское междуречье
 202
 Восточная Анатолия 176
- Восточный Кавказ 6, 136, 143,
 164, 165, 168, 176, 179, 205,
 206, 208
 Восточный Прикаспий 187, 188,
 193, 195
- Гари-Камарбанд, пещ. 188, 189,
 191—193, 203
 Геджух, сел. 3
 Гималаи, горн. сист. 170
 Гиндукуш 170
 Гинчи, пос. 108, 122, 131, 133—
 136, 142, 143, 166, 178, 179,
 207
 Грузия 83, 161, 170, 171, 196
 Губс, р. 197
 Губская культура 182
 Гуниб, сел. 14
 Гурианта, мест. 196
 Гурия, ист. обл. 199
- Дагестан (Дагестанская АССР)
 3—5, 8, 14, 25, 107—109, 112,
 113, 133—135, 141, 149, 150,
 154, 157, 160, 161, 164—168,
 170, 172—174, 176, 178, 184,
 185, 187, 190—193, 202, 205,
 206
 Дам-дам-чешме 1, пещ. 187—
 189
 Дам-дам-чешме 2, пещ. 187—
 189, 191
 Джангар, пос. 203, 204
 Джебел, пещ. 188, 189, 191
 Джейтунская культура 203
 Джийта II, пос. 107
 Долины Вестоницы, ст. 163

Дубовка, мест. 201

Европа 163
Ергени (Ергенинская возвышенность) 195

Жуковский, хут. 201

Зави-Чем-Шанидар, пос. 107
Закавказская (имеретинская) культура 182, 190

Закавказье 5, 59, 60, 108, 122, 141, 143, 148, 150, 161, 167, 169, 173, 174, 197, 199, 208

Закаспий 203

Западная Грузия 171, 190, 196

Западная Европа 191

Западная Сирия 176

Западное Закавказье 127, 166, 190

Западный Кавказ 121, 196, 198

Западный Прикаспий 30, 185, 199

Зарзыйская культура 107, 188, 190, 192, 200

Зуртакети, пещ. 174

Ирак 107

Иран 169, 171, 191

Кабардино-Балкарская АССР 201

Кавказ 3—6, 23, 41, 45, 56, 73, 76, 78, 86, 101, 105, 108, 113, 121, 131, 136, 137, 144, 148, 156—161, 167, 170, 171, 174, 176, 177, 180, 182, 187, 189, 190, 191, 193, 196—200, 205, 206

Кавказский хребет 136

Кавказское Причерноморье 137, 198, 199

Казахстан 195

Казикумухское Койсу, р. 16

Кайлю, мест. 187

Калмыкия 195, 203

Каменнобалковская культура 59

Каменноостская пещера 137, 166

Карабах, ист. обл. 170, 171

Кара-койсу, р. 14

Карачаево-Черкесия 195, 198

Каскыр-Булак, местн. 187—189

Каспийская область 4

Каспийское море 185, 187, 192, 193, 195, 205

Каякент, сел. 3

Кебарийская культура 106, 192

Кегер, сел. 14

Кельтеминарская культура 195

Кистрик, ст. 196, 199

Козьма-нохо, ст. 183, 184

Костенки 1, ст. 163

Кругокаспийская область 182

Крым 41, 163, 192

Кубань, ист. обл. 195

Кумух, сел. 16

Левант 176, 195

Левашинский р-он (Дагестанская АССР) 75, 184

Ленкорань 170

Магриб 192

Малая Азия 169

Малин-крат, ст. 134, 154, 160

Махачкала, г. 202

Мегрелия, ист. обл. 199

Мостовской р-он (Краснодарский край) 197

Мурейбит, пос. 107

Мучу-бахил-бакли, ст. 134

Натуфийская культура 106, 192, 195

Нахал-Орен, пос. 107

Нижняя Шиловка, пос. 196, 199

Новоселицкий р-он (Ставропольский край) 201

Нохола-ад, мог. 65, 131, 133

Овечка, мест. 198

Одиши, мест. 196

Осетия 170

Палестина, ист. обл. 169

Пенджаб 169

Передняя Азия 148, 167, 173, 190, 191, 198

Перу 172

Предкавказье 165, 202, 204

Русская равнина 41, 110, 163

Сакажия, пещ. 78

Сарпинская низменность 195

Сатанай, с. 18, 59, 197, 198

Северная Индия 169

Северная Осетия 199

Северный Иран 171, 192

Северный Кавказ 5, 164, 166, 173, 174, 199, 202

Северный Прикаспий 193, 195—197, 199—202

Северо-Восточная Турция 170

Северо-Восточный Кавказ 6, 134, 160, 162, 174, 180, 190, 193, 205

Северо-Восточный Прикаспий 202

Северо-Западная Индия 169

Северо-Западный Кавказ 122, 166, 197, 198

Северо-Западный Прикаспий 195, 201, 202, 204

Сиалк, пос. 63

Сирия 154, 169

Согратль, сел. 14

Сосуко, ст. 18, 138

Средняя Азия 169

Ставропольский край 200

Староселье, пещ. 163

Таджикистан 187

Тарнаир, мест. 202

Таро-кде, пещ. 38

То музловка, мест. 201

То музловка, р. 201, 204

Триалетская культура 199

Туркменистан 169, 187, 190, 192, 200, 203

Турчидагское плато 16, 17, 25, 27, 68, 102, 126, 157, 175, 184

Узбекистан 187

Франция 191

Хаджилар, пос. 146

Хенсибан, пос. 107

Хергулис-кде, пещ. 38

Ходжа-Су, мест. 188, 189

Хоту, пещ. 189, 191—193, 203

Цанти-чай, р. 14

Центральное Закавказье 127, 136, 137, 179

Центральный Дагестан 66, 75, 85, 137, 164—167, 179, 184, 206, 208

Цудахар, сел. 14

Чайою-тепеси, пос. 146

Чатал-гюк, пос. 154

Чахати, пещ. 196

Чехословакия 163

Чох, сел. 3, 14

Чохская культура 8, 87, 94, 182, 186, 192, 202, 206

Чохское поселение (Чох) 5, 6, 8, 13, 14, 18—23, 25—31, 33, 34, 36, 41—48, 50, 51, 53, 55, 56, 58—60, 63, 65, 68, 73, 75, 80—82, 84, 87, 91, 95, 98, 100, 108, 110, 117, 121, 123, 124, 129, 132—140, 142, 143, 147—151, 154, 158—161, 165, 168, 173—176, 179, 182—187, 191, 193, 205—208

Шулавери-шомутепе (культура) 108, 131, 142, 207

Шулавери-шомутепе (культура) 108, 131, 142, 207

Эльбурс, горн. сист. 192

Эфиопия 170, 172

Юго-Восточная Азия 164

Юго-Восточный Прикаспий 187, 189, 190, 203

Южная Азия 179, 180

Южная Украина 202

Южное Закавказье 166, 179

Южный Кавказ 159

Южный Прикаспий 191, 193, 202, 203

Южный Урал 192, 203

Янгельская культура 203

Япония 191

Ястак-Худук, мест. 194

Kh. A. Amirkhanov. *The Chokh Settlement: Man and His Culture.*

The Chokh settlement is the only multi-layer specimen in the Eastern Caucasus which has both Mesolithic and Neolithic cultural layers. This alone accentuates its key importance for solving many important problems of the primordial history of this region. Extensive excavations and comprehensive studies of it have produced rich and so far unique material. Its historico-comparative study against a broad background of synchronous cultures of the neighbouring territories helps elucidate the character of material culture and economy, the historico-cultural situation and natural environment in mountainous Dagestan in Mesolithic and Neolithic periods. The chronogological extensiveness of cultural deposits makes it possible to examine the dynamics and development continuity of these phenomena.

The book includes the introduction, four chapters and the conclusion.

The introduction features the history of studies of the Chokh settlement, its place in the archaeology of the ancient Caucasus and its significance for solving many important problems, emphatically the rise of a producing economy in the Caucasus.

Chapter 1 describes the geomorphology of the settlement and the geological cross-section of its cultural layers. The natural environment as it was of this most ancient settlement in Dagestan is reconstructed by way of a spore-pollen analysis.

Chapter 2 deals with the archeological material of the excavations made by V. G. Kotovich in 1955-57 and by this author in 1974 and 1980-82. Examined in detail are stone and bone items, ceramics, animal and plant remains. Dwellings and the related problem of a Neolithic settlement are subjected to a special analysis.

Chapter 3 sums up the data related to the origin of a producing economy in the Caucasus. These data suggest a relatively independent pattern of the development of cultivation and animal husbandry in the region in the first half of the 6th millenium B. C.

In Chapter 4 the author argues the existence in the Mesolithic and Neolithic periods of a circum-Caspian region which had two cultural areas—South Caspian and North Caspian. The Chokh culture is attributed to South Caspian area.

The Conclusion sums up the study.

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Геоморфологическое положение, стратиграфия и датировки культурных слоев. Палеогеографическая ситуация памятника	14
Глава II. Описание и анализ археологического материала	36
Раскопки 1955—1957 гг.	37
Культурный слой 6 (слой E)	37
Культурные слои 5—3 (слой D)	39
Культурные слои 2—1 (слой C)	61
Раскопки 1974 и 1980—1982 гг.	66
Мезолитический слой E	74
Мезолитический слой D	87
Неолитический слой C	94
Неолитические жилища Чоха. Проблема поселения	95
Кремневый инвентарь	113
Орудия из известняка и сланца	123
Керамика	127
Орудия из кости	138
Палеоботанические остатки	143
Палеозоологические остатки	150
Горизонт C ₁	155
Глава III. Чохское поселение и проблема возникновения производящего хозяйства на Восточном Кавказе	158
Глава IV. Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области	182
Заключение	205
Литература	209
Список сокращений	218
Указатель географических названий, археологических памятников и культур	219
Summary	222

Хизри Амирханович Амирханов

ЧОХСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Человек и его культура
в мезолите и неолите
горного Дагестана

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор *Я. Б. Гейшерик*
Младший редактор *Л. А. Минина*
Художник *В. В. Локшин*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. Н. Дегтярева*

ИБ № 15447

Сдано в набор 12.12.86. Подписано к печати 14.04.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,76 Усл. кр.-отт. 11,97. Уч.-изд. л. 12,82. Тираж 1400 экз. Изд. № 6128. Зак. № 1173. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Чохское поселение — единственный многослойный памятник Восточного Кавказа, содержащий одновременно мезолитические и неолитические культурные слои. Комплексное изучение материалов, полученных в результате раскопок поселения, позволяет охарактеризовать хозяйство, историко-культурную ситуацию и природное окружение человека в мезолите и неолите горного Дагестана.

